

БРАТЯ БАЙРН

ПОРОЧНЫІ

сюзь

ДЖИЛЛ РАМСОВЕР

Кейр

Дочь губернатора попала в неприятности.

Если я защищу ее, ее отец будет мне очень обязан.

Но лучший способ уберечь ее — жениться на ней.

Сделать ее одной из наших.

Загвоздка? У нее есть парень, с которым она не готова расстаться.

Хорошо, что для такого парня, как я, нежелающая меня невеста — не проблема.

Роуэн

Как получилось, что годы соблюдения правил так быстро закончились?

Я сделала все возможное, чтобы мои родители были довольны мной во всех отношениях.

Но когда в нашем доме появился ирландский гангстер с татуировками ростом в шесть футов, вся моя жизнь стала рушиться.

Теперь, проснувшись с вытатуированным на пальце кольцом, я начинаю бояться, что пути назад уже нет.

Перевод и оформление выполнено группой stp_books (#+m08DPkMMvntiOWYy)

1

На людей не охотились как на добычу уже тысячи лет, но что-то в нашей ДНК все еще помнило эту охоту. Инстинктивное чувство выживания. Даже когда сознание не распознавало опасность, чувства подсказывали.

Например, колючее чувство тревоги, которое пробежало по моей шее после того, как я позволила себе войти в дом родителей. Там должно было быть пусто. Мама и папа еще не вернулись домой. Свет был выключен. В доме было тихо, только тихое гудение электроприборов наполняло наполненную солнцем тишину.

Я уже начала рыться в холодильнике, когда почувствовала это — жгучее осознание, греющее мою спину.

Кто-то был позади меня. Наблюдал.

В голове мгновенно промелькнула тысяча мыслей. Мама и папа скорее сказали бы что-нибудь, чем стали бы прятаться в тени, так что это были не они. Папина охрана? Будучи губернатором Нью-Йорка, он всегда имел поблизости телохранителя. Мог ли он вернуться в дом за чем-то?

И вместо этого решил наблюдать за тобой?

Вряд ли. Я знала большую часть сотрудников, с которыми он работал, и все они были хорошими парнями. Кто же тогда останется? Сигнализация была все еще включена, когда я вошла. Либо у человека был код, либо он каким-то образом проник внутрь, не отключив сигнализацию. Так кто же это был? Есть только один способ выяснить это.

Мой пульс участился еще больше.

Я схватила пакет молока и закрыла холодильник, не оборачиваясь, отошла в сторону и потянулась к шкафчику наверху за стаканом. Одновременно я просунула другую руку в ящик стола в районе талии, где хранились ножи для стейков, и положила один из них на прилавок.

Только после этого я обернулась.

Как органы чувств узнали об этом? Они не ошиблись. Я не могла не поразиться их развитости, хотя мои мысли должны были быть направлены не туда. Незнакомый мужчина, прислонившийся к дверному косяку в другом конце комнаты, был самым что ни на есть пугающим. Его мускулистая фигура была больше моей, а татуировки проглядывали над воротником его облегающей рубашки. Но дело было не только в этом — его тело излучало дикое спокойствие, как будто весь мир должен был лежать у его ног, потому что если этого не произойдет, он сожжет все к чертовой матери.

Я должна была ужаснуться. Именно так отреагировала бы нормальная женщина, столкнувшись с таким безупречным хищником. Но я не была нормальной. Я боялась только одного в жизни, и этот мужчина не был им.

— Ты заблудился? — Спросила я ровным голосом.

Адреналин хлынул в мою кровь — чисто физиологическая реакция, с которой ничего нельзя было поделать. Страх был совсем другим монстром. Настоящий страх — это зыбучий песок, похожий на смолу, который душит человека изнутри. Я знакома со страхом, и это был не он.

Мужчина слегка наклонил голову. Может быть, всего на один градус, но я заметила, и могу поклясться, что это означало любопытство. Он находил меня забавной.

А мне его любопытство показалось неуместным.

— Не потерялся, просто жду, — в конце концов ответил он.

Его голос был грубым и одновременно мягким, как урчание голодной кошки в джунглях.

— Моего отца?

— Да.

— Люди обычно договариваются о встрече. Как правило, это лучше, чем проникновение в дом.

— Люди обычно пугаются, когда встречают незнакомого человека в своем доме.

Он подошел ближе.

— Не в моем доме.

Я оперлась локтями на столешницу позади себя, приблизив руки к спрятанному ножу настолько, насколько это было возможно без раскрытия оружия.

— Вернее, в доме твоих родителей.

Когда он оказался ближе, я увидела насыщенный бирюзовый оттенок его глаз. Он был красив для преступника — четко очерченная линия челюсти, густые волосы песочного цвета и редкая симметрия лица, которой позавидовал бы Голливуд. Он должен был понимать, что с его внешностью взлом и проникновение бессмысленны. Он, вероятно, мог бы обаянием проложить себе путь в Белый дом. Почему он решил встретиться с моим отцом таким образом?

— Как тебя зовут?

Мое любопытство взяло верх.

Его губы дернулись в уголках.

— Кейр.

Я не назвала своего имени, а он не спросил. У меня сложилось впечатление, что он уже знает.

— Если ты здесь из-за моего отца, значит, тебе что-то от него нужно. Ты должен знать, что это не принесет тебе пользы. А если ты здесь, чтобы навредить ему, то ты должна знать,

что с ним всегда есть охрана.

— Я здесь только для того, чтобы поговорить.

— О чем?

— О делах.

Многословный человек, как видно.

Он дошел до большого острова с мраморной столешницей всего в дюжине футов от меня. Моя челюсть сжалась. Что-то в этом человеке возбуждало мое любопытство, и я чувствовала, что интрига была взаимной. Однако вытягивание информации раздражало меня. Почему бы ему просто не сказать мне, в чем дело? Мой отец не был скрытным типом, и его нельзя было купить, так что же такого хотел обсудить этот Кейр, что оправдывало бы этот трюк с проникновением?

— Почему ты не боишься? — Спросил он ровным, нарочитым тоном.

Сделав один шаг, затем другой, он начал огибать остров.

— Ты хочешь, чтобы я боялась? Это то, что тебя заводит? — Я огрызнулась в ответ, сохраняя голос таким же ровным, как у него.

— Ты не любишь отвечать на вопросы.

Шаг.

— Ты тоже.

Шаг.

Его глаза, яркие, как Карибское море, пробежались по моему лицу, словно запоминая мои черты. От его пристального взгляда мне стало не по себе.

— Тебе не стоит подходить ближе, — наконец предупредила я, в моем голосе появилась легкая дрожь.

Шаг.

— Почему нет?

Теперь он был всего в паре футов от меня. Вблизи он казался еще больше. Я не была миниатюрной при росте пять футов пять дюймов, но он возвышался надо мной. Должно быть, шесть футов три или четыре дюйма. И дело было не только в его росте. Он был широкоплечим, как профессиональный атлет, с развитой мускулатурой. Вероятно, ему было около тридцати лет. Уверенный в себе. Расчетливый. Смертоносный. Настоящий хищник.

Одним быстрым движением я вытянула нож из-за спины и крепко сжала его в кулаке.

— Потому что у меня есть это, и я воспользуюсь им.

Глаза Кейра, казалось, стали еще ярче.

— И зачем тебе понадобилось делать это?

Он подался вперед.

— Защититься?

Полностью игнорируя нож, он подался вперед, пока лезвие не коснулось его груди.

— Достоешь оружие, когда не планируешь его использовать.

— А что говорит о том, что я не собираюсь?

Я быстро поднесла нож к его горлу, кончик прижался к коже.

Он наклонился вперед ровно настолько, чтобы лезвие проткнуло кожу.

— Потому что я еще дышу, — пробормотал он.

У меня не было возможности ответить.

В одну секунду я направляла на него нож, а в следующую он схватил меня за руку, развернул к стойке и заставил держать лезвие у моего горла, а не у его. Я не могла

сдвинуться ни на дюйм. Его руки, как стальные прутья, обвились вокруг меня, а его твердое тело прижалось к спине. Я была в его власти.

— Если ты не используешь оружие, ты рискуешь тем, что твой противник использует его против тебя.

Его губы были так близко к моему уху, что каждое тихо произнесенное слово казалось лаской. Дрожь пробежала по коже и заставила внутренности всколыхнуться. Это было единственным объяснением тому, почему чувства могли так перепутаться, что молния похоти пронзила меня до глубины души. Как эта ситуация могла возбудить меня? Никак. Мой мозг просто отключился.

Он невероятно горяч, Ро.

И опасный! Я с отвращением отмахнулась от прихотливого голоса в моей голове.

— Я никогда не утверждала, что я боец, — сказала я с вызовом. — Только то, что я не буду плакать.

Я не шевелилась. Отчасти потому, что острое ножа дразняще пыталось проткнуть мою кожу, но также и потому, что не было смысла бороться с ним. Я никуда не уйду, если он не отпустит меня.

Внешне я была совершенно спокойна, но внутри опьяняющее чувство восторга бурлило в венах. словно монстр Франкенштейна, которого ударила первая молния, я почувствовала, как мое тело оживает. Ситуация была опасной. Я не должна была наслаждаться происходящим, но какая-то часть меня хотела ухватиться за это чувство обеими руками и никогда не отпускать.

— Не думаю, что что-то может довести тебя до слез, — размышлял Кейр как бы про себя.

Лезвие нежно скользило по моей шее, замедляясь в точке пульса. Мое дыхание становилось все более поверхностным и частым, с каждым разом впуская в себя все больше его пьянящего аромата старой кожи и моторного масла, окутанного следами дорогого одеколona. Это было странное сочетание ароматов, которые каким-то образом прекрасно дополняли друг друга.

— Я уверена, что ты справишься, но я бы предпочла, чтобы ты этого не делал.

В его груди раздалось восхищенное урчание, затем он медленно переместил руку, отпустив мою и осторожно перехватив нож. Он обезоружил меня таким образом, что скорее требовал моей капитуляции, чем заставлял подчиниться. Я могла бы вырваться и порезать ему пальцы, так как рукоятка ножа все еще была крепко зажата в моей руке. Но его действия говорили о том, что он не хочет причинить мне вреда, поэтому я последовала его примеру и выпустила оружие.

Он бросил нож на прилавок, затем медленно отпустил меня, стараясь встать между мной и ножом. От его прикосновения я ощутила холод.

— Если ты не хотел причинить мне боль, почему ты просто не отошел? Или тебе нравится мучить людей?

Кейр уставился на меня. Я воспользовалась возможностью сделать то же самое, пытаюсь понять этого нервирующего человека.

— Я мог бы сделать гораздо хуже, если бы хотел помучить тебя.

— Тогда почему?

Молчание.

— Потому что я мог.

Его запоздалые ответы были стратегической игрой власти. У меня возникло ощущение, что он привык контролировать ситуацию, даже властвовать над темпом разговора.

Я отказалась играть по его правилам.

— Нет.

Я покачала головой.

— Ты сделал это, чтобы показать мне, что ты можешь. В этом есть разница.

Он слегка кивнул.

— Тогда у тебя есть ответ.

Возможно, но это не внесло никакой ясности. Все в этом человеке было окутано тайной. Мне хотелось взять нож и снять с него маску, чтобы открыть то, что скрывалось под ней.

Мое любопытство выводило меня из себя.

Это означало, что я испытываю какой-то интерес к тому, что узнаю, а это было бы бессмысленно. Кейр явно жил во вселенной, выходящей за рамки моей собственной, где-то там, где царит безрассудство и опасность гибели. Я не хотела участвовать в этом, а значит, не должна была хотеть его участия.

— Думаю, будет лучше, если ты подождешь снаружи, — пролепетала я, скрестив руки на груди.

Сузившийся взгляд Кейра, казалось, вертел меня, как кубик Рубика, в поисках решения. Однако его усилия были прерваны звуком открывающейся входной двери. Мы повернулись к входу, но никто не появился. Мне вдруг пришло в голову, что они ожидали, что сигнализация будет снята, и не знали, что я зашла. Скорее всего, его сотрудник службы безопасности приступил к отработанному протоколу действий в чрезвычайной ситуации.

— Папа, это я! Я на кухне.

Приглушенные голоса проникли в дом, прежде чем мой отец появился в поле зрения.

— Привет, Ро! Мы тебя не ждали.

Его движение замедлилось, когда он увидел нашего гостя.

— Да, извини за это. Я забыла написать.

Я посмотрела на Кейра, который теперь стоял рядом со мной.

— Эм, это Кейр. Он пришел к тебе.

У меня не было времени подумать о том, что я скажу папе, когда он вернется домой. Я могла бы побежать к нему и рассказать, как мужчина ждал меня в доме, когда я пришла, но я этого не сделала, и я не была уверена, почему. Чтобы не устраивать сцену? Возможно. Чтобы предотвратить арест Кейра? Эта мысль звучала громче, чем остальные, что только больше раздражало меня.

Отец снял пиджак и повесил его на барный стул на кухне, не сводя глаз с Кейра.

— Почему бы тебе не подняться наверх, милая, пока я поговорю с мистером Байрном.

— У нее нет причин уходить, — неожиданно для меня сказал Кейр. — Я здесь только для дружеской беседы, и после того короткого времени, которое я провел с Роуэн, я бы сказал, что ее женская чувствительность не находится под угрозой.

Его глаза переместились на меня, в них блеснул юмор.

Он... дразнил меня? В какой странный и непонятный мир я попала?

Я понимала, что он высмеивает архаичную мужскую потребность защищать невинных женщин, но это выводило меня из равновесия. Он вел себя так, как будто мы знали друг друга. Как будто у нас было достаточно взаимопонимания, чтобы использовать личную

шутку. Конечно, я не сдала его, но это не делало нас друзьями.

Я изо всех сил старалась сдерживать свою реакцию, когда поняла, что отец изучает мое лицо в поисках понимания того, что произошло между мной и Кейром.

— Чувствительность моей дочери — не ваше дело. Насколько вы понимаете, их не существует.

Резкий ответ отца удивил меня. Он был защитником, но его статус общественного деятеля означал, что он редко проявлял агрессию.

Надеясь разрядить обстановку, я налила себе стакан молока из пакета, о котором почти забыла, и молилась, чтобы отец не заметил нож, наполовину спрятанный за упаковкой.

— Мама на одном из своих собраний? — Спросила я небрежно.

— Да, но она должна быть дома с минуты на минуту, так что будет лучше, если мы поторопимся. Что привело вас так далеко от Моху, мистер Байрн?

Моху? Что это было? Я сделала мысленную заметку посмотреть, что это такое.

Двое мужчин стояли друг напротив друга, между ними была белая мраморная стойка, а я, как рефери, находился в стороне. Конечно, в стороне стоял начальник папиной службы безопасности, но это ничего не меняло. Эти двое были готовы сразиться лицом к лицу.

— Я вижу, ты провел свое расследование, — ровно сказал Кейр.

— Я предчувствовал, что от вас так просто не отделаться, хотя я уже сказал вам, что не заинтересован в ведении дел с вашей... организацией.

— Очень самонадеянно с вашей стороны отказываться от нас, не выслушав меня. Я думал, что вы известны как один из хороших людей, непредвзятых и открытых.

— Говорите то, что хотели.

Приказ отца повис в воздухе.

— Как вы знаете, мэр близок к тому, чтобы объявить о том, что он назначен на место уходящего в отставку комиссара полиции. Человек, которого он планирует поставить у власти, еще более коррумпирован, чем сам мэр, что говорит о многом.

Тень гримасы омрачила лицо моего отца.

— Вы не хуже меня знаете, что как губернатор, я не могу контролировать, кого назначают на эту должность.

— Ну же, Александр.

Кейр наклонил голову.

— Вы были в игре достаточно долго, чтобы знать, как это работает. То, что это не входит в ваши должностные обязанности, не означает, что вы не имеете никакого влияния.

— Я построил свою карьеру на честности.

Отец оскалился.

— Я не собираюсь сейчас это терять.

— Вам не нужно переходить границы, чтобы оказывать влияние. Скажем, у вас есть какая-то очень личная информация о мэре — информация, которую он предпочел бы скрыть от прессы. Это знание может дать ему повод пересмотреть свое решение.

Отец сверкнул глазами.

— Это шантаж.

— Это политика, и Вы это знаете.

Кейр сохранял невозмутимое спокойствие на протяжении всего разговора, как будто его мучила вечная скука. За ним было интересно наблюдать.

— И вы предоставите мне эту информацию, чтобы помочь установить кого? Кого-то

столь же коррумпированного, но более соответствующего вашему образу действий?

Кейр наклонил подбородок.

— Таких достойных людей, как вы, трудно найти, но это не значит, что мы не сможем найти кого-то более подходящего для этой работы. Кого-то, с кем мы оба могли бы договориться.

Отец покачал головой, его губы сжались.

— Я не собираюсь вмешиваться в дела мэра. Так что если это все...

Отец скрестил руки и отступил назад, чтобы освободить путь к входной двери.

Я могла бы сказать Кейру, что это будет ответ моего отца. Его этические нормы были безупречны, и это была одна из причин, по которой я так старалась соответствовать им.

Как будто он пытался помочь только ради выгоды моего отца, Кейр медленно покачал головой.

— Не говорите, что я вас не предупреждал.

Его глаза поднялись к моим, вышибая весь воздух из моих легких, как из дырявого воздушного шарика.

— Это угроза?

Я вырвалась из объятий Кейра и посмотрела на отца. Я никогда не слышала такой жестокости в его голосе.

Кейр поднял руки в знак капитуляции.

— Просто напоминаю вам, что когда будет назначен новый комиссар, избавиться от него будет гораздо сложнее. Правительственная волокита и прочая ерунда.

— Опять же, не моя проблема.

— А вот это уже не похоже на известного спасителя города.

Кейр не был готов сдаться. Я не была уверена, впечатлена я или раздражена.

Отец пристально посмотрел на него. Воздух стал перенасыщен удушающей демонстрацией силы, ни один из мужчин не хотел отступать.

Кейр, наконец, уступил с ухмылкой.

— Полагаю, я сам найду выход.

Его глаза в последний раз поймали мои, прежде чем он повернулся к двери.

Смотреть на его удаляющуюся фигуру было все равно что наблюдать, как исчезает береговая линия, когда я уплываю в море. Мне хотелось позвать его обратно и заставить остаться, чтобы не потерять то ощущение легкости, которое он создал. Но я знала, что это желание безрассудно и противоречит всему тому, над чем я работала, как если бы я съела целую пиццу после недели правильного питания — только гораздо более катастрофично. Кто-то вроде Кейра Байрна разрушил бы картину моей жизни. Почему я вообще думала о нем?

Я потрясла головой, надеясь вернуть здравый смысл, а потом пошла обнять отца.

— Прости за это, — пробормотала я. — Я не должна была впускать его.

— Я удивлен, что ты это сделала. От него не очень-то исходят доброжелательные флюиды.

Я подняла бровь с издевкой. — Я старалась не осуждать.

Папа рассмеялся и поцеловал меня в лоб.

— Рад тебя видеть, Ро. Я всегда могу рассчитывать на то, что ты скрасишь мой день.

Мне хотелось, чтобы эти слова принесли мне радость, а не сжимали тиски вокруг моей грудной клетки.

— Плохой день? — Спросила я.

— Нет, просто длинный. Ты останешься на ужин?

Я бросила на него расчетливый взгляд.

— Зависит от обстоятельств. Что будет?

— Думаю, у Мелоди уже готовая лазанья в духовке.

Облизнув губы, я закрыла глаза в предвкушении пикантного блюда.

— Я так понимаю, это значит да?

— Думаю, я могу включить это в свое расписание, — поддразнила я.

— Как будто ты будешь заглядывать сюда ради чего-то другого.

— Ауч!

Я улыбнулась, зная, что улыбка никогда не достигала моих глаз, и уже не в первый раз задаваясь вопросом, могут ли мои родители это заметить или они не видят разницы.

2

— Я уже начала думать, что тебя сбил автобус. Это было единственное объяснение, которое я могла придумать.

Нарисованная карандашом бровь моей бабушки выгнулась.

Моя бабушка по отцовской линии с трудом передвигалась, но все еще была остра как стрела. Если я кого и боялся в своей семье, так это ее. Лучше бы я подвел свою собственную мать, чем разочаровал бабушку Байрн. Если моя мать, Бренна, была твердой, но понимающей, то авторитет Наны был абсолютным.

— Никаких автобусов, Нана. Просто немного задержался.

Я поцеловал ее в щеку, заработав неохотную улыбку. Если бы она только знала, насколько все хуже. Я не забыл и даже не случайно опоздал. Я сидел в машине у дома губернатора и раздумывал, не пропустить ли мне ужин, чтобы выследить Роуэн Александер.

Я знал, что у губернатора есть дочь, но не предполагал, что столкнусь с ней. Я читал о ней в рамках своего исследования, посвященного ее отцу. Двадцать два. Богатая. Безупречное лицо, наложенный макияж на каждой ее фотографии. Мне было интересно, спала ли она в этой чертовой косметике. Возможно, она состоит в женском обществе, и ей никогда в жизни не говорили нет. Заканчивает последний курс Нью-Йоркского университета со степенью по политологии и, несомненно, мечтает пойти по стопам отца.

По крайней мере, я так себе это представлял.

Я ошибался.

Она оказалась совсем не такой, как я ожидал, и это несоответствие грызло меня. Кто была эта девушка, и почему она была такой чертовски... контролируемой? Ее реакция вызвала во мне отклик, который я не мог проигнорировать. Это было вынужденное спокойствие, которое я знал слишком хорошо. На протяжении многих лет мне не раз говорили, что я мертв внутри. Слишком отстраненный. Слишком бесчувственный. Я знал, что это не так. У меня были свои причины быть таким, каким я был, и поэтому мне было бесконечно любопытно узнать Роуэн.

Что сделало ее достаточно холодной, чтобы встретить незваного гостя вдвое больше ее, не дрогнув при этом ни на йоту? Я сидел в машине и наводил о ней справки, не найдя ничего примечательного, кроме парня с членом-карандашом, который, вероятно, не знал, что такое клитор, не говоря уже о том, где его найти.

Мне пришлось бороться с желанием проследить за ней до дома и узнать о ней все, что можно. Наклоняла ли она голову и спешила по тротуару или держала подбородок поднятым,

осмеливаясь встретиться с кем-нибудь взглядом? Взяла ли она такси или спустилась в метро вместе с остальными жителями города? У входа стоял единственный черный внедорожник ее отца. Почему он не настоял на том, чтобы она воспользовалась услугами личного водителя? У них были средства.

У меня было так много чертовых вопросов, и я знал, что если подожду, пока она покинет трехэтажный особняк своих родителей в Верхнем Ист-Сайде, то смогу узнать массу информации, проследив за ней до дома. Желание сделать это было почти неудержимым. Почти.

Если бы не тот факт, что женский контингент семьи Байрн запланировал ужин в доме Пэдди и Наны на этот вечер, я бы не стал бороться с желанием последовать за Роуэн. Вместо этого я собрал в кулак все свое самообладание и поехал к бабушке и дедушке. Если бы я пропустил ужин, я бы никогда не узнал о его исходе. Такие ужины у нас были только раз в месяц. Как старший сын старшего сына, семья ожидала от меня примера.

Нана махнула рукой в сторону кухни.

— Думаю, девочки уже почти все приготовили. Ты можешь сесть рядом со мной и рассказать, чем ты занимался.

Нана и Пэдди приехали из Дублина, когда были подростками, и все еще говорили с акцентом. Они, наверное, могли бы поработать над тем, чтобы избавиться от него, если бы захотели, но мои гордые ирландские бабушка и дедушка никогда бы не подумали о таком кощунстве. Я рад, что они этого не сделали. Услышав лирическое звучание ее слов, я вспомнил приятные воспоминания о времени, проведенном в их доме.

Она повела нас в столовую, и я последовал за ней, опасаясь дальнейшего выговора. Пэдди был лидером нашего бизнеса на протяжении десятилетий, но именно Нана управляла семьей. Никто не перечил Нане Байрн. Если бы не она, моя нелюбовь к светским приемам скорее всего, не позволила бы мне посещать эти ужины, но когда она была рядом, это было невозможно. К счастью, я приучил окружающих меня людей не ожидать от меня многого в плане разговоров.

Клан Байрнов разросся почти до трех десятков человек, и это только те, кто произошел от Пэдди и Наны Байрн. У Пэдди было четыре брата и три сестры. Все пять братьев в свое время занимались бизнесом вместе с ним, но двое были убиты, один уехал за женой в Ирландию, а другого посадили в тюрьму.

Наша семья была единственной оставшейся опорой наследия Байрнов и одной из немногих ирландских семей, переживших разгром организованной преступности в семидесятые и восьмидесятые годы. Пэдди был проницательным. Он приспособился и удержал семью на плаву. Теперь мы стояли на пороге новой эры процветания. Богатство пришло с лихвой, но мы все еще считались одной из слабых преступных группировок. Теперь все менялось.

Мой кузен Коннер пришел на ужин со своей новоиспеченной итальянской женой Ноэми. Их брак укрепил беспрецедентный союз между ирландцами и итальянцами. А годом ранее Оран, старший из внуков Байрнов, женился на девушке Донован, чтобы объединить то, что осталось от их умирающего клана, с нашим. Следующий ключевой маневр должен был дать нам возможность лучше контролировать правоохранительные органы, поэтому я и посетил Эвана Александра. Еще немного изящества, и все звезды сойдутся, и мы станем неприкасаемыми.

Я не мог думать ни о чем более важном, чем обеспечить хорошую жизнь людям,

окружавшим меня — моим братьям и сестрам, кузенам, их детям и будущим поколениям. Семья была для меня всем, даже если я предпочитал не разговаривать с ними. Однако ради бабушки я заставлял себя поддерживать беседу во время хаоса ужина.

Дом моих бабушки и дедушки уже не вмещал всю семью, но Пэдди и Нана отказались переезжать, так что мы обходились своими силами. Дети сгруппировались в кружок и ели на полу в стиле пикника, в то время как взрослые использовали все доступные стулья. Было шумно, тесно, и у меня по коже поползли мурашки. Я ел быстро, а потом отлучался в задний сад подышать воздухом. Вскоре ко мне присоединился отец.

— Как прошел твой визит к Александру? — Спросил он, его дыхание было белым облаком в хрустящем вечернем воздухе.

— Он держался стойко.

Его губы истончились.

— Я так и предполагал.

Джимми Байрн постарел в свои шестьдесят два года, но уже несколько десятилетий был фактическим лидером семейного бизнеса. За эти годы он добился хороших результатов, и я уважал его проницательность, хотя мы не всегда сходились во мнениях.

— Я по-прежнему считаю, что мы должны подойти к этому с другой стороны. Он не из тех, кто реагирует на угрозы, и хотя мы можем попытаться опереться на мэра, в итоге мы навлечем неприятности. Он принадлежит этим людям уже много лет.

Папа нахмурился, словно раздумывая, его руки были задумчиво скрещены на груди.

— Иногда лучше подкрасться сзади, чем ломиться в парадную дверь.

Его глаза перешли на меня.

— У него есть дочь, ты знаешь.

— У Александра? Да, я знаю, — сказал я настороженно.

Я не мог понять, как упоминание отца о ней может быть чем-то хорошим.

Он пожал плечами.

— Нам нужен кто-то изнутри. Место за столом. А что может быть лучше, чем сидеть за столом семьи губернатора?

Черт. Я не был уверен, что бы мне больше не понравилось — его предложение преследовать Роуэн Александер или то, что мы угрожали ей. Это был спорный вопрос, к какому варианту он склонится. Похищение было бы более простым и чертовски удобным. Учитывая, что она была его единственным ребенком, все, что мне нужно было бы сделать, это прибегнуть к угрозе, которую я уже представил. Ему это не понравится, но в конце концов он сдастся. Но брак? На это я не подписывалась. Роуэн оказалась более интригующей, чем я ожидал, но это не означало, что я хотел жениться на этой женщине. Иисус.

— Мы в хорошем положении, папа. Не думаю, что это необходимо.

— Ты видел ее? — Продолжал он настаивать.

— Видел, и она едва ли старше ребенка, — сказал я более решительно, чем следовало.

Папа посмотрел на меня, затем пожал плечами, хотя я не поверил.

— Может быть, ты прав. Может, будет лучше, если Тор познакомится с ней поближе.

Они ближе по возрасту.

Я знал, что мне не понравится то, что он скажет.

Младший сын моего дяди Талли был профессиональным бойцом. Он был честолобив, но в лучшие дни был угрюм. Мысль о том, что он преследует Роуэн, вызывала у меня

иррациональную злость.

— Я постараюсь убедить Александера, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Не вмешивай в это Тора.

Острые глаза отца изучали меня.

— Я доверяю твоим суждениям, сын.

Он похлопал меня по плечу и кивнул.

— Здесь становится чертовски холодно. Я пойду обратно.

— Я буду там через секунду.

— Не торопись.

Он постучал костяшками пальцев по виниловому сайдингу и позволил двери захлопнуться за ним.

Я протяжно выдохнул, но это не ослабило напряжение в шее и плечах. Мне нужно было выпить. Много. Вместо этого задняя дверь снова открылась, сигнализируя, что у меня гости. Обернувшись, я увидел жену моего кузена Орана.

— Ой, извини. Не знала, что здесь кто-то есть.

— Ты можешь остаться, — сказал я, останавливая ее отступление. — Здесь есть место для нас двоих.

Кейтлин была прекрасной молодой женщиной — спокойной, но пронизательной, с легким характером и улыбкой, которая не доходила до ее глаз. Когда впервые зашла речь о браке между нашими семьями, нас с Ораном, как двух старших внуков, предложили в качестве вариантов. Мой двоюродный брат быстро согласился на этот брак. Ему не терпелось занять место главы семьи, и, похоже, они хорошо ладили. Это не беспокоило меня до недавней смерти его отца, Броди Байрна. Именно тогда у меня зародились подозрения.

Оран был единственным, кто знал, что Броди изменил свои планы в тот день. Это могло быть совпадением, что албанцы застали его на выходе из клуба, но чутье подсказывало мне, что это была подстава. Когда я сказал о своих опасениях отцу, он был так переполнен горем, что сразу же отбросил эту мысль. Он даже не хотел рассматривать такую возможность. Три месяца спустя мы все еще не говорили об этом. Он мог забыть, но я — нет.

Кейтлин обхватила себя руками и прислонилась к перилам лестницы.

— Я все еще не привыкла к такому количеству людей в одном доме. Мне нужно было передохнуть.

— Я привык к этому и все равно должен делать передышку.

Жизнь не подарила ей легкой дороги. Мать умерла, когда она была совсем маленькой, а отца убили всего пять лет назад. Их семейный бизнес пришел в упадок, и ей пришлось пожертвовать своей судьбой, чтобы объединить то, что осталось от ее семьи, с нашей. Это был не очень красивый бизнес, но она справилась с ним великолепно.

— Как твой брат? — Спросил я.

Она кивнула, и на ее губах появился первый намек на настоящую улыбку.

— Он в порядке. Работает усердно, как всегда.

— Да? — Подбодрил я, надеясь, что она намекнет, чем он занимался.

Мне было любопытно, как Донованы выживают на данный момент.

— Да, Оран очень помог с контактами и направлением Флинна. Я вижу хорошие перспективы для него в будущем.

Интересно. Похоже, Оран принял союз, в чем я сомневался, учитывая, что не так давно, полгода назад, я видел его тайком с другой женщиной в нашем клубе. Казалось, с каждым

днем мое представление о кузене ухудшалось по той или иной причине.

— Приятно слышать.

Она улыбнулась, стиснув зубы, чтобы побороть дрожь. Я стряхнул с себя куртку и накинул ее ей на плечи.

— Тебе это понадобится, если ты собираешься оставаться здесь дольше.

— Ты собираешься вернуться?

— Если я не вернусь, Нана будет искать меня, — язвительно сказал я.

Кейтлин хихикнула.

— Я скоро приду.

Я сжал ее руку.

— Не торопись.

На ее месте я бы тоже не хотел спешить к Орану. У меня было чертовски плохое предчувствие, что отношения с ним станут ужасными... скорее раньше, чем позже.

3

— Я не знал, что ты приезжала сюда вчера. Мы могли бы совершить поездку вместе.

Я старалась не показаться раздраженной, пока следовала за Стетсоном по лестнице отцовского дома площадью десять тысяч квадратных футов. Это место находилось в пяти минутах ходьбы от дома моих родителей, что означало, что я два дня подряд добиралась из Вест-Виллиджа в Верхний Ист-Сайд. Это было всего полчаса, но все же. Время на дороге съедало часть моих выходных.

— Это было сделано в последнюю минуту. Папа вернулся из поездки и спросил, не загляну ли я к нему на ужин. Просто было проще остаться здесь.

На верхней площадке лестницы он обернулся и обнял меня.

— Я рад, что ты пришла. В последнее время наши графики не очень совпадают.

Он был прав. Хотя, если честно, никто из нас не прилагал особых усилий, чтобы согласовать наши напряженные графики. Мы знали друг друга так долго, что это отличало наши отношения от отношений других людей. Хотя официально мы начали встречаться всего год назад, мы не были одержимы желанием проводить вместе каждую минуту. Я знала Стетсона со средней школы. Наши отцы были давними друзьями, поэтому мы регулярно виделись, когда росли. Свидания казались естественным развитием наших отношений, и наши отцы не стеснялись надеяться, что мы будем вместе. Когда я сказала папе, что Стетсон пригласил меня на свидание, его улыбка могла бы превратить ночь в день.

— Я надеялась сегодня позаниматься, но думаю, что могу выкроить несколько часов сегодня.

Я улыбнулась с намеком на застенчивость, глядя на него сквозь ресницы.

Стетсон был симпатичным парнем. Его светло-коричневые волосы были уложены короткими локонами, а в его золотисто-карих глазах горел озорной блеск, который я находила приятным. Высокий и худой, он был удивительно атлетичен для своего роста. После того как все четыре года средней школы он был в команде старшеклассников, теперь он играл в хоккей на траве за клубную команду. Однако больше всего со Стетсоном было удобно. Легко. Мы оба знали, чего ожидать друг от друга, и, похоже, нам это нравилось.

— Ты всегда проваливаешь свои занятия, — поддразнивал он. — Одна ночь отдыха ничему не повредит.

Он сжал меня в последний раз, а затем отпустил, чтобы я пошла по коридору.

— Пойдем, Дюк скоро будет играть. Предсезонка начинается сегодня вечером, —

сказал он мне.

Я замерла на секунду и посмотрела вниз на наряд, на выбор которого потратила слишком много времени. Лесно-зеленый кашемировый свитер, подчеркивающий мои лесные глаза, укороченный, с намеком на открытое декольте, поверх джинсов-скинни, которые были чертовски обтягивающие. Стетсон даже не заметил.

Секс не был краеугольным камнем наших отношений, но прошла уже неделя, и я, по крайней мере, надеялась привлечь его внимание. После стычки с Кейром накануне вечером я была так странно возбуждена, что не могла уснуть, пока не утолила ноющую потребность, пульсирующую между бедер.

Адреналин творил забавные вещи с телом, или так я говорила себе. Это было единственное логическое объяснение.

Я отмахнулась от воспоминаний и последовала за Стетсоном в шикарную телевизионную комнату. Трехэтажный дом, плюс подвал, был роскошным во всех отношениях. Дом моих родителей был таким же старым, как и этот, но они сделали современный дизайн, светлый, открытый и привлекательный. Отец Стетсона настаивал на сохранении строгого традиционного декора в своем доме. Черно-белые мраморные полы с шашечной плиткой тянулись по всему основному уровню, а стены были обшиты панелями, темным деревом или тканью насыщенного цвета. Вычурные вставки, светильники из золота, а обстановка — прямо из дворца. Не совсем мое представление о домашнем уюте.

По крайней мере, второй этаж был немного более обновленным, так как это были владения Стетсона. У него была вся западная часть второго этажа, поэтому он часто приходил домой. Его квартира была неплохой, но он определенно предпочитал пышный Верхний Ист-Сайд кампусу.

Я удивилась, увидев на журнальном столике несколько банок из-под газировки, а вместо них — обычно аккуратно сложенное одеяло, свернутое в клубок. Дом всегда был безупречно чист, поэтому даже несколько предметов не на своем месте казались странными.

Стетсон увидел, как я смотрю на нехарактерный беспорядок.

— Папа сказал Ханне, чтобы она не трогала мое крыло. Что-то насчет того, что она становится старше, а я слишком избалован.

— Ты сделал что-то, чтобы разозлить его? — Поддразнила я.

— Кто его знает, — игриво проворчал он, устраиваясь на большом сером диване.

Мы смотрели начало предсезонного баскетбола в течение получаса, прежде чем мне пришлось встать и развеять скуку походом в ванную.

— Раз уж ты встала, не могла бы ты принести мне пива? — Спросил Стетсон, устремив взгляд на телевизор.

Я нахмурила губы.

— Да, конечно.

Не так я представляла себе свой вечер. По крайней мере, скоро будет ужин, и тогда мы сможем провести немного времени вместе.

— Подожди, — позвал Стетсон. — Я забыл, что у нас тут проблемы с ванной. Пользуйся моей или той, что в комнате для гостей.

Я направилась в коридор, закатив глаза, когда Стетсон закричал на телевизор. Комната для гостей была ближе всего, поэтому я вошла внутрь. Из-за задернутых штор и декора в морской тематике комната казалась жутко торжественной, как в одном из старых фильмов викторианской эпохи, когда комнату закрывали на замок после того, как ее обитатель

умирал от какой-то заразной болезни. Я не могла представить, почему его отец не обновил обстановку, разве что это место как бы соответствовало его характеру. Я никогда не чувствовала себя комфортно рядом с Лоуренсом Веллингтоном. Я не знала, в чем дело, но моя кожа зудела от желания сбежать, когда он был рядом.

Именно так я должна была себя чувствовать, когда Кейр приставил нож к моему горлу.

Интуиция подсказывала тебе, что он не причинит вреда, и он не причинил. Это не так уж странно.

Я закатила глаза. Верно. И ты ничуть не предвзята.

Перейдя через комнату в ванную, я включила свет и остановилась перед позолоченным зеркалом на полсекунды — всего лишь короткий взгляд. Это было все, что я себе позволяла. Достаточно, чтобы убедиться в том, что моя тяжелая подводка для глаз на месте, черная тушь полностью покрыла мои светлые ресницы, а безупречный слой тонального крема сделал невидимыми все веснушки. Я мигом проверила макияж, но в остальном избегала зеркал, когда сталкивалась с ними. Мне не нравилось видеть, что смотрит на меня. Кто смотрит на меня.

Хотя я не могла полностью избежать правды, я могла избежать вызываемых мрачных эмоций, исключив зеркала из уравнения. Я вообще не любила эмоции. Я всегда умела держать себя в руках, и именно поэтому моя реакция на Кейра была такой тревожной. Какого человека возбуждает мужчина, приставивший нож к его горлу? Это был вопрос, на который я не хотела отвечать.

Я потрясла головой, чтобы избавиться от навязчивых мыслей, и закончила свои дела. Вымыв руки, я потянулась к двери, но тут до моего слуха донесся странный звук. Это был... плач?

Я подняла глаза и изучила старинную вентиляционную крышку на потолке, когда до меня донесся еще один женский плач, который невозможно было перепутать. Ни одно животное или неодушевленный предмет не издавали звуков, столь насыщенных эмоциями. Душераздирающее отчаяние проникало в мою грудь и сжимало сердце с бешеным отчаянием, пока я с трудом могла дышать.

От кого могли исходить эти звуки? Родители Стетсона были в разводе. В доме не жила другая женщина, хотя экономка Ханна работала в доме полный рабочий день. Старые дома были построены без промежутков между ними, но я не думала, что можно услышать соседей. Может быть, это телевизор?

Я прислушивалась еще целую минуту. Всхлипывания продолжались без перерыва, и мое чутье подсказывало мне, что это реальность. Кто-то был в ужасной беде, и каждое мое существо болело от необходимости помочь.

Я вышла из ванной и вернулась к Стетсону, по пути захватив пиво из мини-холодильника.

— Спасибо, детка.

Он откупорил бокал и продолжил смотреть игру.

— Домработница твоего отца не живет в доме, не так ли?

— Нет, а что?

— Она работает по выходным?

Ханна была бы самым логичным ответом, хотя я не могла представить, чтобы пожилая женщина издавала такие звуки.

— Нет.

Он наконец-то повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— В чем дело?

— Я знаю, что это звучит странно, но я могу поклясться, что слышала плач сверху.

Он нахмурил брови.

— Плач? Как плач ребенка?

— Нет, это была женщина.

— Это странно.

Он пожал плечами.

— Здесь никого нет, кроме папы и нас. Последний раз я видел, что он был в своем кабинете, но в последнее время он часто бывает на третьем этаже, работает над каким-то проектом. Это может быть он, или просто старые трубы ноют, или что-то еще. Ты же знаешь, какое это древнее место.

Я подумала об отце Стетсона и внутренне содрогнулась. Может быть, я и спорю со своими эмоциями, но этот человек был машиной. Могла ли у него быть женщина там, наверху? Возможно, у него было свидание, которое прошло неудачно. Но почему она должна быть наверху? Все это не укладывалось в голове, но мне было неловко давить на Стетсона по этому поводу. Его отец был чувствительной темой. Я могу понять. Если бы Лоуренс Веллингтон был моим отцом, у меня бы тоже были проблемы.

Я оставила свои переживания при себе и кивнула.

— Возможно, ты прав.

Я слабо улыбнулась, ненавидя беспомощность, которая свинцом наполняла мои вены, отягощая все тело.

Ты слишком остро реагируешь. Ты даже не знаешь, есть ли там кто-то на самом деле.

Я знаю, что я слышала.

Ты знаешь, что ты думаешь, что слышала.

На чьей ты стороне?

Я мысленно пообещала воющему фантому, что не забуду ее, и постаралась продолжить наш вечер.

Час спустя мы сидели за обеденным столом с отцом Стетсона, заканчивая ужинать. Я надеялась, что мы со Стетсоном будем ужинать одни, но этому не суждено было случиться. Вместо этого мы втроем сидели за столом на двенадцать персон под хрустальной люстрой и в тишине.

— Я возвращаюсь в Норфолк на этой неделе, — сказал мистер Веллингтон, положив салфетку на стол. — Я сказал Ханне, чтобы она не беспокоилась о моем приезде до четверга. Я не был уверен в твоих планах.

Обычно он не просил экономку держаться подальше, когда его не было дома, что случалось часто. Может быть, между ними что-то произошло, и он дал ей время на отдых в качестве извинения? Такая возможность была.

Стетсон сделал еще один глоток вина, прежде чем отставить бокал.

— Меня это устраивает. Не думаю, что она будет мне нужна, пока тебя нет.

Лоуренс Веллингтон кивнул, его взгляд переместился на меня.

— Итак, Роуэн, ты все еще планируешь закончить школу в декабре?

— Да, сэр.

— А потом ты присоединишься к предвыборному штабу своего отца?

— Таков план.

— Ты хорошо справишься с прессой. Не знаю, что думает Эван, но такая красивая девушка, как ты, была бы преимуществом перед камерами. Все любят красивые лица, а когда ты улыбаешься, они забудут, о чем хотели спросить.

Черт, это было неловко. Я хотела засунуть его шовинизм ему в задницу, но знала, что он думает, что делает комплимент, поэтому я просто тонко улыбнулась.

— Пап, да ладно. Ро — это гораздо больше, чем просто симпатичная мордашка, — укорил Стетсон. — В один прекрасный день она станет королевой нью-йоркского общества.

Вся моя признательность улетучилась. Последнее, чего я хотела для себя — это стать предводительницей кучки светских домохозяек. Я знала, что подписалась на это, встречаясь с одним из самых богатых мужчин в городе, но мне это не должно было нравиться.

— Она определенно подходит на эту роль.

Мистер Веллингтон поднял свой бокал в мою сторону и подмигнул. Мне вдруг захотелось принять обжигающе-горячий душ.

— У вас обоих утром занятия?

— Да, — ответил Стетсон. — Но мой первый урок начинается только в девять, так что, думаю, я останусь здесь еще на одну ночь.

Я отложила салфетку и уставилась на него.

— Ты не собираешься вернуться со мной?

— Нет, я уже здесь, так что могу остаться еще на одну ночь. Ты не против вернуться одна?

— Нет, конечно.

Ночная прогулка по городу меня не пугала. Меня больше беспокоило отсутствие интереса Стетсона к тому, чтобы присоединиться ко мне.

— Я всегда могу попросить своего водителя отвезти тебя обратно в кампус, если хочешь, — предложил его отец.

Я бы предпочла пройти все расстояние пешком, чем полчаса сидеть в машине с его жутким водителем.

— В этом нет необходимости, но спасибо.

Я заставила себя улыбнуться.

— И я действительно думаю, что мне пора идти. Мне еще нужно кое-что подучить.

— Я провожу тебя.

Стетсон положил свою белую льняную салфетку на стол и присоединился ко мне, положив руку мне на поясницу.

— Напиши мне сообщение, когда вернешься домой, — сказал он, когда мы дошли до входной двери.

— Обязательно.

Я взяла свою сумочку со столика у входа и неуверенно улыбнулась ему.

Стетсон обхватил мою челюсть, наклонив мое лицо к своему, и быстро поцеловал меня в губы. Я вышла за дверь и прошла два дома, прежде чем осознала две вещи. Во-первых, я направлялась на север к дому родителей, а не на юг к своей квартире, а во-вторых, я абсолютно ничего не почувствовала, когда Стетсон поцеловал меня.

Конечно, это не был страстный поцелуй, но Кейр вообще не целовал меня, и мои внутренности охватило желание.

Так ты хотела этого, помнишь?

Да. Это был путь, который я выбрала для себя, и я сделала это намеренно. Мне нужно

было помнить, что чувства не должны были играть роль в этом уравнении.

Мои родители жили в десяти минутах ходьбы от особняка Веллингтона. Когда я завернула за угол их квартала, я поняла, что сканирую местность в поисках коротко стриженной, татуированной версии Тора, скрывающейся в тени. Еще более неожиданным было разочарование, которое навалилось на мои плечи, когда я подошла к парадному входу, не обнаружив никого.

Неужели я действительно ожидала, что он будет прохладиться на тротуаре возле дома? Конечно, нет. Это было бы смешно. С чего бы ему снова появляться через день?

Я глубоко вздохнула и позвонила в звонок. Дежурный охранник ответил, приветствуя меня улыбкой.

— Здравствуйте, мэм. Проходите. Думаю, ваш отец в своем кабинете, а вашу маму я видел в последний раз, когда она убиралась на кухне.

— Спасибо. Я просто заскочила на минутку поговорить с отцом.

Я улыбнулась и направилась наверх, в комнату, которую отец использовал в качестве своего кабинета. К титулу губернатора прилагался дом, в который мы могли бы переехать, когда его только выбрали, но мои родители отказались. Они настаивали на том, чтобы остаться по тем же причинам, по которым я не могла дождаться отъезда. Слишком много воспоминаний.

— Ну, разве это не честь, — торжествовал папа. — Два визита подряд. Что мы сделали, чтобы заслужить такое удовольствие?

Я пересекла комнату, чтобы обнять его, не совсем понимая, как ответить на вопрос.

— Я была у Веллингтонов со Стетсоном и решила заглянуть.

— Мне подходит. Ты поела?

— Да. Мы ужинали с его отцом.

— Как дела у Ларри?

Отец сидел на углу своего стола, приглашая меня занять один из стульев.

— Вообще-то я хотела поговорить с тобой именно об этом.

Его брови нахмурились от беспокойства.

— Ничего плохого, я думаю. Я имею в виду... Я слышала что-то странное в его доме и хотела, чтобы ты рассказал об этом.

— Что ты слышала?

— Я готова поклясться, что слышала женский плач. Стетсон сказал, что дома были только мы трое, но я готова поспорить на свою жизнь, что плач, который я слышала, доносился с третьего этажа дома.

Брови отца медленно поднялись и уперлись в середину лба.

— И...?

— И я не знаю. Это было... не так. У меня всегда было странное ощущение от него. Я решила спросить, не увлекается ли он чем-нибудь... гнусным.

Отец подавился смехом.

— Гнусным? Мне кажется, твое воображение разыгралось.

Я нахмурилась, борясь с разочарованием.

— Говорю тебе, моя интуиция подсказывает, что что-то не так.

— Если бы он был замешан в чем-то плохом, дорогая, я бы уже давно порвал с ним отношения. Моя карьера слишком важна, чтобы связываться с кем-то сомнительным, даже со старым другом. И я бы точно не советовал тебе встречаться со Стетсоном, если бы не был

высокого мнения об их семье.

Я знала, что папа скажет именно так. Я не знала, почему я вообще заговорила об этом. Он искренне доверял Лоуренсу Веллингтону, но я не была уверена, что это доверие было обоснованным. Хотя эти двое были друзьями в колледже, они уже давно не были близки. Не то что в молодости.

— Хорошо, — согласилась я, понимая, что веду проигрышную битву. — Могу я спросить тебя еще кое о чем?

— Всегда.

Он не был бы таким услужливым, когда бы услышал, о ком я хочу поговорить.

— Что за человек был здесь прошлой ночью?

Папа напрягся.

— Это был Кейр Байрн. Его отец управляет одной из крупнейших ирландских преступных семей в городе.

Вот дерьмо. Это многое объясняло. Кейр был не просто бандитом — он был настоящим мафиози. Современный мафиози. Я знала, что такая мафия все еще существует, но она была намного более скрытной, чем в кино или в прошлом, когда итальянская мафия правила городом. Мне было интересно, насколько все изменилось с их точки зрения.

— Они опасны?

Полагаю, что да, хотя я никогда не слышала сообщений об убийствах или других ужасных преступлениях, связанных с организованными преступниками прошлого.

— Безусловно, хотя сейчас времена другие. Интернет особенно изменил природу преступной деятельности. Люди могут скрывать себя и превращать поиск улик в кошмар.

— Такие люди часто приходят к тебе?

Если да, то это была та часть его работы, которую он скрывал от меня.

Папа слегка наклонил голову.

— Так вот что это такое? Ты беспокоишься обо мне? Потому что не стоит. Я не боюсь ни его, ни кого-либо другого.

Он встал и притянул меня к своей груди, крепко обняв.

— Они иногда пытаются запугать, но это просто позерство. В столице мне приходилось сталкиваться с гораздо более опасными людьми, к сожалению.

— Это моя Ро? — Мамин голос донесся по лестнице, прежде чем она появилась в поле зрения. — Две ночи подряд. Это приятный сюрприз.

— Я просто заскочила на секунду, — объяснила я. — Утром у меня раннее занятие.

— Мой водитель может отвезти тебя обратно, и даже не пытайся спорить, — настаивал папа. — На улице уже стемнело, и я уже плачу ему за то, что он дежурит. Может быть, стоит воспользоваться его услугами.

Я улыбнулась и покачала головой. Папа слишком хорошо меня знал. Я ненавидела, когда люди делали что-то за меня, когда я могла сделать это сама, но в данном случае спокойная поездка домой, спрятанная за тонированными стеклами, звучала как долгожданная отсрочка.

Я попрощалась и скользнула на заднее сиденье служебного черного Escalade губернатора. Через тридцать минут я уже ехала в лифте в свою квартиру, не смотря по сторонам, чтобы не видеть зеркальные стены. Одного зеркала сегодня было достаточно.

Когда я оказалась в своей квартире, тишина, казалось, усилила звук рыданий в моей голове. Почему, черт возьми, я не могу отпустить это?

Ты знаешь, почему.

Я застонала вслух и плюхнулась обратно на кровать. То, что кто-то плакал, ничего не значило. Люди плакали все время.

Но что, если ей нужна помощь?

Мое нутро скрутило, разжигая искру гнева. Что я должна была делать? Позвонить в полицию и сказать, что мне показалось, что я услышала чей-то плач? Они бы сказали мне, как нелепо я себя веду.

Разве не лучше выглядеть нелепо, чем рисковать, зная, что ты могла предотвратить что-то ужасное?

— Ты с ума сошла!

Мои крики звенели в ушах еще долго после того, как стены поглотили звук.

— Это мог быть чертов телевизор, знаешь ли.

Я отчаянно пыталась заглушить сводящий с ума внутренний голос, только чтобы оставить место для призрачного вида Лоуренса Веллингтона, подмигивающего мне. Что-то в нем было не так. И всегда было. Если бы он не учился в колледже вместе с моим отцом, я бы не смогла представить их друзьями, но папа был верен своему прошлому. Именно это сделало его таким прекрасным политиком. Я была гораздо более подозрительной по своей природе.

Кем был Лоуренс Веллингтон? Задавалась ли я когда-нибудь этим вопросом? Его присутствие в моей жизни всегда было само собой разумеющимся, поэтому я никогда не задумывалась о том, что нужно искать дальше того, что я узнала в детстве.

Я вернулась в гостиную и достала из рюкзака ноутбук. Как только он загрузился, я ввела имя Лоуренса Веллингтона в строку поиска Google. Первым результатом поиска была страница Википедии, а затем статья в Business Insider.

Бывший банкир сколотил состояние в 10 миллиардов долларов благодаря буму судоходства

Лоуренс Веллингтон оставил работу в венчурном капитале, чтобы выкупить разорившийся судоходный бизнес. Спустя десятилетия он стал обладателем одного из крупнейших в мире состояний в сфере морских перевозок благодаря своей компании Atlantic International Shipping (AIS).

Финансовая смекалка Веллингтона позволила ему реструктурировать компанию таким образом, что бизнес остался на плаву. Вложив двадцать миллионов долларов в стратегии быстрого роста, он вскоре создал одну из крупнейших в мире контейнерных линий.

— Компания росла как лесной пожар, — говорит Маршалл Крэнстон, лондонский аналитик по грузоперевозкам из исследовательской компании Venture Vessel. — AIS предприняла решительные действия по реализации своих стратегий роста.

Представитель базирующейся в Нью-Йорке компании AIS не отреагировал на просьбу с комментариями.

Далее в статье приводились подробности о размерах компании и рассказывалось о ее последних начинаниях. Веллингтоны были несомненно богаты. Я всегда это знала — это была большая часть того, почему Стетсон не воспринимал школу всерьез. У меня тоже были деньги, но я решила работать с отцом много лет назад, а это требовало образцовой успеваемости в школе. У Стетсона не было никаких особых амбиций. Он не видел смысла в учебе, но его отец был непреклонен, говоря, что Стетсон должен получить диплом.

Я не узнала ничего нового из этой статьи, но она заставила меня задуматься о том, как

Веллингтон начал заниматься судоходством. Я не могла вспомнить, были ли у него деньги, и если да, то сколько. Вложил ли он свои собственные деньги в проект, или был привлечен банк? Или, может быть, частные инвесторы? Возможно, отец был бы более готов рассказать мне все, что знал о прошлом Веллингтона, чем при обсуждении возможной преступной деятельности.

Я просмотрела еще несколько статей, прежде чем отказаться от этой линии расследования, чтобы продолжить ту, в которой мне не было никакого смысла разбираться. Я ввела имя Кейра Байрна в строку поиска Google. Ничего. На этот раз я ввела Ирландская мафия семьи Байрн. Так ли она называлась? Разве мафия не итальянская? Я понятия не имела, но интернет, похоже, понимал. Первым результатом была статья, датированная всего несколькими месяцами назад, озаглавленная "Совпадение или убийство?". Она привлекла мое внимание.

Один из лидеров влиятельной семьи Байрнов был застрелен вчера вечером возле клуба, принадлежащего его ирландской семье, известной группировке организованной преступности в городе. Броди Байрну, одному из трех сыновей печально известного Патрика Байрна, было пятьдесят восемь лет, когда пули из проезжавшей мимо машины оборвали его жизнь.

Хотя преступная деятельность мафиозного типа в последние десятилетия не была на первом месте в новостях, эта смерть, безусловно, имеет все признаки заказного убийства. У Байрна остались жена и трое взрослых детей. Власти расследуют это убийство, но, по словам комиссара полиции Пола Кука, в связи с трудностями с доказательствами, по делам об убийствах, совершенных в результате езды на автомобиле, отмечается крайне низкая частота привлечения к ответственности.

Человек, изображенный на фотографии, имел поразительное сходство с Кейром. Такие же голубые глаза. Тот же безжалостный блеск. Станет ли однажды такой судьба Кейра? Насколько опасной была жизнь, которую он вел?

Папа говорил, что не боится Байрнов, но я подумала, не бравада ли это. Кейр и его семья были, несомненно, опасны. Было логично бояться их.

Ты не боялась Кейра.

Да, но я другая. Сломанная.

Или... послушай меня... может быть, твоя интуиция подсказывала тебе, что он не причинит тебе вреда. Помнишь весь этот монолог про инстинкты выживания, охотника и жертву? Если ты могла сказать, что он наблюдает, возможно, ты могла понять, что он не опасен.

Ты ужасно самоуверенна.

Я закатила глаза и продолжила рыться в Интернете в поисках информации о человеке, который ускорил мой пульс после нескольких лет застоя. Мое любопытство было неутолимым, и это было не единственное. Вторую ночь подряд мысль о бирюзовых глазах и неутолимом господстве железной воли заставляла меня кончать через несколько минут после прикосновения к себе. Быстрее, чем когда-либо прежде, и настолько сильно, что я успешно избегала мыслей о его воздействии на меня, прежде чем блаженно заснуть.

4

Липкие комки крови покрывали ее волосы. Это была не тонна крови, но ее белоснежные волосы делали багровый цвет еще более очевидным.

От этого зрелища мой желудок вывернулся наизнанку. Но больше всего меня напугало

то, что она лежала совершенно неподвижно. Время застыло так же основательно, как и тело у моих ног. Ветер не дул. Птицы не щебетали. Все, кроме моего грохочущего сердца, остановилось — оно колотилось, словно пытаюсь запустить мир вокруг меня, но это было бесполезно. Ничто не двигалось. Даже я.

Я стояла парализованная и беспомощная, не в силах пошевелиться или позвать на помощь, хотя мой разум кричал из-за железных прутьев, чтобы я что-то сделала. Единственное, что мне удалось, это в шоке посмотреть вниз на свои раскрытые руки, ладонями вверх и покрытые кровью.

Мой желудок взбунтовался, паника подступила к горлу.

У девушки почти не было крови, откуда же она взялась? Мои руки были покрыты липким багровым слоем. Моя одежда была забрызгана и измазана. Я была покрыта с головы до ног.

Мучительный ужас не мог больше сдерживаться и вырывался из моих легких в виде жуткого крика. Звук зазвенел в моих ушах, когда я подскочила в постели, зажав рот рукой, и помчалась в ванную.

Я добралась до туалета вовремя, чтобы выплюнуть кислотный коктейль из желчи и остатков ужина. Слезы полились по моим щекам, что было почти так же тревожно, как и кошмар. Я не плакала. Не плакала с самого детства. И все же по моему лицу текли ручейки соленой грусти.

Это был просто сон, Ро.

Ты же знаешь, что это было нечто большее.

Нет. Это был сон.

Я могла переживать за того, кто плакал, но это не меняло того факта, что то, что я только что видела, было сном. Я не позволяю своему подсознанию влиять на мои бодрствующие мысли.

Так ты собираешься отпустить это?

Я этого не говорила. Я только хотела сказать, что не буду выходить из себя.

Я побрызгала на лицо водой и сделала несколько глубоких вдохов.

Тогда что ты собираешься делать?

Мне нужно больше информации.

И где ты ее найдешь? В Google ты ничего не нашла, а отец ничем не помог. Если ты обратишься к властям, то все, что они найдут, может навредить папе.

Это было правдой. Отец и Лоуренс Веллингтон были друзьями слишком долго, чтобы избежать разногласий. Любой запрос, который я проведу, должен быть за кулисами. Может быть, частный детектив? Это может сработать, но кто? И обязаны ли они сообщать о преступлениях властям?

Я не могла допустить, чтобы это коснулось моего отца, но я также не думала, что смогу игнорировать плачущую женщину. Что-то в глубине души подсказывало мне, что отец Стетсона — плохие новости. Мне просто нужны были доказательства.

Что ты сделаешь, когда получишь доказательства?

Я скажу папе, и он разберется с этим наедине.

А Стетсон?

Я наклонилась и опустила голову на руки, упираясь ладонями в ванную. Все было так запутано, когда дело касалось Стетсона. Как действия его отца повлияют на мое мнение о нем? Должна ли я рассказать ему о своих подозрениях? Если да, то когда? Как он

отреагирует?

Я ненавидела неопределенность. Мне нравились планы, порядок и точное знание того, чего ожидать.

Эхо женского крика пронеслось в моей голове, как ледяной порыв ветра. Она нуждалась во мне, и когда дело доходило до дела, это было все, что имело значение.

Ладно, Чудо-женщина, как ты собираешься осуществить это великое спасение?

Я закатила глаза и поплелась обратно в спальню.

Не драматизируй. Все, что мне сейчас нужно, это больше информации.

Кто может дать тебе ее, не поднимая тревоги?

Кто-то, кто хорошо разбирается в технологиях. Кто-то, кто не против нарушить правила и кто привык добывать информацию о людях. Я не знала никого подобного лично, но в моем сознании промелькнула пара бурных океанских глаз.

Кейру Байрну удалось проникнуть в дом губернатора и предложить компромат на мэра в целях шантажа. Он был именно тем человеком, который мог раскопать информацию о Лоуренсе Веллингтоне.

Соблазнительная волна возбуждения, такая же, как та, что я чувствовала на кухне у родителей, плотно закрутилась в моем животе. Я не могла отрицать, что хочу увидеть его снова. Позволяла ли я своей интриге затуманить рассудок? Возможно. Кейр не показался мне человеком, который будет играть в хорошие игры. Если бы он нашел скелет в шкафу Веллингтона, он бы использовал его против моего отца? Ему что-то нужно от отца, и неосторожные действия Веллингтона могут быть использованы как рычаг давления на моего отца.

Но не лучше ли разобраться со всем происходящим за закрытыми дверями, а не пускать информацию по всем новостным каналам? Что бы мы ни обнаружили, это может оказаться бомбой замедленного действия.

Или это может быть абсолютная ерунда.

И если это так, то ничего страшного, ничего ужасного.

Ну и дела. Я плюхнулась обратно на кровать и уставилась в потолок.

Как насчет этого? Что если мы просто поговорим с ним и посмотрим, как все пройдет?

Я подняла руки, наполовину ожидая увидеть красную корочку под ногтями.

Ты нужна ей.

Я знаю.

Это означало, что есть только один вариант.

Завтра я иду в Моху.

Я чувствовала каждую мучительную секунду, пока сидела на занятиях на следующий день. Предвкушение было бесконечным электрическим током, бегущим по моим венам. Я подумывала о том, чтобы пропустить занятия, поскольку мои мысли были слишком отвлеченными, чтобы слушать лекцию, но я отказалась поддаться влечению. Моими действиями управляла логика, а не любопытство или либидо.

К тому же существовала значительная вероятность того, что Кейр не будет работать до конца дня. Я навела справки о Моху и обнаружила, что это такое заведение, которое делает большую часть своего бизнеса ночью. Стрип-клуб, расположенный в центре Швейного квартала. Не самое лучшее место для ночного отдыха, но если я пойду туда поздно вечером, у меня будет приличный шанс застать Кейра и вернуться домой до того, как станет слишком поздно. Я предпочитала не бродить по этому району после наступления темноты.

Я понятия не имела, где еще я могу найти ирландца, так что придется обойтись этим.

Я приехала чуть позже четырех часов. В этот час здесь было относительно тихо. Позднее сентябрьское солнце уже скрылось за стеной городских зданий, но шумный хаос ночи еще не разгорелся.

Выкрашенная в черный цвет внешняя часть здания не имела окон, что говорило о явном характере находящегося здесь клуба. Однако краска была свежей, а приличный новый навес освещался изнутри зелеными неоновыми лампами. Эффект был резким и даже немного заманчивым.

Я никогда не была внутри стриптиз-клуба, хотя и искала это место в Интернете, чтобы иметь представление о том, чего ожидать. На картинках были изображены кожаные кабинки для частных танцев с шестом и стильные люстры, освещающие богатые деревянные панели на стенах. Это было что-то среднее между спортивным баром и клубом для джентльменов. Когда я вошла внутрь, то с облегчением убедилась, что фотографии оказались точным изображением. Мне не нужно было часто посещать стриптиз-клубы, чтобы знать, что они могут быть намного грязнее, чем Моху.

Девушки танцевали, даже в столь ранний час, и в воздухе звучала чувственная музыка. По всему заведению были разбросаны дюжина посетителей, а также разносчики коктейлей в облегающих платьях и несколько устрашающих мужчин, одетых во все черное, как тот, что стоял у входной двери. Его лицо было поразительным, за исключением хмурого выражения губ.

— Если ты ищешь Джолли, то его здесь нет, — сказал мужчина так, как будто ему было физически больно уделять мне время.

— Джолли? Нет. Я искала Кейра.

Кинжалоподобный взгляд мужчины сузился, когда он оглядел меня с ног до головы.

— Что тебе от него нужно?

— Он заходил ко мне пару ночей назад, задавал какие-то вопросы. Я хотела поговорить с ним.

Отчасти правда, но достаточно туманная, чтобы привлечь внимание. Надеюсь. Я использовала все свои незаслуженные привилегии, чтобы звучать достаточно уверенно, чтобы преодолеть все оставшиеся сомнения. Кажется, это сработало.

— Как насчет того, чтобы ты дала мне свой номер, и я попрошу его позвонить тебе.

Это был не вопрос.

Прежде чем я смогла решить, что лучше — спорить или выкручиваться и убегать, подошла великолепная девушка с белокурыми локонами.

— Тор, ты не даешь этой милашке покоя?

У нее был южный говор, который мгновенно вызывал симпатию. Я не была уверена, что понимаю эффект, но это было то же самое, что и со щенками. Только социопаты могли смотреть на щенка и не получать удар дофамина прямо в кровь.

Мужчина, которого она назвала Тором, скорчил гримасу.

Окай. Значит... социопат?

Возможно.

— Это не касается тебя, Сторми, — проворчал он.

— Я пришла поговорить с Кейром, — пролепетала я, надеясь, что Сторми, как он ее назвал, окажется более полезной.

Она сверкнула блестящей улыбкой.

— Ну, это достаточно просто.

Она переместилась и заглянула через плечо.

— Он прямо там.

— Черт, Сторм. Может, ей не нужно было этого знать.

Мужчина злобно зыркнул на нее.

Сторми была совершенно невозмутима. Она подмигнула мне, а затем скрылась, и у меня сложилось впечатление, что эти двое регулярно так перебрасываются остротами. Я бы, наверное, рассмеялась, если бы нервы не сковали все мое тело.

Я обошла Тора и заметила Кейра, сидящего спиной ко мне за столиком и наблюдающего за танцующей женщиной на небольшой приподнятой платформе. Я рассмотрела ее, когда подошла. Она была стройной и подтянутой, но ее движения были слишком преувеличенными на мой вкус. Слишком умышленно эротичными. Она не использовала соблазнительные возможности звучащей музыки. Учитывая цель и ее аудиторию, это, возможно, было бы лучше, но это казалось позором.

Ну вот, опять ты все анализируешь.

Да, хорошо. А что еще я должна делать?

Голоса стихли, как только пронзительный взгляд Кейра встретился с моим.

И вот опять. Возбуждение, как эпинефрин прямо в сердце. Как его взгляд мог запутать мои мысли и одновременно разбудить мои чувства? Я не боялась его. Если это был не страх, бурлящий внутри меня, тогда что? Я не могла отрицать ответ, который звучал в моей голове, пока я сокращала расстояние между нами.

Притяжение — первобытное, магнитное притяжение, которое зацепило меня на молекулярном уровне. И дело было не только в его грубой внешности, но и в том, как легко он излучал силу, как будто родился с избытком уверенности в себе, настолько естественной для него, что хвастаться было излишне. Кейр Байрн знал свои сильные стороны и не видел необходимости выставлять их напоказ. Один только запах такой уверенности опьянял.

— Если это не маленькая мисс Александер. Тебе удалось удивить меня — нелегкая задача.

Каким-то образом он точно знал, как громко говорить, чтобы его было слышно поверх музыки, но едва-едва. Это заставляло меня уделять каждую унцию моего внимания каждому его слову.

— Рада, что смогла немного развлечь тебя, хотя, похоже, тебе и так хватает развлечений.

Мой взгляд переместился на женщину, которая продолжала танцевать на частной сцене.

— Ты перепутала концентрацию с развлечением. Я работаю, — сухо сказал он. — Мэдисон проходит прослушивание, так что если ты не возражаешь...

Он потянулся за бутылкой воды на столе и вернулся взглядом к сцене. Я его раздражала? У меня было ощущение, что он превратился из забавного в оскорбленного, и мне нужно было быстро все исправить.

— Мне просто нужна минута, чтобы поговорить с тобой, Кейр. Пожалуйста, всего одну минуту.

Черт возьми, если бы все мое тело не теплело каждый раз, когда его глаза касались меня.

— Я же сказал тебе, у меня сейчас прослушивание, так что если не хочешь танцевать, уходи, — приказал он арктическим тоном, в котором сквозил вызов.

Если он думал, что, бросив перчатку, я убегу, то он ошибся.

Я подошла к нему, бросила сумочку ему на грудь и сняла туфли, не позволяя взгляду ни на секунду ослабнуть. Роуэн Александер ни перед кем не трусил. Независимо от результата, то, что я собиралась сделать, стоило бы искры очарованного удивления, промелькнувшей в его тропических глазах. Он не двигался и не говорил, но я видела это в глубине Карибского моря. Я завладела его вниманием.

— Я танцую, а ты слушаешь. Согласен?

Он пристально смотрел на меня в течение десяти секунд, прежде чем его подбородок опустился.

Воспользовавшись моментом, я вышла на сцену. Ее нынешняя обительница перевела взгляд с меня на Кейра, затем неохотно отступила назад.

Не волнуйся, дорогая, мне не нужна твоя работа.

Я попыталась очистить голову и позволить музыке проникнуть в мое тело. Я не была знакома с этой песней, но в ней был знойный ритм и скрежещущие басы, благодаря которым движение давалось легко. Кейр не знал, что на сцене я чувствовала себя как дома, возможно, даже больше, чем где-либо еще. Танец был моей терапией. Моей единственной настоящей любовью.

Я больше не брала уроки, но старалась найти время, чтобы танцевать большую часть дня. Я делала это для себя. Выступать перед другими мне не нравилось, поэтому я не обращала внимания на мелькающие телевизионные экраны и других танцоров. Я не обращала внимания на вожделенные взгляды мужчин вокруг меня и позволяла музыке захватить себя.

Джинсы, которые я надела, были достаточно эластичными, чтобы позволить двигаться — не идеально, но достаточно. А мой короткий свитер с глубоким вырезом идеально подходил для того, чтобы добавить дразнящей легкости. Я не собиралась раздеваться, но хотела убедиться, что Кейр знает, что я не стесняюсь быть увиденной, и, что еще важнее, что его попытка запугивания провалилась.

Я начала раскачиваться, выгибаться и перекатывать свое тело в полной гармонии с музыкой. На этой сцене с соблазнительной тягой электрогитары, наполняющей воздух, было легко вызвать в памяти мои самые сексуальные движения. Я просто представила, что Кейр — единственный человек в комнате. Что я танцую только для него, чтобы довести его до безумия.

Мои руки скользили по телу, когда я двигалась, как будто я была погружена в сеанс наслаждения собой, наслаждаясь ощущением собственных прикосновений. Я прикусила нижнюю губу, как делала бы, если бы напрягалась, чтобы сохранить спокойствие, и плавно переходила от одной манящей позы к другой — симфония женственного соблазна.

Когда я наконец позволила себе взглянуть на своего противника, мои вены наполнились восторгом. Все тело Кейра напряглось, его брюки вздулись огромной выпуклостью.

Я добралась до него. Невозмутимый Кейр Байрн был на грани. Я довела его до предела отточенного контроля, и мне хотелось большего.

Я хотела увидеть, как он потеряет контроль.

Уже стоя на коленях, я выгнула спину дугой, пока макушка не коснулась пола. Я приподняла грудь, позволяя свитеру полностью обнажить бюстгальтер, и поднесла руки к груди, а затем медленно провела ими по передней части тела к вершине бедер.

Двое других мужчин приблизились к сцене с противоположной стороны, где сидел

Кейр. Я чувствовала на себе их взгляды, но они были несущественны по сравнению с пылающим взглядом Кейра. Он клеймил меня своими океанскими глазами.

— Хватит! — Дикий рык прорезал воздух, остановив мои движения.

Кейр был на ногах. Я поднялась, хотя все еще стояла на коленях, и увидела, как он схватил мою сумочку и бросился ко мне. Мои глаза округлились, когда он схватил меня за запястье и потащил со сцены в темный коридор.

— Что тебе от меня нужно, мисс Александер? — Прошипел он.

— Роуэн, — выпалила я в ответ. — Меня зовут Роуэн.

Я не знала, почему меня волнует, как он меня называет, но это было так. Я хотела услышать гортанное мурлыканье моего имени на его губах.

— Я знаю твое имя, — пренебрежительно сказал он. — Скажи мне, какого хрена ты здесь.

Упрямый засранец. Отлично. Я перейду к делу.

— У меня есть для тебя работа.

Напряжение вокруг него медленно таяло, когда коварная улыбка заиграла на его губах.

— Это становится все интереснее с каждой минутой. Продолжай.

— Я хочу, чтобы кое-кого расследовали без огласки информации.

— Похоже, это то, что должен уметь делать твой отец.

Мой позвоночник напрягся.

— Я обсуждала с ним этот вопрос. Он отказался.

— И я был следующим, кто пришел на ум? — Спросил он снисходительно.

— Вряд ли. Но это деликатный вопрос. Мне нужен кто-то, кто незаметно даст мне ответы. Я заплачу тебе.

Он изучал меня, становясь все более заинтригованным с каждой секундой. Хорошо. Я буду использовать все, что смогу, в своих интересах.

— О ком ты хочешь узнать?

— Лоуренс Веллингтон.

Его глаза сузились.

— Судородный магнат?

Я кивнула.

Голова Кейра откинулась назад, и воздух наполнился раскатами мужского смеха. Не знаю, откуда я это знаю, но у меня возникло ощущение, что этот человек смеется нечасто, и эффект был завораживающим. Даже несмотря на то, что это было сделано за мой счет, я могла представить, что буду делать ужасные вещи, чтобы услышать этот звук снова.

Придя в себя, он подошел ближе, и его черты вновь приобрели резкие черты.

— Этот человек практически владеет всем морским терминалом в Ред-Хуке. Какого хрена ты хочешь проверить Лоуренса Веллингтона?

Его слова были резкими, но тон оставался спокойным и ровным. Его способность сохранять самообладание впечатляла.

— Мои причины не имеют никакого отношения к расследованию.

— Имеют, когда расследование веду я.

Черт. Я не подумала о том, что он спросит меня о причинах. Это был опрометчивый промах, но я не позволила этому помешать.

— Его сын — мой парень. Прежде чем углубляться в отношения, я бы хотела убедиться, что его отец не будет вредить карьере моего отца.

Молодец, Ро! Вряд ли он сможет поспорить с такой логикой.

— Похоже, твой отец с радостью сделает это, чтобы защитить вас обоих.

— Они давние друзья. Отец даже не стал бы рассматривать эту идею.

Пожалуйста, прекрати задавать вопросы!

Кейр продолжал изучать меня.

— И все же, по какой-то причине ты чувствуешь в себе достаточно сил, чтобы искать меня.

— Почему бы и нет? Ты без проблем вломился в дом моих родителей. Конечно, копаться в чьей-то биографии — это вряд ли навязчивая идея, особенно если тебе платят.

— Я хочу знать, почему, — упорствовал он.

— Почему что?

— Почему ты даже подозреваешь, что что-то не так.

Я поборола желание скрежетать зубами от разочарования и вместо этого улыбнулась.

— Я же сказала тебе, я просто осторожничаю.

Он пожал плечами.

— Тогда ответ — нет.

Он повернулся, чтобы уйти.

У меня открылся рот.

— Что? Почему?

Я поспешила за ним.

— Потому что я так сказал.

— Я сказала, что заплачу.

Он повернулся и широко раскинул руки.

— Как будто мне нужны твои деньги, мисс Александер.

Он уставился на меня, в его глазах светилось самодовольство.

Я вытянула позвоночник как можно выше, ожесточаясь против того, что собиралась сделать.

— Пожалуйста.

Он сделал шаг ближе.

— Как бы мне не нравилось видеть твои красивые губы умоляющими, этого недостаточно, поэтому, если ты не дашь мне повода, — он придвинулся настолько близко, что я почувствовала тепло, излучаемое им, — чтобы мотивировать меня, то ответ... по-прежнему... нет.

Угрожающие вибрации его голоса пробежались по моей коже.

Я вдыхала, вдыхала его. Намеренно опьяняя себя его запахом.

Мне он нужен.

Нет, тебе нужна его помощь. Ты можешь сделать это сама.

Заткнись.

— Я думаю, он кого-то обидел. Женщину.

Торопливые слова повисли между нами, шатко болтаясь на острие ножа.

Ноздри Кейра раздувались, несмотря на сверхъестественное спокойствие, которое вернулось на место, как хорошо поношенное пальто.

— Объясни.

— Я была у него дома со своим парнем. Я услышала женский плач — не просто плач. Звуки были... душераздирающими. Когда я спросила Стетсона, кто еще там был, он сказал,

что в доме был только его отец. И прежде чем ты скажешь, что мне просто послышалось, или это был телевизор, или сосед, это не так. Я знаю, что я слышала.

Кейр отстранился от меня.

— Мне это не нравится.

— Не нравится что?

Я замялась.

— Что-нибудь из этого. Этот человек обладает огромной силой. Тебе нужно оставить его в покое.

Я уставилась на него.

— Просто оставить? Забыть, что какая-то бедная женщина может быть закована в цепи в доме этого человека?

— Ты же не веришь, что все так и есть, — возразил он.

Я сделала паузу, не зная, что сказать. Это было вопиющее обвинение. Если бы я была в этом уверена, я бы обратилась к властям.

— Это просто небольшое исследование его биографии, — умоляла я в последний раз.

Он покачал головой.

— Ты вляпалась по уши. Уходи, мисс Александер.

Гневный женский голос пронесся над музыкой в клубе позади него. Мы оба повернулись, чтобы увидеть, как вышибала подходит к мужчине и грозно предупреждает его, находясь в нескольких дюймах от его лица. Непокорный клиент вроде бы отступил, умиротворяюще подняв ладони, но плюнул вышибале под ноги, как только тот отвернулся. Музыка была достаточно громкой, чтобы крупный мужчина в черном не мог ее услышать, но я видела это, и Кейр тоже.

Он вздохнул.

— Твое время вышло, — бросил он через плечо и, обойдя столы, направился к месту, где сидел мужчина.

Я зачарованно наблюдала, как Кейр спокойно разговаривает с женщиной, а его голова движется к двери. Он выпроваживал его. Мужчина раздражался, в конце концов схватил свой стакан и замахнулся, чтобы ударить им Кейра по голове, но ирландец был слишком быстр. Продемонстрировав скорость, о которой я и не подозревала, что такой большой человек может быть таким быстрым, он заблокировал удар мужчины, прижал его руку сзади, а затем схватил его за шею и три раза подряд с такой силой врезался головой в массивный деревянный стол, что я вздрогнула.

Когда он выпрямился, ни один волосок не выбился из общей массы. Более того, казалось, что вспышки ярости никогда не было. Его противник, если его можно было так назвать, рухнул на пол в бессознательном состоянии. Кейр не шелохнулся и подошел к женщине, которая впервые привлекла наше внимание своим криком.

Они обменялись несколькими словами, после чего он кивнул головой и повернулся ко мне. Его пустой взгляд столкнулся с моим, прежде чем он бросил взгляд на вышибалу неподалеку. В следующий момент меня вывели на улицу, бросили туфли к моим ногам и захлопнули за мной дверь.

5

Я потратил годы своей жизни на то, чтобы научиться читать людей. Это умение было важным элементом моей работы, но оно также помогало мне сохранять спокойствие. Если люди не заставляли меня врасплох, я не расстраивался, и никто не страдал. Мое детство

прошло в ловушке этой череды каскадных событий. Я отказался поддаться, став взрослым.

Так почему же, черт возьми, я не мог как следует прочесть Роуэн Александер? Никогда за миллион лет я не предполагал, что она придет в Моху, не говоря уже о том, чтобы принять вызов, который я бросил. Я полностью ожидал, что она подожмет хвост и убежит. Но этого не только не произошло, но она владела этой гребаной сценой. Она выглядела как чертова фантазия, даже не снимая одежды, и я был не единственным членом в зале, стоя салютовавшим ей.

Зная, что все в клубе могли видеть ее танец, я был ближе, чем когда-либо за последние годы, к тому, чтобы потерять свое дерьмо. То, что она делала на сцене, не предназначалось ни для кого, кроме меня. Я хотел вонзить свои большие пальцы прямо в их глазницы, и это был плохой, блядь, знак.

Если бы я мыслил логически, я бы с самого начала прислушался к ее просьбе и избежал бы всей этой сцены. Нам нужно было сотрудничество ее отца. Помочь ей — значит еще раз подставить ножку ее отцу. Но почему-то я знал. В глубине души я знал, что Роуэн Александер — это проблема.

Теперь я не только видел ее соблазнительный танец, но и сидел возле дома Лоуренса Веллингтона, когда у меня была куча дел поважнее.

Я сказал ей, что не буду помогать. Я сказал ей, чтобы она оставила все как есть, но женщина, которая ищет такого, как я, в стрип-клубе, не собирается отступать. Я знал это лучше, чем самого себя. Я размышлял над этой информацией два дня, прежде чем, наконец, сдался и провел беглый поиск этого человека.

Он был достаточно могущественным, чтобы быть знакомым, но я никогда не общался с ним лично. Информация о нем была на удивление труднодоступной, и это, как ничто другое, вызывало у меня подозрения. Люди, занимающие высокие посты и обладающие безупречной публичной личностью, часто оказывались худшими из всех.

Кем был Лоуренс Веллингтон?

Я уже вторую ночь вел наблюдение, пытаюсь выяснить это. Я также поручил нашему постоянному техническому специалисту провести глубокое погружение в Интернет, но на это потребуется время. Кроме того, многое можно было узнать, просто наблюдая. А одно из преимуществ жизни в городе — это легкость наблюдения.

Такие люди, как Веллингтон, могли спрятаться в многоэтажке, но он был настолько уединен, насколько мог. А он даже не стремился к этому. Магнат судоходства, должно быть, ценил престиж больше, чем уединение, потому что жил в особняке на одну семью в элитном районе Леннокс-Хилл, и его передвижения были так же заметны, как и у любого другого прохожего на улице.

Я пытался уверить себя, что поиск этого человека носит стратегический характер и не имеет никакого отношения к Роуэн. Информация о нем может означать рычаг давления на губернатора. Это была зацепка, которую стоило проверить. Я говорил себе, что Роуэн была просто источником моей информации и не играла никакой другой роли в моем решении, но в глубине души я знал, что это чушь. Ее участие вызвало во мне чувство срочности, которое я не мог игнорировать. Она думала, что происходит что-то сомнительное, и у меня было чувство, что она окажется запутанной в паутине, которая ее ждет.

Через два часа после начала моего вечера перед домом остановился черный седан Mercedes. Я сразу же начал записывать на телефон. Солнце уже село, но рассеянного городского света было достаточно, чтобы мне не понадобилось более сложное

записывающее оборудование.

Водитель открыл багажник, затем вышел из машины. Я беспрепятственно наблюдал, как он открыл заднее сиденье, достал два короткоствольных пистолета SIG 550 и быстро положил их в багажник.

И точно так же все изменилось.

Я даже не дышал, когда пассажир выходил из машины. Он так и не повернулся в мою сторону, не давая мне возможности увидеть его лицо. Двое мужчин поднялись по ступенькам к дому семьи Веллингтон и вошли внутрь.

Господи, мать твою. Скажи мне, что я ошибаюсь.

Я открыл запись на своем телефоне и увеличил изображение оружия. Кровь пульсировала в моей голове, как басовые барабаны, пока я проверял свои подозрения. Оба пистолета были подлинными, с переключателем огня, который встречается только на швейцарских SIG военного класса. Найти их было нелегко. Мы были единственными известными мне местными дилерами черного рынка, которые имели к ним доступ, да и то это случалось нечасто. За последние шесть месяцев мы получили только одну партию, и Оран заявил об их краже через несколько дней после прибытия.

Какого рода монументальное совпадение должно быть, чтобы эти два оружия были получены не из той украденной партии?

Я изучил машину и не увидел никаких признаков дипломатического иммунитета, которые позволили бы предположить связь со швейцарским посольством. Присутствие людей, торгующих нелегальным оружием, подтверждало теорию Роуэн о том, что Веллингтон занимался не только перевозками. Это дерьмо становилось все хуже и хуже.

Тревога царапала кожу острыми когтями.

Мне нужно было выпить.

Через тридцать минут я был в Моху, потягивая виски Redbreast, который я держал под рукой для таких дней. Я остался в клубе, чтобы отвлечься, хотя почти не замечал окружающих. Было уже достаточно поздно, и место было переполнено. Я сел в конце бара, спиной к залу, пытаюсь отвлечься от разговоров, что удавалось, пока не появился Торин. Моего кузена ничто не пугало, меньше всего я.

— Ты собираешься рассказать мне, что происходит? — спросил он под дых, подавая сигнал бармену.

Он не был намеренно сдержан. Это был просто Тор. Казалось, он берег всю свою энергию для боксерского ринга, где он наносил ядерные удары своим противникам.

— Что-то происходит?

Я взболтал янтарную жидкость в своем бокале.

Тор бросил на меня взгляд, который говорил: Не будь тупицей.

— Ты забыл, что я видел тебя здесь с той девушкой на прошлой неделе? Даже не притворяйся, что там ничего не происходит. С тех пор ты был на взводе.

— Она дочь Эвана Александера, — сказал я со вздохом.

— Ни хрена себе.

Он хмыкнул.

— Девушка умеет танцевать.

Мне пришлось стиснуть зубы от нахлынувшей на меня ярости.

— Осторожно.

Обещание жестокости огрubiло мой голос.

— Да ну? — Спросил он с искренним удивлением. — Не ожидал от тебя такого.

Я покачал головой.

— Ничего подобного. Просто у меня много всякого дерьма происходит.

Он сделал медленный кивок, который сказал мне, что он ни на секунду не купился на это. Неважно. Он мог думать, что ему нравится.

— Тебе помочь с чем-нибудь? — Спросил он.

— В данный момент нет.

Я выпил остатки своего напитка одним глотком, наслаждаясь жжением, наполнившим мою грудь.

— Я дам тебе знать, если что-то изменится.

Я встал, стукнул кулаком по его кулаку, прежде чем уйти. Мне нужно было работать, и было уже поздно.

На следующее утро я шел по кампусу Нью-Йоркского университета целеустремленными шагами. Он казался пустым для студенческого городка, но не то чтобы я был в этом уверен. Учеба никогда не была моей стихией. К счастью, моя семья была не из тех, кто возлагает большие надежды на учебу. Я окончил среднюю школу и никогда не оглядывался назад.

В конце концов, я нашел дорогу на Западную 4-ю улицу, дом 19, комната 302. Взглянув в маленькое окошко на двери, я убедился, что занятия идут, и профессор читает лекцию. Я открыл дверь и шагнул внутрь, сканируя комнату, пока мой взгляд не остановился на Роуэн, послушно наблюдавшей за своим профессором.

Пожилой мужчина в твидовой кепке для гольфа остановился, его взгляд привлек внимание остальных студентов.

— Могу я чем-то помочь? — Ехидно спросил он.

Хотел бы я посмотреть, как он проявит такую наглость, когда не будет сидеть на своем троне, поддерживаемый иллюзией безопасности в центре своего маленького королевства. Эта мысль почти вызвала улыбку на моих губах.

Я перевел взгляд обратно на Роуэн и быстрым движением подбородка направился к двери. Я не стал дожидаться ее реакции, хотя успел заметить ярко-розовый цвет ее щек, прежде чем выскользнул обратно в коридор.

Ее глаза пылали, когда она выскользнула из класса.

— Я полагаю, раз ты нашел меня здесь, значит, ты незаконно получил мое расписание занятий, — шипела она на меня. — Полагаю, было чересчур просить тебя подождать до окончания лекции, чтобы прийти.

Что было такого в ее резком тоне, что сводило меня с ума? Как будто мои эмоции были жестко запрограммированы реагировать на нее, независимо от того, как крепко я держал бразды правления. Любой другой мог бы плюнуть мне в лицо, не вызвав никакой реакции — не эмоциональной, во всяком случае. Я мог бы сломать им челюсть в качестве урока, но это не было бы личным. Не с моей стороны. Но Роуэн была другой. Стоило ей только вздохнуть, и я потерял всякую способность рассуждать.

Я зажал свою потребность заставить ее замолчать языком в ее горле и повел нас прочь от двери.

— Ты просила меня о помощи, Александер. Прими ее, какой сможешь получить, или не принимай вообще.

6

Кейр отошел на несколько футов, прежде чем я справилась со своим шоком. За

несколько дней до этого он тщательно убеждал меня, что у меня нет никаких шансов заручиться его помощью. Что заставило его передумать?

Неужели тебе не все равно?

Я вышла из ступора и бросилась догонять его.

— Значит ли это, что ты будешь проверять его?

— Я уже начал.

— Начал? Что заставило тебя передумать?

Он остановился и уставился на меня, но ничего не сказал, его взгляд переместился на мои губы. Затянувшийся взгляд раскалил мою кровь до состояния расплавленной лавы, испепеляя все на своем пути.

— У меня есть свои причины.

Это было все, что он мне сказал.

— И я не хочу, чтобы ты была там, пока мы не разберемся с этим.

— Наличие кого-либо в доме — лучший источник информации. И кроме того, Стетсон — мой парень.

Неужели он не видел очевидных недостатков в своем плане? Я находилась в идеальной ситуации для сбора информации. Стетсон, скорее всего, не заметит, если я найду оправдание, чтобы остаться в стороне, но я не сказала об этом Кейру. Именно я слышала плач девушки. Я чувствовала ответственность за нее и не хотела опускать руки, не убедившись, что что-то делается.

Что-то в моих словах задело за живое. Живые голубые глаза Кейра потемнели и стали такими же бездонными, как самые глубокие части океана. Он повел меня назад, зажав меня между своим огромным телом и стеной, его лицо вдруг оказалось в нескольких дюймах от моего.

— Почему тебя вообще все это волнует? Ты могла бы жить своей жизнью и не беспокоиться об этом.

Я вздрогнула от этого намека.

— Я всего лишь поверхностная девушка из женского общества, так что можно подумать, что я так и поступлю. Может быть, я ищу бонусные очки, когда буду подавать заявление на членство в клубе Colony. О, я знаю! Может быть, я делаю это из чувства долга, вытекающего из моего очевидного превосходства.

Это было то, что он хотел услышать? Что мое положение в жизни делает меня неспособной на глубину и сострадание?

— Не вкладывай слова в мой гребаный рот, — прорычал он.

— Мне и не нужно было. С таким же успехом ты мог бы написать их на рекламном щите.

Я не могла дышать. Его было слишком много. Он слишком дезориентировал.

Его тело блокировало мой выход, точно так же, как его подавляющее присутствие затмевало все мысли о чем-либо еще. Я могла видеть, чувствовать или думать только о Кейре.

Затем его губы оказались на моих, его руки крепко прижали меня к себе. Я встретила его поцелуй с интенсивностью, которая соперничала с его собственным. Мы были двумя магнитами, не способными противостоять друг другу.

Чувственное прикосновение его губ, его пальцы в моих волосах, восхитительный вкус его языка на моем — простое действие стерло мою личность, и я больше не была Роуэн. Я

была той, кем он хотел, чтобы я была. Я была свободна.

Его руки начали блуждать по моему телу, но лишь на секунду. Недостаточно долго. Он напрягся и отпрянул, словно только сейчас осознав, что он сделал. Тяжелая пелена застилала его глаза, лишая меня возможности понять, куда завели его мысли.

Я не знала, что сказать или сделать.

— Похоже, держаться подальше от парня будет не так уж и сложно.

Его хорошо поставленный укол сдул воздушный шар, который он только что наполнил в моей груди.

— Полагаю, мы не можем быть идеальными, — ответила я холодно, с облегчением заметив, что он сделал небольшой шаг назад.

— Нет причин обижаться. Я просто сказал правду.

Я ненавидела то, насколько он был прав.

— Если мы снова стали честными, то чего же ты хочешь от меня в обмен на свою помощь?

Я скрестила руки на груди.

— Или та маленькая демонстрация была твоим способом показать мне, что ты ожидаешь от меня?

Он уже сказал мне, что ему не нужны мои деньги, так почему же еще он согласился помочь мне?

Я не знала как, но глаза Кейра стали почти черными.

— Не льсти себе.

Каждое слово было отточено как бритва.

— Единственное, что ты можешь предложить мне, чего я не могу получить в другом месте — это твой отец. Если ты должна мне, то он должен мне.

Я сжала челюсть так сильно, что мышцы заболели. Конечно. Как я могла забыть? Кейр хотел, чтобы мой отец помог ему добиться назначения конкретного человека на пост комиссара полиции. Вот в чем было дело. Я чувствовала себя чертовой дурой, настолько, что за глазами вспыхнул незнакомый ожог.

— Я не могу ничего обещать, — сказала я пустым голосом.

Кейр смотрел на меня несколько бесконечных секунд, затем протянул руку и взял прядь моих волос между пальцами. От неожиданной перемены в его поведении у меня перехватило дыхание.

— Ты знаешь, что Роуэн в переводе с ирландского означает рыжая.

Я сглотнула внезапный комок в горле.

— Это также разновидность дерева.

Дерево, которое послужило вдохновением для моего имени.

— Это особенно сильный и выносливый вид, если я помню. Подходит.

Этот меркантильный человек заставлял меня дрожать. Куда, черт возьми, он клонит?

— Это твой естественный цвет?

Он наконец позволил волосам проскользнуть сквозь пальцы.

Кровь отхлынула от моего лица, эмоции стремились заполнить все пустые капилляры, пока меня не переполнили чувства.

Я покачала головой.

— Какой у тебя натуральный цвет волос?

— Blond, — вздохнула я.

— Ты всегда красишь их?

— Да.

Я отстранилась, борясь за контроль над собой.

— Чего ты хочешь от меня? — Мягко спросила я.

Этот чертов мужчина выворачивал меня наизнанку, и мне надоело бороться за возможность удержаться на его скользкой дорожке.

Глаза Кейра, наконец, вернулись к моим, и в них снова воцарилось жуткое спокойствие.

— Я что-нибудь придумаю. Более важный вопрос — уверена ли ты, что хочешь пойти по этому пути?

Я изучала его — впитывала каждый нюанс его позы и каждую крошечную деталь его личности. Я думала о том, как он не терпел неуважения в своем клубе. Я вспомнила, как фактически он вел переговоры с моим отцом, и как я знала, что он не причинит мне вреда. Что касается его поцелуя, то никогда за миллион лет я не смогу забыть, как прикосновение его губ смогло открыть частичку моей души.

Но он все еще был преступником, и это был мой шанс уйти. Вычеркнуть Кейра Байрна из моей памяти и сделать все возможное, чтобы продолжать жить дальше той жизнью, которую я так тщательно строила.

Это был поворотный момент в моей жизни. Я чувствовала это так же ясно, как и жар, исходящий от его тела. Когда-нибудь я буду вспоминать об этом единственном решении как о начале или конце.

Если бы я только знала, какая дорога куда ведет.

Все, что я могла сделать, это следовать своей интуиции, и одно слово звучало в моей голове.

— Да.

7

Мысли о Роуэн закрались в мой разум, как навязчивая лиана, заглушающая все остальное. Как бы я ни старался сосредоточиться на работе в тот вечер или очистить свой разум, лежа в постели той ночью, образы ее лесных глаз преследовали меня.

Нет, это было неправильно. Назвать ее глаза лесными — все равно что упростить необъятность Вселенной, назвав ее космосом. В ее радужной оболочке были целые галактики цвета — полный спектр зеленого, золотого и коричневого — различные оттенки, оживающие в зависимости от ее настроения. А настроение, Боже правый, как она старалась держать под контролем свою огненную натуру. Она была совершенно очаровательна.

Если быть честным с самим собой, именно поэтому я поехал, чтобы лично сказать ей, что планирую помочь. Мне не нужно было. Я, конечно, не должен был прерывать ее занятия, но мне нравилось пытаться раззадорить ее. Она была такой чертовски самоуверенной. Обычно это была моя роль. Но когда она была рядом, мне казалось, что я потерял весь прогресс, которого добился за эти годы, и снова стал ребенком, не способным связать двух слов и разговаривающим с помощью кулаков. Мне нравилось находить способы разрушить ее контроль. Это было справедливо, учитывая, что она делала то же самое со мной.

Другая причина, по которой я искал ее, заключалась в том, чтобы она не искала ответы и не нарывалась на неприятности. Учитывая, что она пришла ко мне, потому что была уверена, что в этом доме происходит что-то ужасное, я думал, что у нее не будет проблем с моим приказом держаться подальше. Я не мог ошибиться. Мне не нравилась ее связь с семьей Веллингтон, но я ненавидел то, как она презирала идею держаться подальше от

своего парня.

Как может кто-то, так сильно желающий добра, заботиться о таком никчемном человеке, как Стетсон Веллингтон? Я провел исследование — парень был просто отбросом. Избалованный маленький богач, не имеющий представления о реальном мире. Двуличный. Жалкий.

Она не могла испытывать к нему настоящих чувств. Я еще больше убедился в этом, когда почувствовал, как она тает в моих объятиях. Так почему же она была с ним? И почему отказалась уйти?

Я покачал головой, наблюдая, как мужчина выходит из своего дома. Было больше, чем один способ снять шкуру с кошки. Если Роуэн не хочет держаться подальше от неприятностей, я позабочусь о том, чтобы неприятности держались подальше от нее, и скорее раньше, чем позже.

На следующий день после того, как я вытащил ее из класса, я снова оказался возле кампуса Нью-Йоркского университета, чтобы нанести визит другого рода.

На этом придурке была рубашка-поло с маленькими гольфистами по всему телу, ради всего святого. Из-за него трудно было воспринимать его всерьез. Он, наверное, описался бы, если бы столкнулся с кем-то вроде меня.

Оставалось только надеяться.

Он настороженно смотрел на меня, приближаясь. Я стоял, прислонившись к своему мотоциклу, который я удобно припарковал всего в нескольких дюймах от его машины. Он заплатил за лучшее парковочное место прямо у входа. Удобно, когда кому-то нужно разыскать его машину.

— Эй, парень, не мог бы ты подвинуться на секунду, чтобы я мог выехать?

Он старался быть вежливым, но я слышал раздражение в его голосе.

Я просто посмотрел на него сверху вниз и улыбнулся, поднеся телефон к уху.

— Привет, детка. Как прошел урок?

Роуэн заикалась на другом конце, что дало мне прекрасную возможность искренне улыбнуться.

— Рад слышать. Слушай, у меня тут есть кое-кто, кто хотел бы с тобой поговорить.

Я нажал на значок громкой связи и устремил злобный взгляд на Стетсона Веллингтона.

— Ты меня слышишь? — Спросил я Роуэн, прибавив громкости.

— Что? Да, я тебя слышу.

— Ро? — Рывкнул Стетсон, его глаза округлились.

Правильно, красавчик. У меня твоя девушка на быстром наборе.

— Стетсон? Кейр, какого черта?

Ее внезапно пронзительный голос прозвучал из трубки.

Лицо Веллингтона исказилось от отвращения.

— Ты знаешь этого засранца? — Рывкнул он на нее.

— Следи за своим тоном, Веллингтон, — сказал я со смертельным спокойствием.

Мне было все равно, насколько он расстроен; он не имел права так с ней разговаривать.

— Роуэн хочет, чтобы ты знал, что между вами все кончено. Мои отношения с ней не имеют значения.

— Что?

Голос Роуэн поднялся еще на одну октаву.

Я отключил громкую связь.

— Поговорим позже, — сказал я ей и завершил разговор. Ее кипящий гнев на линии был настолько осязаем, что я готов был поклясться, что этот чертов телефон горит.

Она переживет это.

Я перекинул ногу через мотоцикл и встретился с яростным взглядом Стетсона.

— Полагаю, тебе пора поискать себе жену из Степфорда в другом месте.

— Ну да, как будто Роуэн вдруг стала твоей? Она никогда бы не заинтересовалась таким головорезом, как ты.

Это задело больше, чем я ожидал.

Я оскалился в угрожающей ухмылке.

— Если это так, то нет причин для беспокойства.

Я развернулся на своем мотоцикле. Когда он попытался окликнуть меня через звук, я прибавил обороты. Заложив руку за ухо, я показал, что не слышу его, затем оскалил зубы в злобной ухмылке и выехал на дорогу.

Черт, это было здорово.

Было слишком рано идти на работу, но я хотел проверить несколько вещей, поэтому поехал в свой офис. Мы владели всем зданием, в котором располагался Моху. Обычно я бывал в клубе не так уж часто. Так совпало, что я оказался там на прослушивании, когда зашла Роуэн. Большую часть рабочего времени я проводил в офисах наверху, которые ожидал найти пустыми. Вместо этого главная дверь была не заперта, а свет горел.

— Эй? — Позвал я, потянувшись рукой к пистолету, спрятанному в кобуре под пиджаком.

Оран вышел из своего кабинета в коридор, где я мог его видеть.

— Привет, парень. Это я.

Какого хрена он здесь делал?

Я поднял подбородок в знак приветствия.

— Могу я тебе чем-то помочь?

— Сомнительно, — проворчал он. — Я работал над тем, чтобы получить еще одну партию оружия в нашу сторону, но поставщик теперь осторожен.

— Полагаю, у него есть веские причины. — Я прислонился плечом к стене. Я уже высказался против того, чтобы оставаться в бизнесе по продаже оружия и наркотиков, но Оран, похоже, был чертовски заинтересован в том, чтобы использовать деньги для быстрого роста. Я предпочитал оставаться незамеченным. Зачем заниматься доходами, на которые нацелились федералы, если мы уже сделали банк на других, более незаметных рынках? Азартные игры, денежные займы, драки и другие занятия были достаточно прибыльными.

На последних семейных встречах Оран утверждал, что мы не выживем, если не приобретем больше власти. В качестве причины своих убеждений он упоминал резкий упадок семьи своей жены, утверждая, что они были бы живы и сегодня, если бы имели большее влияние. Насколько я понимал, Флинн и Кейтлин остались без родителей именно из-за своей жадности к власти. Они выросли слишком быстро и нажили слишком много врагов, в том числе и нашу семью.

— Да, но это больше не повторится, — убежденно сказал Оран, прежде чем исчезнуть в своем кабинете.

Как он мог это гарантировать? Если у нас была крыса, которая выдала местонахождение оружия, то кто сказал, что это не повторится? Если только... оружие никогда не было украдено. Если они были проданы кому-то тайком, кому-то, кому он не хотел говорить, что

заключил с нами сделку, тогда он мог говорить с авторитетом. Если бы они были украдены, с его стороны было бы ужасно нагло продать это дерьмо прямо у нас на заднем дворе. Если они были достаточно хитры, чтобы навести нас на след сразу после прибытия груза, почему бы не переместить оружие так, чтобы мы не смогли его отследить?

С каждым днем все это выглядело все более и более подозрительно. Мне было неприятно думать, что в нашей семье может быть предатель, но и игнорировать факты я не хотел. Я буду следить за Ораном.

8

Я не была уверена, что мои руки достаточно сильны, чтобы задушить человека. Мне нужна была веревка, потому что я собиралась убить Кейра Байрна. Он не имел права противостоять Стетсону. Не имел права. Я просила помощи в расследовании, а не вмешательства в мои отношения.

Я звонила Стетсону три раза после того, как Кейр повесил трубку, и почувствовала облегчение, когда он наконец ответил.

— Я не знаю, что сказал этот человек, но он лгал.

— Какого черта, Роуэн? Откуда ты вообще его знаешь?

В голосе Стетсона прозвучала настороженность.

— Он какой-то мафиози, пытающийся получить услугу от моего отца. Он был у них дома той ночью, когда я приходила, и теперь у него каким-то образом есть мой номер.

Мой парень замолчал на мгновение.

— Черт, Ро. Почему ты ничего не сказала?

Его слова потеряли свою остроту, позволив мне снова вздохнуть.

— Я понятия не имела, что он сделает что-то подобное.

— Ты бы не...? Я имею в виду... ты говорила так, будто знала этого парня.

— Я говорила с ним коротко, пока папа был занят, но это все. Пожалуйста, Стетсон, ты должен мне поверить. Ты действительно думаешь, что мне он понравится?

— Нет, конечно, нет.

Он глубоко вздохнул.

— Он просто застал меня врасплох. Я должен был догадаться. Такие засранцы, как он, любят создавать проблемы без причины.

— Именно. Мне так жаль, что он тебя расстроил.

— Нет, я в порядке. Как я уже сказал, это было просто неожиданно.

Я не была уверена, пытается ли он убедить себя или ему неловко от всего этого, но я слышала неуверенность в его голосе.

— Хорошо. Он заставил меня волноваться, — мягко сказала я, надеясь разгладить все оставшиеся морщинки сомнения. — Я не видела тебя несколько дней. Мы можем потусоваться сегодня вечером?

— Ну, я собирался к отцу.

Мое сердце заколотилось.

— Я могу подъехать туда, — быстро пролепетала я. — Без проблем.

— Эм... да. Хорошо. Но у меня тренировка до шести.

— Я встречу тебя на поле. Мы можем поехать туда вместе, пообедать, а потом я поеду домой. Подойдет? — С надеждой спросила я.

Любой шанс попасть в этот дом был жизненно важен. Возможно, это был единственный шанс выяснить, что, черт возьми, происходит.

— Да, — согласился он. — Звучит неплохо.

Стетсон был отстраненным всю дорогу до дома своего отца. Я дала ему свободу. Мне не хотелось давить на него, но когда он начал подниматься по лестнице в свою комнату, не сказав ни слова, я должна была что-то сказать.

— Ты ведь на самом деле ему не веришь?

С вещевым мешком, полным хоккейных принадлежностей, перекинутым через плечо, он остановился на лестнице и медленно посмотрел на меня несколькими ступеньками ниже.

— Я просто продолжаю думать о том, что это ужасно удобно, что он ни с того ни с сего решил нацелиться на тебя. Как будто такой парень в свободное время занимается разрушением отношений.

— Это не имеет ко мне никакого отношения. Я тебе уже говорила. Он использует меня, чтобы добраться до моего отца.

— Ты не давала ему повода преследовать тебя? Что на тебе было надето в ту ночь, когда он был в доме?

От возмущения моя кровь закипела. Как чертовски шовинистично намекать на то, что в сложившейся ситуации я виновата в выборе одежды.

Ты хочешь получить ответы о плачущей женщине, верно?

Я стиснула зубы, прежде чем ответить, сдерживая язвительный ответ, который так и вертелся на языке.

— На мне было то же самое, что и всегда, Стетсон, — сказала я с вынужденным спокойствием. — Я не думаю, что джинсы и свитер — это слишком вызывающе.

Не то чтобы ношение чего-то сексуального было приглашением к домогательствам... или чему-нибудь похуже. И я бы поспорила с этим, если бы уже не пыталась сгладить ситуацию.

Стетсон вздохнул.

— Да, я знаю. Наверное, я просто устал. Пойду-ка я в душ. Хочешь посмотреть телевизор, пока ждешь? Я, наверное, на минутку. Тренировка была жестокой.

— Да, конечно. Не торопись.

Я одарила его, как я надеялась, теплой улыбкой и последовала за ним вверх по лестнице. Он свернул в свою спальню, а я прошла в телевизионную комнату в конце коридора, и мой взгляд зацепился за закрытую дверь в комнату для гостей.

Отношения со Стетсоном были напряженными, и выходки Кейра были не единственной причиной. Я думала, что у нас со Стетсоном есть что-то общее с того самого дня, когда он пригласил меня на свидание. Точнее, с той секунды, когда я сказала об этом родителям, и их лица засветились, как Таймс-сквер в канун Нового года. Мне не нравилась неопределенность, неизвестность того, к чему все идет. Мне также было не по себе от того, что меня не беспокоила мысль о расставании. Этого ли я хотела?

Единственное, чего я когда-либо по-настоящему хотела — это сделать своих родителей счастливыми. Мои чувства никогда не учитывались в этом уравнении, поэтому я не знала, как ответить на этот вопрос. Мне нужно было подумать, и мне нужно было больше информации. Что бы не происходило или не происходит на третьем этаже, это могло стать важной частью моего решения. Что, если все это было плодом моего воображения? Один быстрый поход вверх мог бы все прояснить и помочь восстановить статус-кво. Я могла бы оставить все это безумие позади и притвориться, что ничего не было. В конце концов, я была хороша в этом. Собрать все в коробку, упаковать и жить дальше.

Казалось абсурдным не попытаться хотя бы осмотреться.

Я включила телевизор, затем пробралась в гостевую спальню. Стетсон сказал, что его отца нет в городе, но я все равно чувствовала необходимость быть осторожной. Зайдя в ванную комнату, где я впервые услышала крики, я замерла, напрягая слух в поисках любого возможного звука. Ничего.

Вот чем все это могло быть. Куча беспокойства из-за пустяка.

Мне нужно было поднять свою задницу и убедиться в этом самому.

Я вернулась в коридор прямо перед комнатой Стетсона и прислушалась в поисках душа. Бинго. Это была идеальная возможность. В доме больше никого не было. Все, что потребуется, это пять минут, чтобы сбегать наверх, все проверить и покончить с этим — моими заботами, Кейром, нарушением всего моего жизненного плана.

Решимость заставила меня переступить порог главной лестничной площадки и войти в противоположное крыло, но прежде чем я начала подниматься по внутренней лестнице на третий этаж, я достала свой телефон и набрала быстрое сообщение Кейру.

Я: Поднимаюсь наверх, чтобы все проверить. Если я не отвечу через пять минут, вызывай полицию.

Возможно, я была немного нахальной, но я не была глупой. Если что-то пойдет не так, я хотела, чтобы хотя бы один человек знал, куда я исчезла.

Засунув телефон в задний карман, я поспешила вверх по лестнице. Два основных этажа исторического дома были оборудованы просторными комнатами с высокими потолками, тогда как третий этаж изначально был построен для размещения детской комнаты и персонала. Деревянная лестница вела в обычный коридор, больше похожий на старую гостиницу, чем на особняк, если бы в гостинице пропало электричество и ее использовали для съемок фильма Сияние. Мало что было сделано для обновления помещения. Насколько я знала, Веллингтоны даже никогда им не пользовались. Все двери были закрыты, ограничивая свет одним маленьким окном в обоих концах коридора. Каждый дюйм моей кожи дрожал от желания убежать.

Ро, не позволяй своему воображению разгуляться. Это всего лишь старый дом. Соберись с мыслями.

А если это не просто старый дом?

Тогда еще важнее, чтобы ты отправилась туда и нашла ее.

Я долго вдыхала затхлый чердачный воздух. Быстрыми, но осторожными шагами я поспешила по коридору к тому месту, где примерно находилась комната для гостей. Я обнаружила четыре двери, сгруппированные вместе, но две из них находились не на той стороне коридора. Из двух оставшихся дверей одна была заперта на засов, а ключ висел на крючке рядом с ней.

Ни. Хрена. Себе.

Конечно, я могла поклясться, что слышала чей-то плач здесь наверху, но какая-то часть меня не верила, что это возможно. Часть меня была уверена, что я пропустила альтернативное объяснение. Это были Веллингтоны, в конце концов. Мы знали их всегда. Мог ли отец Стетсона на самом деле держать женщину взаперти на чердаке?

Я взяла ключ со стены. Пришло время выяснить это.

9

Я написал Роуэну десять чертовых смс и дважды позвонил, но ответа не последовало. Это было именно то, чего я боялся. Эта чокнутая женщина слетела с катушек и в итоге

погибнет.

Ебанный в рот.

Что, черт возьми, мне теперь делать? Дом Веллингтонов находился всего в десяти минутах езды от моего дома, если пробки не помешают, но что тогда? Если я приеду, а проблемы не будет, я могу ее создать. Этот засранец теперь знал меня и, без сомнения, расскажет своему отцу о случившемся. Привлекая к себе еще больше внимания, я ничего не узнаю ни о возможном похищении, ни об оружии. И что же мне оставалось?

Насколько я мог судить, пришло время обратиться за помощью.

10

Я не была готова. Какие бы извращенные сценарии я не представляла в своей голове, все это не шло ни в какое сравнение с реальностью, когда я открыла дверь и увидела молодую девушку, прижавшуюся в углу комнаты с цепью, прикованной к одному запястью.

Мне пришлось закрыть глаза и прикрыть рот, чтобы меня не стошнило на пол.

Соберись, Ро. Ты нужна этой девушке, и у тебя нет времени распадаться на части.

Я кивнула, слотнула скопившуюся слюну и открыла глаза, чтобы посмотреть правде в глаза.

В старой спальне стояла металлическая кровать с испачканным матрасом и единственный деревянный стул. Пожелтевшие древние обои отклеились от стены по швам, а из плохо изолированного мансардного окна в комнату проникал прохладный воздух. Девушка была молодой, лет девятнадцати. Она заснула, прислонившись головой к стене, подтянув колени к груди и защитно обхватив себя руками.

Я надеялась, что она просто спит. Я не могла представить себе альтернативу.

Ты бы знала, если бы она была мертва. Она в тяжелом состоянии, но не мертва.

Ее длинные светлые волосы были спутаны, а бледная кожа покрыта синяками. Она была одета в цветочный сарафан, который, казалось, не соответствовал времени года и ситуации.

Вид ее послал зазубренный металлический шип прямо в мое сердце.

Я сделала шаг вперед, чтобы подойти, отчего скрипнула половица. Глаза девушки распахнулись. Мои руки взлетели вверх в порыве заверить ее, что я не желаю ей зла, и, надеюсь, заставить ее замолчать.

Она вскочила на ноги и бросилась вперед, насколько позволяла короткая цепь, а с ее потрескавшихся губ срывался непрерывный поток неразборчивых слов. Мне не нужно было знать ее язык, чтобы понять ее смысл. Она умоляла о помощи.

Боже, как же я хотела ее оказать, но как?

Я кивнула и продолжила шикать на нее, пытаясь донести, что поняла, не теряя времени. Цепочка вела в крошечную ванную комнату, где она зацепилась за фарфоровый унитаз. У меня не было ключа от ее наручника, и мне практически пришлось бы разрушить унитаз, чтобы освободить другой конец.

Черт. Черт. Что мне делать? Пойти позвать Стетсона, чтобы он помог мне освободить ее? Может быть, он уже знает, что делает его отец?

Мой желудок снова забурлил.

Пожалуйста, Боже, нет. Я не хотела верить, что он способен допустить подобное злодеяние, но что, если я ошибалась? Эта бедная девочка все равно застрянет, и я не представляю, что это будет означать для меня.

Ро, ты не продумала все как следует.

Ты не помогаешь!

Я не могла рисковать. Как насчет того, чтобы позвонить в полицию? Я могла бы анонимно сообщить им, что девушку держат в плену. Это дало бы им достаточно оснований для обыска? Они сразу же приедут? Если да, то разве Стетсон не узнает, что это я им позвонила? А что, если они только бегло осмотрят дом, когда Стетсон скажет им, что это, должно быть, розыгрыш, что он, несомненно, сделает, независимо от того, знает он правду или нет?

Я не была уверена, что будет лучше, и у меня не было времени, чтобы все обдумать.

Это опасное дерьмо, Роуэн. Ты должна быть осторожна.

Я знаю, но я не хочу оставлять ее.

Просто пойди скажи Кейру, и он поможет тебе вытащить ее в целости и сохранности. Если ты застрянешь вместе с девушкой, это не принесет ей ничего хорошего.

Я так чертовски ненавидела это.

— Я не могу достать цепь, но я тебя не брошу, ясно? Я вернусь с помощью. Я обещаю.

Две жирные слезы покатались по ее щекам, все ее тело дрожало. Она беспомощно смотрела на меня широко раскрытыми голубыми глазами и шептала что-то похожее на смесь мольбы и молитвы.

В самый разгар душевной боли пришло вдохновение. Я достала свой телефон, отметив множество пропущенных сообщений и звонков от Кейра. У меня пока не было времени написать ему. Вместо этого я открыла приложение Мемо и начала записывать, показывая ей, что я делаю. Я не совсем понимала, на что рассчитывала — на объяснения или, может быть, на имя? Что бы она ни говорила, я переведу позже.

Затем настало время для самого трудного.

Я начала отступать, но она сжала мои запястья.

— Нет, милая. Пожалуйста, если я хочу помочь тебе, я должна уйти.

Ее голова моталась туда-сюда в неистовом отрицании. Струйка паники переросла во вспышку наводнения, захлестнув мою кровь новой волной адреналина.

Я потянула ее за пальцы и так же решительно замотала головой.

— Ты должна отпустить меня, — шипела я со слезами на глазах. Но она не слышала меня. Не из-за ее отчаяния. Она была женщиной, которая тонет и готова использовать что угодно и кого угодно, чтобы удержаться на плаву. Если у меня был хоть какой-то шанс спасти ситуацию, я должна была действовать быстро.

Резкими круговыми движениями я вывернула ее запястья настолько, что ослабила хватку, а затем бросилась вниз, сопротивляясь ее захвату. Как только я освободилась, я бросилась назад. Мои глаза молили ее о прощении.

— Мне так жаль, но я вернусь за тобой, обещаю. Я обещаю, — хрипло прошептала я, эмоции забили мне горло.

Ноги подкосились, и она рухнула на пол, всхлипывая, забирая с собой кусочек моего сердца.

— Мне так жаль, — вздохнула я в последний раз, прежде чем закрыть за собой дверь.

Каждый шаг из той комнаты причинял мне физическую боль. Я ненавидела оставлять ее — ненавидела больше, чем она когда-либо могла знать, — но я должна была это сделать. Спасти ее — единственное, что имело значение, и единственный способ убедиться в этом — убраться из этого дома.

Я поставила ногу на первую ступеньку, возвращаясь вниз, когда услышала свое имя. Стетсон звал меня.

Черт возьми, неужели я не могу поймать хотя бы одну передышку?

Он, наверное, даже не подозревает, что она здесь.

Но что будет, если он скажет отцу, что я бродила по дому? Что тогда? Я не могу позволить ему увидеть меня.

Да, но ты должна спустить свою задницу вниз.

Я знаю! Ты не сможешь.

Используя каждую унцию скрытности, я прокралась к подножию лестницы. Прежде чем я успела сделать последний прыжок веры и шагнуть в коридор, сирены громко взвыли, остановившись у входа в дом. Не прошло и двух секунд, как внизу раздался стук кулака во входную дверь.

— Какого черта?

Голос Стетсона донесся до меня с верхней площадки главной лестницы, ведущей в вестибюль.

Вдох, о котором я и не подозревала, пронесся мимо моих губ. Он спускался вниз, чтобы открыть дверь, и я могла бежать. Я поспешила в холл и побежала за своими вещами из комнаты с телевизором, прежде чем спуститься вниз.

— Послушайте, может, кто-то перепутал адрес. Здесь нет никакой чрезвычайной ситуации, — сказал Стетсон, широко расставив руки.

— Что происходит? — Спросила я, торопливо спускаясь по последней лестнице. — Я услышала сирены, поэтому схватила свои вещи.

Напротив Стетсона стояла пара пожарных в полной экипировке.

— Вот ты где. Я как раз собирался тебя искать. Эти ребята говорят, что в дом поступил вызов, но, видимо, это была ошибка. Такие вещи случаются, понимаете?

Один из пожарных пожал плечами. — Не возражаете, если мы на всякий случай заглянем в дом?

— Конечно, нет. Не торопитесь.

Стетсон улыбнулся, совершенно не беспокоясь. Его невозмутимый вид помог мне немного успокоиться. Если бы он знал, что спрятано на третьем этаже, он бы, по крайней мере, попытался их отговорить.

Стали бы они так тщательно проверять дом? Я думала, что звонить в полицию слишком опасно, но теперь, когда власти уже были здесь, это казалось идеальной возможностью. Но не на глазах у Стетсона. Мне нужно было выйти на улицу и найти кого-нибудь, кому я могла бы рассказать все наедине.

Мужчины пошли дальше, а Стетсон подошел ближе.

— Где ты была? Я вышел из душа и не смог тебя найти.

Я схватилась за живот и скорчила гримасу.

— Не знаю точно, что случилось, но у меня начались спазмы в животе. Я не была уверена, починили ли ванную в доме, поэтому пользовалась той, что в запасной спальне. Думаю, с закрытыми дверями я тебя не услышала.

Он нахмурил брови. — Ты в порядке?

— Думаю, да, но между этим и нашими гостями, я думаю, мне пора домой.

— Я бы предложил отвезти тебя, но мне нужно остаться здесь.

— Да, конечно, — заверила я его.

Он наклонился и поцеловал меня в губы. Он был таким же, как сотни предыдущих, и в то же время каким-то образом отличался. Мне пришлось заставить себя не отстраниться от

него.

Что это означало? Если он был невиновен в каких-либо правонарушениях, изменит ли это мое отношение к нему? Или я все это время так себя чувствовала и не понимала?

Слишком много неопределенности и путаницы. Я разберусь в этом позже. Сейчас мне нужно было добраться до одного из пожарных снаружи и рассказать им, что происходит.

— Увидимся завтра.

Я сверкнула тонкой улыбкой и выскользнула через парадную дверь.

Перед огромным красным грузовиком по-прежнему мигали фары, хотя сирена больше не выла. Я заставила себя спокойно дойти до тротуара, а затем обойти грузовик сзади, чтобы меня не было видно из дома.

— Извините! — Позвала я в спину пожарного.

Он был занят разговором с кем-то, но мне было все равно. Мне нужна помощь.

— Там женщина...

Я замерла на середине предложения. Когда мужчина повернулся, напротив него стоял Кейр.

Он рванулся вперед и схватил меня за запястье, оттащивая в сторону.

— Что? Подожди. Что ты делаешь? — Воскликнула я, сбита с толку.

— Вытаскиваю тебя отсюда, как и должно было быть с самого начала. Я, блять, говорил тебе держаться подальше от этого места.

Я плохо знала этого человека, но могла сказать, что Кейр был в ярости. Это был первый настоящий признак эмоций, который я от него увидела. У меня было чувство, что такие проявления были редкостью.

Спотыкаясь, я изо всех сил старалась поспевать за его длинными шагами, пока мы не добрались до его машины. Он открыл дверь и попытался запихнуть меня внутрь.

Я вырвалась из его хватки.

— Подожди! Послушай секунду.

Я выпрямила ноги и не хотела, чтобы меня запихивали в машину.

— Я нашла ее, — шипела я, отпихивая его руки. — У Лоуренса Веллингтона в доме пленница. Она прикована к гребаному унитазу, Кейр. Мы должны вытащить ее оттуда.

Его глаза пылали.

— Мы не должны делать ни черта. О чем ты, блять, думала?

— Я думала о том, как спасти жизнь женщины.

— И при этом рисковать своей.

И тут меня осенило. Я оглянулась через плечо на пожарную машину.

— Ты сделал это? Ты вызвал их сюда, чтобы вытащить меня?

Я была настолько поглощена мыслями о бедной девушке наверху, что даже не задумывалась о совпадении неожиданного визита пожарных.

— Ты думаешь, я собирался просто подождать и посмотреть, напишешь ли ты сообщение?

Каждое слово было диким рычанием.

— Нет, блядь. Лучше... лучше...

Он закрыл глаза и сделал длинный ровный вдох.

— Лучше вытащить тебя и задавать вопросы потом, — наконец сказал он медленным, ровным тоном, как будто каждая унция эмоций иссякла вместе с его долгим дыханием. — И мы не собираемся рассказывать этим людям всякую чушь. Нельзя набрасываться на такого

могущественного человека, как Лоуренс Веллингтон. Не без плана.

Он поднял руку, чтобы коснуться моей щеки, но вместо этого его большой палец провел по моей нижней губе и опустился ниже, пока его большая рука не сомкнулась на моем горле.

— Если мы это сделаем, то сделаем это по-моему.

Его скрежещущие слова были такими же абразивными, как асфальт под нашими ногами.

Я не могла дышать, и это не было связано с давлением, которое оказывала его рука. Просто Кейр был настолько поглощающим. Находиться рядом с ним было все равно что танцевать на краю черной дыры — головокружительно, таинственно и потенциально смертельно опасно.

— Покажи мне, что ты понимаешь, Роуэн.

Это был первый раз, когда я услышала свое имя из его уст, и я мгновенно попала в зависимость. Мне было стыдно подумать, что бы я отдала, чтобы услышать его снова. Мое обещание, данное ему, казалось простой ценой.

Я кивнула и посмотрела ему в глаза.

Он издал гул мужского одобрения.

— Хорошо, а теперь садись. Я отвезу тебя домой.

11

Ее квартира оказалась меньше, чем я ожидал. Девочка выросла с деньгами, поэтому я не сомневался, что папа мог бы позволить себе что-то более красивое. Гостиная была хорошего размера, но квартира нуждалась в обновлении, и в ней была только одна спальня.

Впрочем, я не должен был удивляться. Ничто в Роуэн не соответствовало стереотипам, которые кто-то мог ожидать от женщины на ее месте. Она боролась со своей природой, но это было бессмысленно. Она не могла быть пустой светской львицей, если бы от этого зависела ее жизнь. Вопрос был в том, почему. Неужели Александеры были такими внимательными родителями, что она избежала стандартных ловушек, свойственных хорошеньким маленьким богатым девочкам? Учитывая, сколько времени и энергии требовала карьера ее отца, это казалось маловероятным.

Я никогда не был так чертовски заинтересован в женщине.

Она чуть не довела меня до инсульта, когда я узнал, что она сделала. Учитывая головную боль, у меня, должно быть, давление было на грани катастрофы, когда я мчался к дому Веллингтонов. Даже сейчас, в тишине ее квартиры, остатки моего страха держали меня в напряжении и тревоге.

Единственное чувство облегчения я испытал, когда Роуэн, наконец, проявила признаки капитуляции, как дикобраз, убирающий свои колючки. Каким бы кратким не было это чувство, я ощутил его до глубины души, и оно пробудило во мне жажду большего. Я хотел познать чувство, когда Роуэн стоит передо мной, каждый чертов щит у ее ног, предлагая себя мне и только мне.

Жажда была настолько неутолимой, что я последовал за ней в ее квартиру, хотя знал, что не должен этого делать. Возможно, мой отец считал, что отношения между мной и дочерью губернатора — это хорошо, но я думал иначе. Эта женщина усложнит мою жизнь так, как я и представить себе не мог. Это было проблемой, тем более что я не был поклонником отношений. Обязательства означали уязвимость и эмоции. Этих двух вещей я уже рассмотрел в своей жизни и не хотел больше.

И все же я стояла здесь, проверяя квартиру Роуэн, потому что не мог заставить себя уйти.

У меня было столько чертовых проблем.

— Ничего особенного, но мне подходит, — сказала Роуэн с видом добросовестного человека.

— Твой отец мог бы позволить себе что-нибудь побольше, — заметил я.

Она пожала плечами.

— Да, но в этом не было нужды. Здесь только я.

Мой взгляд переместился вправо, где через небольшой коридор я мог видеть ванную комнату, где над трюмо вместо зеркала висела большая картина на холсте.

— Это какая-то новая тенденция в дизайне, о которой я не знаю?

Ее взгляд проследил за моим, затем вернулся ко мне с легким вызовом.

— Я не поклонница зеркал.

Конечно, это не так. Скорее всего, она также не любит селфи.

Кто такая Роуэн Александер, и почему она так притягивает к себе внимание?

Словно отворачиваясь от моего пристального взгляда, она склонила голову и начала копаться в рюкзаке.

— Чуть не забыла. Я сделала запись девушки. Она не говорила по-английски, так что я понятия не имею, что она сказала, но я подумала, что мы можем перевести. Это русский, я думаю.

Русский. Черт. Это может быть абсолютно бессмысленным или иметь огромные последствия. Какого черта Веллингтон держал в своем доме русскую пленницу?

Роуэн воспроизвела запись. Она длилась меньше минуты. Мы использовали мой телефон, чтобы перевести запись по одному фрагменту за раз. Девушка что-то бормотала, умоляя о помощи, но дала несколько лакомых кусочков информации. Они забрали ее, и потом она много дней находилась с другими женщинами в темноте. Была ли она продана на одном из кораблей Веллингтона? Был ли он замешан в торговле людьми?

С каждым днем ситуация становилась все хуже и хуже.

— Ты больше не пойдешь туда, — сказал я ей. — На самом деле, пока у тебя есть телефон, напиши парню и скажи ему, что все кончено. Он должен услышать это от тебя.

Роуэн вскочила на ноги. — Прости?

Борьба в ее тоне заставила меня вспыхнуть. С чего бы ей защищаться из-за того, что она порвала с ним отношения?

— Если ты думаешь, что хочешь поспорить со мной, то оставь это. Здесь нечего обсуждать.

— Простите мою дерзость, мой сеньор.

Она широко развела руки в снисходительном поклоне.

— Я не знала, что Вы властны над моей жизнью.

Я подался вперед, едва сдерживая гнев.

— Похоже, кто-то должен это делать, раз твои суждения вызывают сомнения.

Каждое слово было отточенным и угрожающим.

Роуэн даже не дрогнула. Я видел, как карьерные преступники писались от страха, когда я сталкивался с ними, но не Роуэн. Эта сумасшедшая женщина, казалось, только глубже вгрызалась в землю.

— Если чьи-то суждения и вызывают сомнения, так это твои. Как еще мы можем вытащить эту женщину оттуда, если меня больше не пустят внутрь? Она была чертовски напугана, Кейр в цепях и синяках, и кто знает, что еще ей пришлось пережить. То, что я даже

не хочу представлять. Я не оставлю ее там одну.

Каждое бесстрастное слово ее речи было очередной волной на берегу, смывающей мою решимость. К тому времени, когда она закончила, не осталось ничего, кроме сырого желания. Я сказал себе после того, как поцеловал ее в последний раз, что не смогу сделать это снова. Я уже был опасно близок к зависимости. Еще один глоток с ее губ, и я захочу поглотить ее целиком. Я хотел бы владеть каждым чертовым дюймо́м ее тела и души.

Я знал об опасности, но она слишком сильно затянула меня. Похоть вилась от моего живота вниз к напряженному члену. Мои яйца практически зарывались обратно в тело в поисках освобождения. Мысль о том, чтобы заклеить ее своей спермой, довела меня до крайности.

Мои губы обрушились на ее губы.

Я не просто поцеловал ее. Я трахал ее рот своим языком, руками клеймил ее тело, а легкими надеялся украсть ее душу из глубины души.

Как и в прошлый раз, на вкус она не была похожа на клубничный блеск для губ или мятную жвачку. Это было бы слишком типично для нее. Роуэн Александер была похожа на вкус летнего дождя и разбитого сердца. Моего или ее, я не мог быть уверен. В любом случае, я был зависим. Мне потребовалась вся моя самообладание, чтобы наконец отстраниться от нее.

— Черт, ты сводишь меня с ума, — сказал я с прерывистым дыханием.

— Поэтому ты меня поцеловал?

— Я просто заткнул тебя.

Я хотел бы, чтобы все было так просто.

Уголки ее губ дрогнули, прежде чем она снова протрезвела.

Я не порву с ним.

Я посмотрел ей в глаза и отбросил все барьеры, чтобы она услышала правду в том, что я собирался сказать.

— Если я снова увижу его рядом с тобой, я убью его.

Ее губы дважды разошлись, прежде чем она нашла слова.

— Кейр, он не имеет к этому никакого отношения.

— Ты этого не знаешь.

Она нахмурилась.

— Я не думаю, что он замешан, но пока я буду держаться от него подальше.

— Пока?

Я отошел, отвернувшись, чтобы успокоить себя.

— Какого хрена ты борешься за него?

— Дело не только в нем. Разве ты не понимаешь?

— Нет, не понимаю.

Мой голос поднялся до крика.

Просвети меня.

Плечи Роуэн расслабились, и на ее черты легла пелена черствой решимости.

— Стетсон — человек, за которого я должна выйти замуж. Если все рухнет, и его отца арестуют, мой отец будет потрясен. Это может даже положить конец его карьере из-за семейных связей. Я не позволю этому случиться, если это будет в моих силах.

— Ты скорее позволишь своему отцу жить в какой-то сказке, пока ты несчастна, чем заставишь его столкнуться с реальностью?

— Да, — шипела она, эмоции просачивались сквозь ее стены.

Ярость и отвращение превратили мой голос в стальное лезвие.

— Это, мисс Александер, полный пиздец.

Мне больше нечего было сказать, я прошел мимо нее и вышел на улицу.

12

Крик, который я так отчаянно хотела выпустить на волю, отдавался в моей голове. Он заполнил все уголки и щели моего сознания, пока я не перестала дышать. Разочарование заполнило мои легкие вместо воздуха, и я так отчаянно хотела выпустить его наружу, но я всю жизнь училась держать его в себе.

Более того, я приучила себя держать эмоции так глубоко, чтобы они не могли выбраться на поверхность. Если они не существовали, мне не нужно было их сдерживать. Жизнь была серией галочек. Я знала, чего от меня ждут, и выполняла задачи для достижения этих целей. Так все было намного проще.

А потом я встретила Кейра.

Он был землетрясением, которое расколело мою поверхность. Он пробил трещину до самых глубин моей души, позволив всему, что я хоронила, вырваться наружу. Повреждения моей защиты были слишком катастрофическими, чтобы заклеить их скотчем. Я пыталась, но ничего не получалось. Надвигался ураган эмоций, и я не представляла, как мне его пережить.

Прощальные слова Кейра были отдаленными раскатами грома, дразнящими разрушениями. Никогда еще я так чертовски не ненавидела свою фамилию.

Это, мисс Александер, полный пиздец.

— Пошел ты, мистер Байрн. Ты даже половины не знаешь.

Я нагнулась и затолкала свой диван до упора в кухонную зону, затем вставила свои AirPods. Обычно я переодевалась перед танцами, но обычно у меня не было властного ирландца, бросающего вызов самой сути моей личности.

Я скинула туфли и включила свой самый эмоциональный и угрюмый плейлист. Песня Ланы Дель Рей "Happiness is a Butterfly" заполнила мои уши, став идеальным бальзамом для моей больной души. Именно в такие моменты мои десять лет балетной подготовки просачивались в мои танцы. Если я выражала разочарование или радость, я обычно использовала более современную хореографию, но сегодня, независимо от того, насколько я была зла, музыка и мои движения были рождены элегантным страданием, которое может передать только балет.

Я двигалась до тех пор, пока не заболели икры и не заурчал желудок от голода. Пока я не пережила наш поцелуй тысячу раз и не смогла вспомнить, почему я не умоляла его вернуться.

Рядом с Кейром я чувствовала себя более живой, чем в последние годы, более похожей на себя, и это пугало меня. Я думала, что есть только одна вещь, которой я боюсь, но я ошибалась. Быть собой — давать голос своим желаниям и эмоциям — действительно пугало меня, потому что этот путь не приводил ни к чему, кроме разбитого сердца и позора.

Мой выбор не был моим собственным. Мой выбор влиял на других людей, и я не могла забыть об этом. Если бы я позволила себе желать того, чего у меня не может быть, я была бы еще более несчастной, чем, по мнению Кейра, я уже была.

Я уже поставила под угрозу карьеру отца, потому что не смогла отбросить свое любопытство. Я не жалела, что нашла девушку, но меня беспокоили последствия. Если

деятельность Веллингтона станет достоянием общественности, как это повлияет на моего отца? У него и так уже было это на уме, как я могу даже думать об отношениях с известным преступником? Мои родители были бы опустошены. Не то чтобы я могла избежать этой участи. Они были бы раздавлены, несмотря ни на что, когда я рассталась бы со Стетсоном. Я знала, что с ним все кончено, но не могла признаться в этом Кейру. Он уже перевернул мою жизнь с ног на голову, и уступить ему в выборе времени и способа моего разрыва было слишком далеко. Мне нужно было сохранить хоть какую-то иллюзию контроля.

Эта потребность в контроле была той же причиной, по которой имело смысл нормировать мои надежды и желания. Если бы я не позволяла себе желать чего-то иного, чем то, что я могла бы иметь, не было бы никаких разочарований. Единственное, что было важно — это защита людей, которые были мне дороги. И хотя я не знала русскую девушку, я чувствовала ответственность и за нее. Если бы я смогла доставить ее в безопасное место, не повредив при этом репутации моего отца, все эти волнения стоили бы того.

Тихий голос в моей голове пытался взять верх. Я знала, что она скажет. Она попытается убедить меня, что эмоции не являются проблемой, как она делала это много раз до этого, но у меня не было возможности слушать. Вместо этого я включила музыку и наслаждалась отсутствием мыслей.

Стетсон позвонил на следующее утро. Мне было стыдно за свое разочарование, когда это был не Кейр. Мое раздражение по поводу своей реакции было частью причины, по которой я ответила на звонок. Другая причина заключалась в том, что технически ответ на звонок Стетсона не нарушал правило Кейра держаться подальше. Я все еще считала целесообразным поддерживать наши отношения ради девушки.

— Привет, я решил заскочить и прогуляться с тобой до класса, — сказал Стетсон теплым голосом. — У меня была встреча с нашим финансистом, а твой дом находится на обратном пути в кампус.

Я уже раздумывала, как поступить, потому что в то утро у нас был единственный совместный урок по экономике.

— Я как раз собиралась тебе позвонить. Мой желудок все еще беспокоит меня. Думаю, сегодня мне нужно остаться дома. Ты умеешь делать заметки?

— Да, без проблем.

Он сделал паузу.

— Ты не думаешь... ты могла бы быть... я имею в виду...

— Что? Нет! Вовсе нет. Это просто недомогание, обещаю.

Воющий выдох заполнил мое ухо.

— Не то чтобы мы не могли это выяснить, но у нас обоих есть планы. Ты ведь понимаешь, да?

Он попытался сгладить ситуацию.

— Да, Стетсон. Я понимаю. Дети не стоят на повестке дня.

— Это моя девочка, — сказал он с улыбкой, которую я могла слышать. — Я бы спросил, нужно ли тебе что-нибудь, но мне бы не хотелось подхватить то, что у тебя. Думаю, я мог бы подбросить тебе под дверь газировку или еду, если тебе действительно что-то нужно.

Наши крайне независимые отношения всегда устраивали меня, но сейчас они вдруг показались такими пустыми и неискренними. На самом деле я не была больна, но разве это было бы так ужасно, если бы он захотел позаботиться обо мне, если бы я была больна? Мама и папа никогда бы не стали держаться подальше друг от друга в таком случае, просто чтобы

сохранить свое здоровье. Это разрушало цель быть партнерами — быть тем единственным человеком, на которого можно положиться, несмотря ни на что.

Я покачала головой, разочарованная в себе за то, что была так слепа.

— Все в порядке, Стетсон. Я бы не хотела, чтобы ты заболел.

— Дай мне знать, если станет хуже. У отца есть семейный доктор, который выезжает на дом. Я могу послать его к тебе.

— Спасибо, я ценю это.

Было странно разговаривать с ним, зная, что я буду разрывать отношения, пока он находится в неведении. Я должна была притвориться, что ничего не изменилось и что на чердаке его дома не было прикованной цепями молодой женщины. Я содрогнулась при воспоминании о ней.

— Да, нам нужно тебя подлечить. Завтра вечером у меня игра в Джерси. Ты же знаешь, я люблю, когда моя девочка на трибунах.

Его слова посеяли зерно идеи.

— Ну, если я не смогу, надеюсь, твой отец сможет прийти.

Я затаила дыхание в ожидании его ответа.

— Нет, у него какая-то встреча в городе. Как же он разозлился, когда я рассказал ему о вчерашнем визите пожарных — ну, о том, что они настояли на осмотре. Готов поспорить, сегодня он избил шефа.

— Они просто проверяли, все ли в порядке.

Я надеялась, что из-за меня ни у кого не будет неприятностей.

— Я так ему и сказал. Ничего плохого, ничего страшного. У меня все под контролем.

— Во сколько завтра игра? — Спросила я беззаботно.

— В пять. Я сброшу смс тебе. Дай мне знать, если ты думаешь, что сможешь прийти.

— Смогу.

— Отдыхай, Ро.

— Окей, поговорим позже.

Я повесила трубку, мои мысли неслись вскачь.

Если Стетсона и его отца не будет дома, я смогу передать сообщение девушке. Ханна будет дежурить до пяти. Она впустит меня, и я смогу передать сообщение наверх и вернуться через пять минут — что-нибудь переведенное на русский, чтобы она знала, что мы собираемся забрать ее оттуда. Кейр не хотел, чтобы я находилась рядом с Веллингтонами, но я никогда не обещала держаться подальше от девушки. Одна быстрая попытка зайти внутрь. После этого я буду чувствовать, что сделала все, что могла, чтобы успокоить ее, а все остальное можно будет сделать на расстоянии.

13

— О, привет, Роуэн, — поприветствовала меня Ханна в дверях. — Боюсь, Стетсона сейчас нет дома.

— Я знаю. Я не смогла попасть на его игру сегодня вечером, и он упомянул, что останется здесь на ночь, поэтому я решила оставить ему небольшой сюрприз. Надеюсь, это компенсирует пропуск его игры.

Я смущенно улыбнулся ей.

Ханне должно было приближаться к шестидесяти. Она носила аккуратную стрижку боб и поддерживала порядок в доме в белой рубашке на пуговицах и темно-синих брюках, накрахмаленных до такой степени, что они стояли сами по себе. Она считала своей личной

миссией воспитывать мужчин Веллингтона, поэтому я рассчитывала, что она с пониманием отнесется к участи непутовой подружки, которая не выполнила свой долг по поддержке своего парня.

— Конечно, милая. Правда, я не могу сказать, в каком состоянии его комнаты.

— Не беспокойся. Я слышала, что ты не убираешься в этой части дома. Я говорю, что это хорошо для Стетсона. Некоторые вещи — это жизненные навыки, которые должны быть у каждого, — заговорщицки сказала я.

Ханна подмигнула.

— Это ты сказала, а не я.

Она закрыла за мной дверь, как только я оказалась внутри.

— Я просто брошу это в его комнате и выйду сама.

— Хорошо, дорогая. Звони, если я тебе понадобится.

— Спасибо, Ханна.

Она тепло улыбнулась и направилась обратно на кухню. Я бросилась вверх по лестнице. Вместо того чтобы повернуть направо к комнате Стетсона, я сделала крюк влево и поспешила по маленькой лестнице второго этажа на третий.

Дрожащими руками я отперла ключом засов и открыла дверь. У меня перехватило дыхание при виде девушки, прижавшейся в углу с маленьким одеялом вокруг нее. Насколько я могла судить, цветочное платье исчезло.

Негодование обожгло горло. Несправедливость всего этого грозила выбить у меня почву из-под ног: ее заставляли терпеть такие бесчеловечные условия, а я вынуждена была позволить этому случиться. Никогда в жизни я не испытывала такого сильного гнева.

Однако беспомощность была знакома, и я ненавидела ее.

Девушка вскочила на ноги при виде меня. На ее лице появилась отчаянная надежда, что это тот самый побег, о котором она молилась. Что на этот раз я здесь, чтобы спасти ее.

Я вдруг задумалась о том, не принесет ли мое возвращение больше вреда, чем пользы, ведь теперь мне придется заново рушить ее надежды.

— Мне очень жаль, — умоляла я, протягивая ей небольшой листок бумаги, который я приготовила для нее.

Я перевела сообщение на русский язык, объяснив, что человек, удерживающий ее, очень силен и что мы работаем над тем, чтобы освободить ее в ближайшее время. По мере того, как ее глаза сканировали слова, ее дрожь усиливалась, и я не знала, как она может видеть эти слова.

— Мне... мне так жаль.

Мой голос подвел меня. Все, что у меня было, это обрывки дыхания, которые удалось протиснуть мимо сердца, застрявшего в горле.

Бумага упала на пол, за ней последовали две тяжелые слезы с ее щек.

— Мне так жаль, — продолжала бормотать я, поднимая бумагу и засовывая ее в карман.

Раскаяние охватило меня таким жгучим стыдом, что я почувствовала, будто моя кожа горит изнутри. Как я посмела позволить страданиям этой девушки продолжаться, когда я могла освободить ее? Если бы я была достаточно храброй, я могла бы взять с собой болторезы и вытащить ее из этого проклятого дома. Я могла бы скрыться — лучше уж так, чем знать, что из-за меня она все еще заперта в аду.

Ро, пожалуйста, не делай этого. Это не твоя вина.

Может быть, не изначально, но тот факт, что она все еще здесь, лежит на моих плечах.

Было ли еще время? Может, я смогу найти что-то, что перережет цепь в гараже? Я должна была спасти ее. Я должна была хотя бы попытаться.

Я сжала ее руки в своих и объяснила, что сейчас вернусь. Она, казалось, поняла мою внезапную срочность, ее лицо настороженно изучало мое. Я сжала ее руки в последний раз и выскочила за дверь, не тратя времени на то, чтобы закрыть ее за собой.

Я поспешила на второй этаж и уже ступила на главную лестницу, когда поняла, что я не одна. Все мое тело замерло — и сердце, и легкие, и внутренние органы — все замерло во времени, когда я поняла, что Лоуренс Веллингтон поднимается по лестнице с другим мужчиной. С мужчиной, у которого от левого виска до уголка рта тянулся изборожденный шрам, а холодные глаза были такими светло-голубыми, что казались двумерными.

На меня обрушился ливень вопросов. Почему он был здесь? Кто был тот человек со шрамом? Они шли за девушкой? Увидели ли они, что я пришла не с той стороны? Даже если нет, если бы они пошли в ее комнату, то наверняка заметили бы, что дверь осталась незапертой.

Черт! Черт, черт, черт, черт, Ро. Тебе нужно срочно уносить отсюда свою задницу.

Я широко улыбнулась.

— Здравствуйте, мистер Веллингтон!

— Роуэн, я не знал, что ты здесь.

— Да, извините за это. Я просто зашла оставить записку для Стетсона, так как не смогла прийти на его игру.

Я сделала пару непринужденных шагов вниз, отчаянно пытаюсь контролировать свое дыхание, чтобы не показаться изможденной.

— Это очень заботливо с твоей стороны, — сказал он без всякого чувства.

— Я все равно была в этом районе, помогая маме, так что ничего страшного не произошло. Надеюсь, вы не возражаете.

Я еще раз ухмыльнулась, в этой ухмылке было столько очаровательной невинности, хотя маска почти треснула, когда мои глаза переместились на человека со шрамом. Его уничтожающий взгляд пронзил меня насквозь.

— Вовсе нет, — сказал Веллингтон.

— Я просто уйду с вашего пути и вернусь к родителям.

Я набралась смелости и бросилась мимо них.

— Еще раз извините, что прерываю.

— Передай привет от меня своему отцу, — сказал он ровным, леденящим душу тоном.

— Конечно, — отозвалась я, не оборачиваясь.

Я не могла, потому что страх заставил кровь отхлынуть от моего лица. Была ли это угроза? Неужели Лоуренс Веллингтон причинил бы вред моему отцу, чтобы заставить меня молчать? Была ли я просто параноиком?

Я представила себе бедную девушку в кандалах наверху и поняла, что все его опасения обоснованы. Этот человек был злобным монстром, и я только что поставила себя под его прицел.

Я никогда не принимала сознательного решения отправиться на поиски Кейра, но ноги сами привели меня туда. Я писала ему и звонила, но не получала ответа. Сдаваться было нельзя. Я должна была найти его.

Когда я подошла к входу в Моху, полуденное солнце опустилось достаточно низко, чтобы окрасить небо в мандариновый цвет. На этот раз я не стала медлить, прежде чем

открыть дверь и войти внутрь. Я столкнулась лицом к лицу с огромным мужчиной, работающим на входе.

— Я ищу Кейра.

Пожалуйста, пожалуйста, не будьте сложным.

— Босса здесь нет, — сказал он без колебаний.

Он сказал правду.

Я проглотил горький вкус разочарования.

— Ты можешь сказать мне, где он? Я пытался позвонить ему, но он не отвечает.

Мужчина ухмыльнулся.

— Может быть, это значит, что тебе стоит понять намек?

— Тогда я просто подожду, — выдохнула я, сложив руки на груди, чтобы показать, что никуда не собираюсь уходить.

Он посмотрел назад в клуб.

— Неплохая идея, раз уж ты об этом заговорила. Ты была чертовски сексуальна там. Может, пока ты ждешь, ты покажешь нам, на что еще способна.

Он перекачивал кусочек жвачки с одной стороны рта на другую с соблазнительной ухмылкой.

Я отказалась реагировать на его приставания.

— Послушай, принцесса. Ты не можешь стоять здесь всю чертову ночь.

— Я с радостью уйду. Просто скажи мне, где я могу найти твоего босса, и я уйду отсюда.

Он сделал два угрожающих шага вперед.

— Или я могу просто поднять эту тощую задницу и вышвырнуть тебя на улицу.

Он надел свою профессиональную манеру вышибалы, которая, по общему признанию, была тревожной.

— Слушай, мне очень, очень нужно поговорить с Кейром. Это срочно. И я сказала тебе...

— Здесь какая-то проблема?

Хмурый мужчина, который работал на входе в последний раз, когда я была в клубе, присоединился к нам у двери. Я попыталась вспомнить его имя — Тор или Тур — точно, Торин.

— Цыпочка хочет видеть босса, но его здесь нет, — красноречиво объяснил вышибала.

— Мы с Кейром работаем над кое-чем, и тут возникло срочное дело. Мне нужно с ним поговорить. Меня зовут Роуэн.

— Я знаю, кто ты, Роуэн.

Облегчение столкнулось с беспокойством, потому что я не могла понять, звать меня — это хорошо или нет.

— Ты можешь мне помочь? Это невероятно важно.

Он изучал меня, как волк с опаской оценивает пищу, подозрительно оставленную на открытом месте.

— Да, — в конце концов пробормотал он. — Придурок оставил свой телефон в кабинете. Нужно отнести его ему в любом случае. Пошли.

Он прошел через вход, не оглядываясь, ожидая, что я последую за ним, и подошел к зеленому и красному мотоциклу, припаркованному на тротуаре. Он перекинул ногу. Машина взревела. Он был гладким, с гладкими реактивными черными шинами и низким профилем,

что говорило о том, что этот зверь создан для гонок. Он выглядел так, словно выкатился прямо из видеоигры.

— Ты собираешься сесть на него или будешь пялиться на него всю ночь?

— Э, да.

Я никогда не ездила на мотоцикле, и уж точно не на таком. Я понятия не имела, что я делаю.

— Наступи на этот колышек, возьми меня за плечи и перекинь другую ногу, — инструктировал он. — Осторожно, чтобы не задеть дерьмо внизу. Будет тесновато. Она не предназначена для пассажиров.

Как и шлемы, видимо.

Я глубоко вдохнула и сделала рывок. Было неловко прижиматься к спине незнакомца, но я планировала держаться изо всех сил.

— Ты обезьянка? — Отозвался он, глядя вниз на мою смертельную хватку вокруг его груди.

— Заткнись и веди эту штуковину! — Прокричала я в ответ, прижавшись щекой к его плечу.

Я была уверена, что он хихикнул, что я почувствовала только потому, что прижалась к нему, как вторая кожа.

Через пять минут и десять "Аве Мария" он припарковал мотоцикл у здания в Мидтаун-Ист. Он помог мне слезть с мотоцикла и повел нас к парадному входу, не сказав ни слова. Мне это подошло. Я не чувствовала себя слишком разговорчивой. Мы поднялись на двадцать второй этаж, где он постучал в одну из трех дверей на лестничной площадке.

Прошла почти целая минута, прежде чем замок со щелчком открылся. Кейр открыл дверь, без рубашки, с мокрыми волосами. Он замер, разглядывая неожиданно прибывших.

— Ты оставил это дерьмо в клубе.

Торин протянул Кейру свой телефон.

— Спасибо, чувак. Я как раз собирался зайти за этим.

— Без проблем.

Он начал поворачиваться к лифту.

— Подожди, — позвал Кейр. — Ты привез ее сюда на мотоцикле?

Его голос приобрел угрожающий оттенок.

— Это то, что было при мне.

— У тебя нет чертовых шлемов. В следующий раз бери гребаный Uber, если придется. Господи.

Кейр схватил меня за запястье и втолкнул внутрь, хлопнув за нами дверь.

Между моим шоком от его вспышки и пьянящим облаком аромата тела, дразнящим мои чувства, мой разум стал туманным и пустым.

— Ты принимал душ.

Я произнесла первые слова, которые пришли мне в голову.

Кейр повернулся ко мне лицом, открывая беспрепятственный вид на свою гладкую кожу, покрытую чернилами, натянутую на тонизированные мышцы. Я знала, что у него есть татуировки. Рисунки струились по его шее и покрывали руки, некоторые даже спускались на пальцы. Вполне вероятно, что и остальные части его тела тоже были покрыты, но реальность его чернильного совершенства была гораздо более ошеломляющей, чем я предполагала. Я хотела проследить каждую черточку и излом, запомнить каждый яркий цветной рисунок,

пока он рассказывал мне их значение.

Каким-то божьим чудом я осознала, как бессовестно пляшусь, и вышла из своего транса.

— Я звонила. Ты не ответил.

Кейр уставился на меня с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Неудивительно, что он был не слишком разговорчив. Его глаза говорили тысячу слов одним лишь взглядом, и прямо сейчас они говорили мне, что если я не перестану смотреть на него, то окажусь на его диване, где меня оттрахают по полной программе.

Я тяжело сглотнула и не сводила с него глаз.

— Что-то важное? — Наконец спросил он.

Теперь наступала самая трудная часть. Он не будет рад тому, что я сделала, но это было трудно. Чистая совесть была крайне важна для меня. Девушка была важна для меня, и я должна была увидеть ее в последний раз.

Я расправила плечи и рассказала обо всем, что произошло, как можно более подробно и безэмоционально.

Кейра можно было принять за высеченный гранит, настолько нечеловечески неподвижно он стоял. Когда я закончила, между нами стояла бездна тишины, пока он не разорвал воздух ревом.

— Пиздец!

Он повернулся ко мне спиной и опустил голову. Тем временем раскаяние и убежденность начали яростную битву в моей голове. Мне было стыдно за то, что я все усложняю, и в то же время я не признавала, что следую зову своего сердца.

— Это не обязательно должно касаться тебя, — пробормотала я. — Я могу уйти.

— Не. Двигайся. Блять.

Он прорычал каждое слово, но по-прежнему не смотрел мне в лицо.

Сзади я наблюдала, как его грудная клетка расширяется и сжимается с практическим намерением.

Раз. Два раза. Три раза.

В конце концов, он повернулся, его взгляд был острым, как удар плетью.

— О человеке со шрамом говорят, будто он воплощение дьявола. Его зовут Дамион, но большинство называют его Тенью, потому что никто не знает о нем ничего, кроме того, что он русский. И если ты еще не догадалась, ситуация, блять, на световые годы хуже некуда.

14

Я уставился в пол, приказывая своему сердцу успокоиться, дыханию — замедлиться, а страху — ослабить удушающий контроль над моими мыслями. Ситуация была намного хуже, чем я себе представлял — и для Роуэн, и для меня.

Неужели люди, которых я видел у дома Веллингтона, работали на Дамиона? Конечно, Оран не был настолько глуп, чтобы заключить сделку с таким психопатом. Хотя, это объясняет, почему он мог солгать о краже оружия. Он должен был знать, что мы никогда не одобрили бы сделку с русским.

Мне не нравилось, что мы можем быть связаны с этим человеком, но тот факт, что он теперь держит Роуэн на прицеле, приводил меня в ужас. Веллингтон и так был плох, а Дамион усилил угрозу в десять раз.

— Не могу поверить, что ты вернулась туда, когда я сказал тебе держаться от него подальше.

Мой страх был настолько всепоглощающим, что я не знал другого способа выразить его,

кроме как вспыхнуть гневом. Эмоция билась о тонкую мембрану моего контроля, угрожая уничтожением.

— Стетсон и его отец должны были уйти из дома, — тихо сказала Роуэн. — Ничего этого не должно было случиться.

— Нет, ты не должна была и шагу ступить обратно в этот дом.

Мой повышенный голос отражал эмоции, бурлящие во мне, и я не до конца понимал их. Роуэн подвергалась наибольшему риску, а не я или моя семья. Я не был обязан помогать ей. Ничто не заставляло меня продолжать общаться с ней. Я мог разорвать все связи и надеяться, что сердитое черное облако над ее головой не последует за мной.

Причина, по которой я был так расстроен, заключалась не в Дамионе или ее возвращении в тот дом. Я был в ярости, потому что знал, что не смогу уйти от нее. Я не мог. Что-то неосязаемое связывало меня с ней. Что-то, чему я не мог дать названия. Она пришла ко мне, как ни к кому другому, за помощью. Дважды. Какая-то неразвитая, полудикая часть меня решила, что теперь я должен защищать ее. Логика не имела права голоса, что и было истинным источником моего гнева.

Роуэн не стала кричать на меня в ответ.

Если бы она это сделала, это было бы гораздо приятнее, чем ее жутко отстраненная реакция.

— Я не могла оставить ее там, не зная, что помощь придет.

— Не могла или не хотела?

В ее глазах промелькнула искра борьбы.

— То же самое, черт возьми.

— Нет. Только если у тебя нет комплекса спасителя.

Я придвинулся ближе, пока нас не разделяли считанные сантиметры.

— Так в чем же дело, мисс Александер? — Спросил я со смертоносной уверенностью. — Ты думала о девушке или просто удовлетворяла свою потребность играть в героя?

Это было лицемерно, учитывая мое недавнее откровение, но мое разочарование нацелилось на ее эмоциональные барьеры с намерением увидеть, как они рушатся.

Роуэн хлопнула руками по моей груди.

— Не называй меня так!

Вот так. Я хочу увидеть настоящую Роуэн в игре.

Любая другая женщина уже бы трещала по швам — да что там, мужчина или женщина. Но не Роуэн. Она овладела умением подавлять свои естественные реакции. Это проявление гнева было идеальной ниточкой, за которую можно было потянуть еще. Я хотел снять каждый непробиваемый слой брони, пока не обнажил каждый пленительный дюйм ее тела.

Я потянулся к ней и запустил кулак в ее длинные волосы, притягивая ее тело вровень со своим.

— Тебе не нравится имя или мой намек на то, что ты ведешь себя как ребенок?

— Ни то, ни другое, — прорычала она.

Мои глаза сузились, и я откинул ее голову еще немного назад.

Это близость, — размышлял я.

Неожиданное чувство удовлетворения поднялось в моей груди, но я не показал этого.

— Ты хочешь, чтобы между нами была какая-то связь.

Будь осторожна в своих желаниях.

— Я никогда этого не говорила.

Она попыталась отступить.

— Тебе и не нужно было. Это написано у тебя на лице.

Она попыталась скорчить гримасу, но было слишком поздно. Я держал ее в своей сети.

— То, что я хочу трахнуть тебя, не означает, что я хочу оставить тебя, мисс Александер.

Точка. Настрой. Поединок.

Из глубины ее души вырвался возмущенный крик, она извивалась и боролась, пытаясь вырваться из моей хватки. Она схватила стеклянную чашу, стоявшую на прихожей, и со всей силы швырнула ее в меня. Я успел вовремя увернуться, и она разбилась о дверь позади меня. Прежде чем я успел среагировать, в ее руках уже была маленькая керамическая лампа.

— Ты думаешь, что можешь просто вломиться в мой дом, перевернуть мою жизнь вверх дном, а потом уйти? — кричала она.

Ее лицо окрасилось в красный цвет, глаза стали стеклянными.

— Ты перевернула свою жизнь, а не я. Я сказал тебе держаться от него подальше.

Покажи мне всю свою ярость, красавица. Выплесни ее всю.

— Тьфу! Это не имеет никакого отношения ни к нему, ни к этому гребаному дому!

Она запустила лампу. На этот раз я уклонился, затем сделал выпад и бросился на нее, прежде чем она успела схватить что-нибудь еще. Я прижал ее спиной к стене, ее руки были зажаты в моих и прижаты по обе стороны от ее головы. Наше тяжелое дыхание смешалось в облаке разочарованного желания.

— Тогда скажи мне, с чем это связано, — потребовал я.

Ее губы сжались в знак отказа, в ее лесных глазах преобладало огненное золото.

— Блять, скажи мне! — Прорычал я ей в лицо.

— Ты, ты, гребаный мудака! — Закричала она в ответ. — Это связано с тобой и с тем, как я чувствую себя живой каждый раз, когда нахожусь рядом с тобой. Как будто я могу дышать впервые в жизни.

Она сделала паузу, ее тело содрогнулось от неровного дыхания. Я хотел вдохнуть все до последней капли и насытить ею свои легкие.

Я поднял ее руки над головой, сжал ее запястья в кулак, а затем прижался к ее рту. Ее тело подалось навстречу моему, словно глина, слепленная в камень.

Вкус страстного неповиновения на ее губах послал толчок электрической потребности прямо к моему члену. Я был так чертовски тверд, что мог бы кончить в свои чертовы штаны. Я хотел наказать ее за то, что она заставила меня потерять контроль. Судя по тому, как она прикусила мою нижнюю губу, а затем засосала ее между своими, она боролась с тем же чувством конфликта. Мы были двумя поездами на одном пути, и не было никакой возможности избежать столкновения.

Я вцепился пальцами в ее леггинсы, не забыв про трусики, затем потянул их вниз настолько, что смог ногой стянуть ткань на пол.

— Я собираюсь трахнуть тебя у этой стены, — сообщил я ей, что звучало наполовину дико даже для моих собственных ушей. — Если я сделаю что-то, что тебе не понравится, я ожидаю, что ты, блять, скажешь мне об этом.

Она быстро кивнула.

Жадная похоть свернулась в основании моего позвоночника, когда я стягивал свои джоггеры и освобождал член. Когда я освободил ее руки, она обхватила меня за плечи. Я поднял ее, обвил ее ноги вокруг моей талии и прижал ее спиной к стене. Мой член

ненасытно запульсировал, когда он соприкоснулся с ее теплыми складочками.

— Уже такая чертовски мокрая для меня.

Я уже собирался погрузиться в нее, когда раздались три громких стука во входную дверь.

— Уходите! — Воскликнула Роуэн.

— Ты там в порядке?

Голос мужчины звучал неуверенно. Один из моих соседей, должно быть, слышал наш спор.

Меня разозлило, что кто-то мог подумать, что я могу причинить ей вред. Гневная реплика замерла на кончике моего языка, когда Роуэн опередила меня.

— Seriously, отвали!

Черт возьми, если бы я не ухмылялся, когда входил в нее.

Боже, эта девушка.

Роуэн издала гортанный стон, от которого мне захотелось запереть ее в своей спальне и проводить каждый чертов день до конца жизни, заставляя ее издавать такой же звук.

— О Боже. Это так приятно.

Она звучала удивленно.

Просто подожди, принцесса, будет еще лучше.

Я зарылся в нее, один мощный толчок за другим. Это было чудо, что мы не проделали чертову дыру в стене. Я целовал и покусывал ее шею. Она дергала меня за волосы и выгибалась навстречу каждому движению, принимая меня в свое тело.

Когда я потянулся между нами и ущипнул один из ее сосков, ее внутренние мышцы сжали меня так сильно, что я увидел чертовы звезды.

— Вот дерьмо! Кейр, кажется, я сейчас кончу.

— Давай быстрее, детка, потому что я уже близко.

Я был так близок, что говорить было трудно. Каждая унция моей крови прилила к моему члену, требуя освобождения.

— Нет, я... я не... ох!

Она задыхалась, затем вскрикнула, когда все ее тело начало содрогаться и трестись, ее бедра сжались так сильно, что почти не давали мне двигаться.

К счастью, это не имело значения, потому что ощущение того, что она кончает в моих объятиях, толкнуло меня через край с неожиданной силой. Как подросток, incapable контролировать себя, мой оргазм взорвался без предупреждения, от глубины моих яиц до основания позвоночника и далее во все конечности.

Я держал ее в своих объятиях бесчисленное количество секунд. Она расслабилась, и частичка моей души сдвинулась в глубине груди. Роуэн меняла меня. Она освободила для себя место во мне, пока границы между нами не размылись и не перешли друг в друга.

— Такого никогда не было раньше, — рассеянно пробормотала она, ее губы приблизились к моему уху.

— Ты никогда раньше не кончала?

— Я кончала, но никогда во время секса.

Равные степени самодовольства и насилия боролись за доминирование в моей голове. Мне нравилось знать, что я могу дать ей то, чего не может дать он, но мне было чертовски противно думать об этом никчемном куске дерьма внутри нее. Вместо того чтобы сказать что-то, о чем потом пожалею, я понес ее в ванную.

Реальность медленно вливалась обратно, оставляя нас обоих в молчании.

Я стянул ее футболку через голову и расстегнул лифчик. Когда мой взгляд переместился на зеркало, я обнаружил, что у нее на позвоночнике вытатуирована виноградная лоза. Опять же, не то, что я ожидал. Смогу ли я когда-нибудь узнать эту женщину, или это в ее характере — заставлять всех строить догадки?

Потребность узнать это переполняла меня.

— Это плющ? — Спросил я, придвинувшись достаточно близко, чтобы провести пальцами по ее позвоночнику, наблюдая за движением в зеркале.

Ее охватила дрожь по всему телу.

— Да, — тихо сказала она. — У тебя так много татуировок, что потребуется целая жизнь, чтобы определить их все.

Ее рука нерешительно коснулась моей груди, проведя по стволу кельтского дерева жизни, вытатуированного над моим сердцем. Постоянное напоминание о моих корнях.

— Не так много, но да. Я провел некоторое время под иглой.

Я мог бы стоять и позволять ей прикасаться ко мне всю чертову ночь, но я не хотел, чтобы она замерзла до смерти.

— Давай примем душ. Потом нам нужно поговорить.

15

Я не стала его поправлять. Лучше пусть он подумает, что мне холодно, чем узнает, что его внимание к моей татуировке меня потрясло.

Кейр включил воду, которая мгновенно стала идеальной температуры. Он провел меня внутрь, но я не последовала за ним. Вместо этого я наблюдала через стекло, как он использовал мочалку, чтобы вымыться, а затем скрылся в шкафу. Горячая вода была неэффективна в борьбе с холодной неуверенностью, которая поселилась глубоко в моих костях.

Я только что занималась сексом с Кейром Байрном.

Нет, меня только что трахнул Кейр Байрн. Разница была. Черт, мы даже не использовали презерватив. Я принимала противозачаточные, чтобы не забеременеть.

А как насчет венерических заболеваний, Ро?

Если я заболела, значит, я это заслужила. Возможно, я заслужила это и даже больше.

Я вытерла себя его мочалкой, стараясь не обращать внимания на то, что знакомый запах делал с моими внутренностями. Я не планировала мыть волосы, когда зашла в душ, но обнаружила, что отступила назад под струю воды и позволила жидкому теплу намочить мою голову. Тяжелые струи стекали по моему лицу. Жаль, что они не могут забрать мой стыд с собой.

Может быть, если я перестану так стараться сделать все правильно, то хоть раз это произойдет.

Все не так уж плохо, — шептал внутренний голос. — Мы найдем выход из этой ситуации.

Боже, я надеялась на это.

Было бы немного легче, если бы я имела хоть малейшее представление о том, о чем думает Кейр. Не то чтобы это имело значение. У нас не было отношений и никогда не будет. Лучшее, что я могла сделать для себя сейчас, это признать, что у меня большая проблема и мне придется самой искать выход из нее. Моя жизнь висела на волоске. Я не могла сидеть сложа руки и надеяться, что Кейр или кто-то другой прыгнет в горящее здание, чтобы спасти

меня.

Я заставила всю слабость и сомнения улечься вместе с водой у моих ног, прежде чем выйти из душа. Кейр положил мою одежду на тумбу. Я укорила себя, когда это зрелище вызвало некоторое разочарование.

Тебе позволено быть немного обиженной, когда все признаки говорят о том, что он готов отправить тебя в путь. А бум, спасибо, мэм — это совсем не круто.

— Нет, мне нельзя разочаровываться. Это означает, что я все еще рассчитываю на то, что он останется рядом, а это большая ошибка.

Я вдруг засомневалась, что сделала правильный выбор, разыскивая Кейра.

— Я не помешал?

Его низкий голос испугал меня. Я повернула голову в сторону двери и вздрогнула, защемив нерв быстрым движением.

— Нет. У меня есть привычка разговаривать с собой.

Я повесила полотенце на вешалку и молилась, чтобы он не услышал, что я сказала.

Если подумать, может, так и лучше. Я не хотела, чтобы он думал, что я какая-то скромная девушка, которая не может о себе позаботиться.

— Я приготовил немного еды. Иди поешь.

— Я не голодна.

— А я и не спрашивал, хочешь ли ты есть. А теперь пойдём.

Он отошел, давая мне возможность закатить глаза так, чтобы он этого не заметил.

— Еще раз так сделаешь, и я отшлепаю тебя по заднице.

— Что сделаю? — невинно спросила я.

Он бросил предупреждающий взгляд через плечо.

Что такого было в Кейре Байрне, что сделало меня такой чертовски упрямой? Я всю жизнь не создавала волн, но с Кейром я не могла остановиться, чтобы не расплескать воду повсюду.

Оказавшись на кухне, он пододвинул ко мне тарелку с половиной сэндвича и смотрел на меня, пока я неохотно откусила маленький кусочек.

— Ты останешься здесь на ночь.

Я замерла, встретив его стойкий взгляд. У меня возникло ощущение, что он работает над тем, чтобы избавиться от меня. Спрятать меня у него дома было неожиданно.

— Завтра я отвезу тебя к твоим родителям. Тебе нужно будет остаться там на некоторое время, и я хочу, чтобы ты никуда не выходила, пока я во всем разберусь.

Я с трудом проглотила еду, и в горле внезапно пересохло.

— Тебе не нужно этого делать, ты знаешь. Это не твоя проблема.

Он откусил огромный кусок от своего сэндвича и уставился на меня, пока жевал, не отвечая, пока не проглотил и не сделал несколько длинных глотков из бутылки пива.

— Я буду иметь это в виду.

Мой взгляд скользнул вниз и в сторону входа.

— Мне жаль, что так получилось с чашкой и лампой.

— Не стоит. Я рад, что ты это сделала.

— Рад, что я разбила твои вещи?

Я вытаращилась на него.

— Рад, что ты наконец-то потеряла контроль и выпустила все наружу.

Я никогда не чувствовала себя более обнаженной, чем в тот момент. Ни прижавшись к

стене, пока он трахал меня. Ни обнаженной в душе, где каждый дюйм моего тела был выставлен напоказ. Это было по-другому.

Я чувствовала себя так, словно он открыл окно в самые темные уголки моей души.

Я разорвала зрительный контакт, тяжесть его взгляда была невыносима.

— Я все уберу, — пробормотала я.

Мы молча собрали осколки стекла и керамики, работая вместе, но разделенные океаном невысказанных слов. Я не ожидала, что он поможет. Я почти жалела, что он этого сделал. Увидев последствия моей истерики, я испытала новую волну смущения, которая только усилилась от осознания того, что он был рядом и видел разрушения, которые я причинила.

С другой стороны, если он собирался находиться рядом со мной долго, ему нужно было привыкнуть к этому, потому что это было то, что я делала. Я приносила разрушения в мир вокруг себя. Это был лишь вопрос времени, когда мое темное влияние коснется и его.

16

Роуэн настояла на том, чтобы остаться в гостевой комнате. Я решил, что она пережила достаточно для одного дня, чтобы спорить, но меня это не радовало. Все мое существо вибрировало от раздражения, когда я знал, что ее мягкое тело находится прямо в моем доме, но все еще вне моей досягаемости. Из-за раздражения и мыслей о том, как справиться с ситуацией, я почти не спал.

Следующий день начался под тяжелым небом и проливным дождем, что как будто отражало мое настроение. Плохая погода означала пробки, а значит, нам потребовалось еще полчаса, чтобы доехать до дома ее родителей в Верхнем Ист-Сайде. Больше времени на размышления, к лучшему или худшему. В частности, я думал о разговоре, который мне предстояло провести с ее отцом, и о том, что если я не сделаю этого, Роуэн исчезнет в мгновение ока.

Удушающие эмоции, которые вызвала эта мысль, пока я лежал в постели прошлой ночью, стали основой плана. Я должен был найти способ защитить Роуэн. Ее отец был влиятельным, но недостаточно могущественным в нужных кругах, чтобы обеспечить ее безопасность — не с его непоколебимой решимостью оставаться в рамках закона. Не то что моя семья. Хотя мы не были самой большой и плохой рыбой в пруду, у нас была репутация и много союзников. Если Роуэн была связана с Байрнами, это пролило бы новый свет на ситуацию.

Похоже, мой отец все-таки исполнит свое желание. При условии, что я смогу все это организовать. Мне нужно было сотрудничество Эвана Александера, но если бы он знал всю глубину моего плана, он бы никогда не согласился. Я должен был дать ему достаточно информации для достижения своих целей, но не так много, чтобы он вызвал федералов. Это был бы тонкий баланс.

— Тебе не обязательно провожать меня до двери, — попыталась заверить меня Роуэн, когда я припарковался перед домом ее родителей. — Я уверена, что там достаточно безопасно.

— Я найду, чтобы поговорить с твоим отцом.

Она замолчала.

— Мы собираемся рассказать ему все?

— Мы ничего не будем делать. Я собираюсь обсудить с ним все вопросы, пока ты пойдешь наверх и будешь себя успокаивать.

Ее челюсть отвисла, готовясь к спору. Я поднял руку, чтобы остановить ее.

— Я не хочу этого слышать. То, что я должен ему сказать, будет нелегко. Мне не нужно, чтобы ты присутствовала при этом, подливая масла в огонь его эмоций. Мне нужно, чтобы он выслушал и понял, насколько это серьезно.

Ее губы сжались в тонкую линию.

— Хорошо, но я хочу получить полный отчет, — ворчала она, открывая дверь машины.

Я связалась с Эваном Александером накануне вечером, чтобы попросить о встрече. Он категорически отказался, пока я не сказала ему, что Роуэн в опасности. Я опустил часть о том, что она останется у меня дома, чтобы в итоге ко мне не ломались все полицейские. Однако то, как он посмотрел на меня, когда мы вошли в дом, сказало мне, что он подозревал то же самое и был зол из-за этого.

Роуэн не поприветствовала отца с той же теплотой, что и в первый раз, когда я увидел их вместе. Она прикусила губу, извиняюще глядя на него, а затем прошла мимо к лестнице.

— Присаживайся.

Александр указал на гостиную.

— Я бы перенес это в свой кабинет, но он находится прямо напротив спальни Роуэн, а у меня такое чувство, что это частный разговор.

— Так и есть. Возникла ситуация.

— Это как-то связано с тобой и моей дочерью? Из-за тебя у моей девочки неприятности?

Он уже был готов свалить все на меня. Я пришел подготовленным к этому и не позволил ему меня беспокоить. Скоро он поймет, что это была его собственная чертова вина.

— Примерно неделю назад Роуэн слышала женский плач в доме Веллингтонов.

Александр замолчал, его руки медленно разжались.

— Она упомянула об этом. Я сказал ей, чтобы она оставила это в прошлом.

— Ну, она этого не сделала.

Тяжесть моих слов была физической силой, которая заставила его зажмурить глаза.

— Несколько дней спустя, — продолжил я, — она пошла искать ответы и нашла женщину, прикованную цепями в спальне на третьем этаже.

Его глаза распахнулись.

— Господи Иисусе!

Он отвернулся, запустив пальцы в волосы.

Я дал ему мгновение на размышления.

— Лоуренс не стал бы... он не мог. Я знаю его так долго...

Было ли это отрицание или простое невежество, я не был уверен, но Эван Александер был в полном шоке от того, во что ввязался его друг.

— Все это будет нелегко, но мне нужно, чтобы ты выслушал и понял. Ты нужен Роуэн.

Его позвоночник напрягся, прежде чем он повернулся и встретил мой суровый взгляд с холодной решимостью. Может, он и не был преступником, но он был политиком, так что это было не так уж далеко. Это был не первый раз, когда он сталкивался с трудностями.

— И как ты в этом участвуешь?

— Она понимала, что ей нужна помощь, но не хотела, чтобы ты был вовлечен. Она боялась, что последствия могут отразиться на тебе и твоей карьере. Она пришла ко мне в Моху.

Он ухватился за край мраморной столешницы и прислонился к ней, свесив голову на руки.

— Почему у меня такое чувство, что это каким-то образом становится хуже?

— Потому что так и есть. Женщина, которую держат в плену, русская. Роуэн хотела заверить ее, что мы работаем над ее освобождением, поэтому она перевела сообщение и отправилась туда, когда семья должна была уехать, но Лоуренс Веллингтон вернулся, и он был не один.

— Черт.

Выдохнутое проклятие было пронизано поражением.

— Он и человек, известный как Дамион, видели ее в доме. Она выбралась, но они смогут сказать, что она была с девушкой. Они будут знать, что она знает. А этот человек, Дамион? Он совершенно безжалостен.

Тело Александера сотрясилось от судорожных вдохов. Проходили минуты, пока он наконец не заговорил.

— Я знал, что он не совсем честен, но я никогда не думал... Это все моя вина. Я не должен был забывать об этом.

Он поднял голову, чтобы встретиться с моими глазами, в которых сверкал страх.

— Я спрячу ее подальше.

Я склонила голову набок.

— Ты публичная фигура. Все о тебе можно найти — они найдут ее.

Он оттолкнулся от стойки и встал во весь рост, решимость смешалась с отчаянием.

— У меня есть охрана.

— Ты думаешь, это что-нибудь для них значит? — Подтолкнул я.

— Тогда мы возьмем ее в службу защиты свидетелей! — Отмахнулся он.

Я угрожающе шагнул вперед, чувствуя, что мой момент настал.

— Ты готов потерять свою дочь навсегда? — Прорычал я. — Потому что именно это произойдет, если она попадет в систему, и ты это знаешь. Ты больше никогда ее не увидишь.

— И что тогда? — Шипел он, в отчаянии выпучив глаза. — Что, черт возьми, я должен делать?

Я позволил вопросу затянуться и сделал медленный ровный вдох, прежде чем бросить утопающему спасательный плот.

— У меня есть решение, но оно тебе не понравится.

17

Я уединилась, чтобы наконец-то смыть макияж и нанести свежий крем на лицо. Я отчаянно нуждалась в очищении, и это позволило мне отвлечься от размышлений о том, о чем говорили внизу. Независимо от причин Кейра, я все равно считала, что имею право присутствовать при разговоре. Ведь на волоске была моя жизнь.

Как только раздался стук в дверь моей спальни, я была уже на ногах.

— Войдите!

Папа выглядел так, будто постарел на десять лет с тех пор, как я видела его часом ранее. Я бросилась к нему и обхватила его за плечи.

— Мне так жаль, папочка. Мне так жаль.

— Ш-ш-ш, не нужно извиняться. Если кто и должен извиняться, так это я. Я и представить себе не мог...

Боль убрала обычную уверенность из его голоса.

— Никто из нас этого не предполагал.

Я отстранилась и посмотрела на него.

— Никто не хочет думать, что кто-то из близких может быть способен на что-то настолько... ужасное.

— Я просто рад, что ты здесь.

Его взгляд пробежался по моему лицу, словно убеждая себя, что я цела и невредима.

— Я всегда хотел для тебя только лучшего. Иногда так трудно понять, что это такое.

Его брови нахмурились, а губы разошлись, как будто он хотел сказать что-то еще, но потом его рот закрылся.

— Я знаю, папочка, — прошептала я.

Я могла только представить, какое чувство вины он испытывал. Он познакомил меня с семьей Веллингтонов и поощрял мои свидания со Стетсоном. Папа не боялся брать на себя ответственность за свои поступки — именно это сделало его таким популярным среди людей, но я надеялась, что он не пытается взвалить на себя слишком много вины.

Он заставил себя криво улыбнуться.

— Похоже, у Кейра есть план, хотя он и не поделился со мной всеми деталями.

— И что же он тебе сказал?

Он нахмурил брови, опустив взгляд.

— Он сказал, что хочет рассказать тебе сам. Что от него будет лучше.

— Мне стоит беспокоиться?

Моя попытка отшутиться провалилась.

Папа заправил мои волосы за ухо.

— Ты скажи мне, малыш. Как ты относишься к Кейру Байрну?

Вопрос показался странным.

Что ты имеешь в виду?

Почему он спрашивает о Кейре?

— Как ты думаешь, он достаточно порядочный человек? Я предполагаю, что ты обратилась к нему за помощью, потому что доверяла ему на каком-то уровне.

— Ну, да. Это трудно объяснить, но у нас была какая-то странная связь с момента нашей встречи. Я не сказала тебе тогда, но Кейр уже был в доме в тот день, когда ты вернулась домой. Он проник в дом.

Папа уставился на меня.

— И ты ничего не сказала?

— Я знаю, и это как раз моя точка зрения. Я не могу это объяснить, но я не хотела, чтобы у него были неприятности, и я знаю, что он сделает все возможное, чтобы защитить меня.

Я умоляюще посмотрела на него.

— Но это же не навсегда. Через несколько месяцев все это станет далеким воспоминанием.

Я не была уверена, что верю себе, но я надеялась, что мои заверения облегчат папину совесть.

— Ты права.

Он кивнул, затем замолчал.

— Ты говорила со Стетсоном о чем-нибудь из этого?

— Нет. Я не могу представить, что он имеет представление о том, что делает его отец, и я не уверена, что это мое дело — говорить ему об этом.

— Значит, вы не расстались?

Была ли это надежда в его голосе? Волна усталости заставила все мое тело почувствовать себя так, словно оно было отлито из свинца.

— Нет, не расстались.

Брови отца сошлись на лбу в надежде.

— Ну, тогда. Он обязательно поймет, когда правда выйдет наружу. Тебе и так пришлось многое пережить, милая; я бы не хотел, чтобы ты потеряла и его.

Моя ответная улыбка была в лучшем случае тошнотворной.

— Я уверена, что все сложится к лучшему.

Мой голос предал меня, став слабым и шатким.

Он снова обнял меня, затем отстранился.

— Я бы сказал, что нам обоим не помешало бы отвлечься. Как насчет кино?

— А как насчет работы?

Папа был практически трудоголиком и был им почти столько, сколько я себя помню.

— Работа будет завтра, поверь мне.

Он подмигнул, как обычно делал, когда я была маленькой. Я ухватилась за крошечное напоминание о более счастливых временах.

— Звучит как план.

Я не была уверена, как мы будем объяснять все это маме, но я предоставила ему позаботиться об этом. Я могла взять на себя так много, и я молниеносно приближалась к этому пределу.

Я знала, что папа рассказал маме на следующий день, когда она с трудом могла смотреть мне в глаза. Она не умела справляться с трудностями. Мама была щедрой, любящей и замечательной во многих отношениях, но когда ситуация становилась тяжелой, она не справлялась.

В течение следующих двух дней я изо всех сил старалась улыбаться и успокаивать ее. Она очень старалась держаться в стороне. В каком-то смысле ее побег был благословением. У меня не хватало душевных сил, чтобы быть сильной для нас обоих.

Утром третьего дня Кейр принес тонну моей одежды и других необходимых вещей из моей квартиры. Мысль о том, сколько занятий я пропускаю, вызывала у меня тошноту. Я связалась со своими преподавателями и сказала им, что заболела, но это оправдание помогло бы мне только в этом случае. Я понятия не имела, как долго Кейр планирует держать меня в изоляции. Я молилась, чтобы то, что он собирает вещи, не было показателем длительности моего пребывания в доме родителей, потому что это означало бы, что я могу пробыть там несколько месяцев. Три больших чемодана. Отрицание не позволило мне полностью распаковать ни один из них.

Когда я наконец решила хотя бы просмотреть их и узнать, что он привез, все стало еще более неловко. На самом верху первой сумки, которую я открыла, лежали все три моих вибратора. Я уставилась на них, глаза округлились, а живот свело.

Кейр Байрн видел мои вибраторы и хотел, чтобы я знала об этом. Что это значило? Что он подумал, когда впервые увидел их?

В сотый раз воспоминания о том, как он трахал меня до потери сознания, нахлынули на меня. Я не могла поверить, что позволила этому случиться, и как отчаянно я жаждала большего.

Я сжимала в руке свою любимую игрушку-бабочку, и покалывающее предвкушение пульсировало под моей кожей. Секс был последним, о чем я должна была думать. Моя

чертова жизнь была в опасности!

Это не так уж и неразумно. И кроме того, что еще тебе остается делать? Ты здесь в ловушке.

Тогда я заметила, что было упаковано под игрушками. Моя одежда для танцев. Он упаковал все мои танцевальные принадлежности — спортивные лифчики, майки, леггинсы, колготки — все. Он даже положил обе пары моих танцевальных туфель на дно, а внутри одной была записка.

Я хочу, чтобы ты снова танцевала. Только для меня.

Мое сердце беспорядочно забилося.

Возможно, в прошлый раз были и другие зрители, но даже тогда я танцевала только для него. Не то чтобы я призналась в этом вслух. Возможно, он просто считал это сексуальным, но он не понимал, что танец значит для меня гораздо больше. Танцы были выражением моей души. Единственная отдушина, которую я позволяла себе. Отдать ему эту часть себя значило гораздо больше, чем он мог предположить.

Я выбрала майку и шорты и пошла переодеваться. Когда мои мысли были обращены к танцам, я не могла думать ни о чем другом. Единственным плюсом возвращения домой была танцевальная студия, которую родители построили для меня в подвале. У меня был круглосуточный доступ к идеальному деревянному полу, регулируемому освещению и стене из матовых зеркал. Там, внизу, я могла уйти от бесчисленных вопросов, кружащихся в моей голове, и просто чувствовать музыку.

Я танцевала два часа подряд.

Это было невероятное чувство — такое облегчение, что я даже смогла справиться с текстом, который пришел от Стетсона.

Стетсон: Я знаю, ты сказала, что заболела, но я бы хотел зайти. Я начинаю волноваться.

Я села на пол, скрестив ноги, и напечатала свой ответ.

Я: Мама и папа настояли, чтобы я осталась с ними, так что беспокоиться не о чем. Я уже чувствую себя лучше.

Мне было отчаянно любопытно, как много он знает. Сказал ли ему отец или Ханна, что я заходила на днях? Он никогда не упоминал об этом. Мы переписывались о поверхностных вещах. Мне не хотелось его подводить, но и расставаться по смс было как-то неловко. Учитывая, насколько это было бы неожиданно, даже расставание по телефону было бы неоправданно жестким. Стетсон был такой же жертвой во всем этом, как и я.

Стетсон: Приятно слышать. Тебе нужно, чтобы я поговорил с профессорами или еще с кем-нибудь?

Я: Я отправила всем им электронные письма. Это не должно быть проблемой, не спасибо!

Стетсон: Ок, отдохни немного. Я приду к тебе завтра. □

Я: □

Я не была уверена, что Кейр будет не против, если Стетсон приедет. Я сделала мысленную пометку спросить, когда положила телефон на пол и подняла взгляд на зеркало. Я никогда не любила зеркала, поэтому мои родители не задавали вопросов, когда я попросила матовое стекло в своей студии. Эффект был идеальным. Я могла видеть поток движения, не отвлекаясь на детали.

Как и сейчас, я могла сказать, что мои волосы, вероятно, в беспорядке лежат на голове, но я не могла видеть достаточно, чтобы напрягаться из-за этого. Я использовала маленькое

увеличительное зеркало, чтобы нанести макияж. Вот и все.

Кто ненавидит зеркала, но религиозно пользуется косметикой? Для большинства людей это не имело смысла, и отчасти поэтому я перестала стараться. Другие девочки не могли со мной общаться, из-за чего я была одиночкой в школе. С возрастом я научилась лучше маскировать свои недостатки, но под всем этим я все равно оставалась той самой непутевой девчонкой.

Остановись, Ро. Остановись прямо сейчас. Негативные разговоры о себе — это ниже твоего достоинства.

Я надулась, не уверенная, что что-то может быть ниже моего достоинства.

Звякнул мой телефон. Я перевернула его, удивившись, что это не Стетсон.

Кейр: Я приглашаю тебя куда-нибудь сегодня вечером. Надень что-нибудь приличное.

Выход в свет был последним, чего я ожидала. Не будет ли это опасно? Что если кто-то из моих знакомых увидит нас?

Я: Это будет похоже на свидание?

Кейр: Да.

Я: А как же Стетсон? Я не могу быть замеченной на свидании с кем-то другим.

Зазвонил мой телефон.

— Алло?

Я ответила вопросом на вопрос, потому что, хотя я знала, что это Кейр, я не была уверена, зачем ему звонить.

— Скажи мне, что ты не серьезно.

— Это не шутка. У меня технически есть парень.

— Больше нет.

Его голос был шелковистым прикосновением к моей сущности.

Я ненадолго закрыла глаза и потребовала сосредоточиться.

— Но он этого не знает. Я не рассталась с ним официально. Узнать об этом от кого-то другого было бы жестоко.

— Этот кусок дерьма не заслуживает твоей доброты. И кроме того, мой член был внутри тебя. Это значит, что его больше не существует.

Я была ошеломлена. Это было не то впечатление, которое у меня сложилось, когда он был таким отстраненным после нашего секса. Черт, я даже не осталась в его постели той ночью. Конечно, я предложила спать в гостевой комнате, но он не стал спорить. Этот человек был таким чертовски сложным.

— Я... не знаю, что сказать.

Мой голос прервался, я не знала, как продолжить.

— Я не понимала...

— Теперь, когда ты понимаешь, постарайся не забывать. Я не в самом здравом рассудке, когда речь идет о тебе. Ужин будет хорошим, с коктейлями. Я заеду за тобой в семь.

Раздались тихие гудки.

18

Неужели мои веки превратились в наждачную бумагу? И, Боже мой, почему так сильно болит голова?

Я уже второй раз пыталась проснуться. В первый раз я решила, что не стоит терпеть боль, и отключилась. Хотя пульсация в голове стала лишь немного лучше, я чувствовал достаточную растерянность и тревогу, чтобы перебороть боль. Я должна была понять, что,

черт возьми, происходит.

Я приоткрыла глаза. Комната вокруг меня была ослепительно яркой, как будто я попала внутрь гигантской лампочки. Ладно, может быть, и не ярко, но, похоже, был полдень, а занавески, задернутые на огромных окнах, ничего не делали для защиты от солнца.

Я лежала в кровати. Комната была роскошной, хотя и незнакомой.

Я ломала голову, пытаюсь понять, как я здесь оказалась, но ничего не нашла. Я вспомнила, как собиралась на свидание и как Кейр заехал за мной в дом родителей. Он выглядел так невероятно сексуально, что я потеряла дар речи, а когда он прошептал мне на ухо, что я самая потрясающая женщина, на которую он когда-либо смотрел, я подумала, что мои щеки навсегда останутся розовыми.

Я видела все это так ясно. Дорогой стейкхаус, в который он меня пригласил. Шардоне, которое мы пили вместе. Я могла вспомнить кое-что из нашего разговора, но потом все стало расплывчатым, как будто на мой холст пролили растворитель для краски и стерли остатки изображения. Что, черт возьми, произошло?

Я сделала медленный, ровный вдох, затем поднялась на ноги. Голова пульсировала так гневно, что мне пришлось на мгновение закрыть глаза. Когда они снова открылись, я увидела, что была не одна. Кейр лежал на кровати рядом со мной и с интересом наблюдал за мной.

— Где мы? — Прохрипела я.

Мое горло словно прополоскали бензином.

— Почему я ничего не могу вспомнить?

На мне была одна из рубашек Кейра. Его торс был обнажен, но я не знала, что скрывается под простынями. Был ли у нас снова секс? Вспомню ли я, если да?

Паника просочилась от кожи головы до кончиков пальцев. Я мгновенно покрылась тонким слоем пота, пульс запульсировал в шее, а желудок подскочил вверх и присоединился к нему. Я зажала рот рукой и попыталась оттащить себя от кровати, но не успела — Кейр оказался рядом с небольшим мусорным ведром. Как будто один только вид мусорного ведра дал сигнал моему телу, меня вырвало в емкость несколько раз.

— Вот так. Выплесни все, — мягко сказал он, откидывая мои волосы назад.

Ничто, абсолютно ничто не было более постыдным, чем тошнота на глазах у кого-то другого, не говоря уже о самом сексуальном мужчине, которого ты когда-либо знала. Если за пять минут до этого я не хотела умереть от удара ледорубом по черепу, то теперь я точно хотела.

Однако, несмотря на то, что я чувствовала, Мрачный Жнец еще не пришел за мной. После раунда сухих рыданий мое тело, наконец, перестало биться в конвульсиях. Кейр протянул мне мочалку с тумбочки, затем стакан воды. Я вытерла рот, пока он собирал испачканную пластиковую упаковку из мусорного ведра, завязал ее и вынес из комнаты.

Мусорное ведро было дважды или даже трижды выслано, оставляя контейнер готовым к возможному повторению. Даже в дезориентированном состоянии я заметила, что мусорное ведро, мочалка, вода и даже флакон с обезболивающим были расставлены как будто для подготовки. Как будто Кейр знал, что мне будет плохо. Я была не из тех, кто напивается до потери сознания, особенно в дорогом стейкхаусе. Если это не было вызвано алкоголем, тогда что? Наркотики? Это было еще более абсурдно. Но пока я рассматривала свое незнакомое окружение, никаких других объяснений в голову не приходило.

— Кейр, что, черт возьми, происходит? — Спросила я, как только он вернулся.

— Как много ты помнишь?

На нем были боксеры. Не голый, но это еще ничего не значило.

— Не очень много. Я помню, как мы шли на ужин, но не уверена, что помню, как уходили.

Он стоял передо мной, руки на бедрах, глаза настороженные.

— Я собираюсь рассказать тебе, что произошло, но мне нужно, чтобы ты не реагировала слишком остро.

Я язвительно рассмеялась.

— С таким же успехом ты можешь сказать мне делать все наоборот. Я уже на полпути к тому, чтобы выйти из себя. Что, черт возьми, произошло? Меня накачали наркотиками?

Мышцы на его челюсти напряглись.

— Да, и, что еще важнее, мы поженились.

19

Я ждал этого несколько дней. Если бы я не был так уверен, что она отвергнет брак, я бы заранее рассказал ей о своем плане, как я заверил ее отца. Я знал, что это никогда бы не сработало. Она бы отказалась, и это был не вариант. Но как бы тщательно я не понимал, что этот момент будет сложным, я не ожидал ужаса на ее лице или болезненного укуса, который он вызовет.

Роуэн посмотрела вниз на свои дрожащие руки и уставилась на кельтское кольцо, вытатуированное на ее пальце. Это было бы немного сложнее объяснить.

— Что ты наделал?

Она вздохнула, а затем бросила на меня взгляд, полный предательства.

Каждый мускул в моем теле напрягся, чтобы вырваться.

— Я сделал то, что должен был сделать, чтобы уберечь тебя".

Она снова посмотрела на кольцо, ее голова качалась в неверии.

— Нет. Ты лжешь. Я бы никогда не вышла за тебя замуж. Этого никогда не было.

Ее слова были лезвием, пронзившим все, кроме самой последней нити моего контроля.

— Да? Тогда скажи мне, откуда они у меня?

Я открыл запись с камеры на своем телефоне и показал изображение меня с Роуэн, она восторженно улыбалась, держа в руках небольшой букет живых цветов и демонстрируя на камеру свою новую татуировку.

Она вскочила на ноги и выхватила телефон у меня из рук. Один за другим она пролистала мои записи за последние двадцать четыре часа. Наше прибытие в маленькую часовню. Наш поцелуй. Ее улыбка сквозь боль от татуировки. Мы танцуем в ночном клубе, украшенном праздничными декорациями. У меня ушло несколько дней на то, чтобы собрать все воедино, но ночь прошла без сучка и задоринки. Конечно, она была под кайфом, а документы были подделаны, но все это не имело значения. Моя цель заключалась в том, чтобы весь мир узнал, что мы с Роуэн женаты, и теперь они знали.

— Как? Как ты мог сделать это, не сказав мне?

Она подняла голову, глаза остекленели.

— Как ты мог? — Закричала она, а затем швырнула в меня телефон.

Я инстинктивно пригнулся и оскалился, услышав, как он разбился о стену позади меня.

— Я сделал это именно по этой причине, — прорычал я ей в ответ. — Я знал... ты... что это не... Господи Иисусе! — Прорычал я, отворачиваясь, чтобы попытаться вернуть себе самообладание.

Меня еще больше злило то, что я был расстроен, потому что слова, казалось, терялись на пути от моей головы ко рту. Так было всегда. Я научился справляться с этим, сохраняя спокойствие, но, черт возьми, если Роуэн не заставила меня снова почувствовать себя заикающимся ребенком.

— Если ты знал, что я не соглашусь, это должен был быть знак не делать этого.

Я повернулся обратно и заставил свои слова звучать медленно и уверенно.

— Значит, мне можно трахать тебя, но я недостаточно хорош, чтобы стоять рядом с тобой? Так вот как это работает?

Она вздрогнула.

— Нет, у меня... у меня были планы.

— Да, я знаю твои планы. Выйти замуж за светского льва в трусиках, у которого, вероятно, есть тайный фетиш на маленьких мальчиков, и работать на папину кампанию, занимаясь благотворительностью на стороне. Может быть, завести двух или пятерых детей и упиваться своими страданиями каждую ночь. Это чертовски хороший план.

— Ты самонадеянный, снисходительный засранец. Ты ничего не знаешь.

— Ну, я знаю, что твой отец согласился со мной, что брак — лучший способ защитить тебя.

Верно, принцесса. Твой папа знал.

Ее лицо стало таким белым, что я удивился, как она не потеряла сознание.

— Он знает?

Казалось, весь кислород улетучился из комнаты.

— Я сказал ему в тот день, когда отвез тебя домой, когда мы с ним разговаривали наедине. Я не совсем точно описал, как все это будет происходить, но он знал цель.

Ее взгляд метнулся в сторону за долю секунды до того, как она бросилась в ванную, захлопнув за собой дверь и запирая ее. Если бы это был кто-то другой, я бы списал эту вспышку на обычное явление. Люди расстраиваются и выходят из себя. Я бы дал ей время остыть и надеялся, что позже мы сможем обсудить все рационально.

Но это была Роуэн.

Она не поддавалась эмоциям, как другие люди. Мои инстинкты кричали мне, что что-то ужасно не так, но я понятия не имел, что именно.

Я поднял взгляд к потолку, глубоко вдохнул, прежде чем сесть на край кровати. Мне было не по себе покидать ее, поэтому я смирился и решил подождать. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут ее крик и звон разбитого стекла заставили меня вскочить на ноги.

20

Я прислонилась спиной к двери ванной, дыхание стало таким быстрым, что я почувствовала головокружение. Но у Вселенной не было планов позволить мне убежать от реальности. Сбежать от себя.

Прямо напротив меня стояло большое круглое зеркало в золотой раме, и в нем были глаза, которые смотрели на меня с такой невинностью и сердечной болью, что я почувствовала, как мое собственное сердце сгорает в кучку пепла у моих ног. Слезы текли по моим щекам, как реки.

— Я не хотела, чтобы это случилось, — прошептала я девушке в зеркале, придвигаясь ближе. — Я так...

Всхлип застрял у меня в горле.

— Мне так жаль.

Ее руки потянулись ко мне, и на жесточайшую секунду я почти поверила, что она со мной. Что я могу дотянуться до нее сквозь стекло и наконец-то обнять вторую половинку своего сердца.

Она плакала по мне так же безутешно, как я плакала по ней.

Одна и та же боль в сердце, разные причины. Она ненавидела видеть меня страдающей, а мое сердце разрывалось от осознания того, что я никогда не смогу вернуть ее.

Желание было настолько сильным, что я продолжала двигаться вперед, отчаянно пытаясь дотянуться до нее. Но когда кончики моих пальцев наконец коснулись ее, я столкнулась с холодной, жесткой реальностью. Она ушла, и остался только грустный, жалкий экземпляр, который не мог сделать ничего путного.

— Нет, — плакала я. — Пожалуйста, вернись. Пожалуйста.

Я прижала ладонь к зеркалу, и волна за волной сокрушительная печаль била меня изнутри.

— Я не хочу быть здесь без тебя. Пожалуйста.

Несправедливость была такой жестокой. Такой бессмысленной и произвольной. Я не могла больше это выносить. Я не хотела.

Мое лицо сморщилось под тяжестью сокрушительных ожиданий и моих грандиозных неудач. Моя грудь вздымалась от дрожащего дыхания, когда я отвела кулак назад и позволила ему врезаться в садистский мираж жизни, которую я никогда не верну, выпустив крик, наполненный всеми удушающими, душераздирающими эмоциями, гноящимися глубоко внутри меня.

21

Я врезался в дверь с такой силой, что она слетела с петель. Я не стал тратить время на то, чтобы убедить Роуэн впустить меня. Не после того, как услышал в ее крике такую душераздирающую агонию.

Меня мало что трогало — за свои тридцать два года я повидал немало дерьма, но вид Роуэн, качающейся в море битого стекла и крови, заставил меня вздрогнуть.

Девушка, которую я узнал, была оплотом силы. Я уже начал задумываться, не подпитывается ли она бесконечным запасом мужества и решимости, но, увидев ее сейчас, свернувшуюся калачиком и безудержно рыдающую, я понял, что мне наконец-то показали настоящую Роуэн. Мне было неприятно, что толчком послужило замужество за мной, но не настолько, чтобы отказывать ей в помощи. В тот момент я бы вырезал свое собственное сердце и отдал его, если бы это принесло ей утешение.

— Ро, детка. Я здесь. Я держу тебя.

Я поспешил к ней, не обращая внимания на осколки зеркала под моими босыми ногами. Я просунул одну руку под ее колени, а другой обхватил ее спину, чтобы поднять ее, прижимая к себе, как ребенка.

Она обхватила меня руками за шею и прижалась ко мне так, словно я был самым Богом, пришедшим забрать ее домой. Такая открытая уязвимость была бальзамом, который залечивал все раны. Любая затянувшаяся обида, которую я почувствовал на ее вспышку, мерцала и умирала под ее удушающей хваткой.

То, что ее расстроило, не было связано со мной или с тем, что я сделал. Это было что-то более глубокое — зазубренная эмоциональная рана, которая изменила ее изнутри. Все, что я сделал, это вытащил ее на свет.

Я усадил ее на трюмо, но руки надежно обхватили ее.

— Выпусти это, Роуэн. Тебе нужно это выпустить, — мягко сказал я.

Моя поддержка была лицемерной, учитывая, что я редко проявлял эмоции за пределами своего домашнего спортзала, но она не была мной. Я нашел способ открыть клапан и сбросить давление. Что-то подсказывало мне, что у Роуэн нет выхода. Она была бомбой замедленного действия, и что-то в нашем браке загло это фитиль.

Я впитывал каждый ее содрогающийся всхлип, и ее слезы оставляли на мне следы, намного превосходящие соль, оставшуюся на моей коже. В конце концов, она восстановила контроль над своим дыханием и расслабилась в моих объятиях. Долгие минуты прошли в молчании, прежде чем она наконец заговорила.

— Ее звали Айви.

Шепчущий голос Роуэн был хрупким, как одна снежинка, упавшая с неба.

— Мы были идентичны во всех отношениях. Она была моей второй половинкой. Не просто сестра, она была мной, а я — ею. Мы были двумя половинками одного целого.

Господи Иисусе. Как я мог пропустить это?

Почему я не знал, что у Александра было две дочери? Я изучал его связи и деловую историю, бегло просмотрел Роуэн, но мне никогда не приходило в голову искать умершего брата или сестру.

Теперь все стало намного понятнее. Ее сердце было разбито много лет назад, и оно так и не зажило. Если бы я мог, я бы переделал мир и построил его заново с ее сестрой, живой и здоровой. В тот момент я понял, что отдал бы все, чтобы избавить ее от боли.

Но я все еще не понимал, как все это связано с нашим браком. Как женитьба на мне открыла эту рану? У меня было так много вопросов, которые я хотел задать, но она не была готова. Я должен был позволить ей объяснить все на ее собственных условиях, поэтому я продолжал обнимать ее и слушать.

— Айви умерла, когда нам было шесть лет. Наша семья была опустошена. Отец был поглощен работой, мама половину дня сидела на снотворном, и никто из них не мог смотреть на меня подолгу, не разрыдавшись и не бросившись прочь. Мое лицо было постоянным напоминанием о том, что мы потеряли. Мы не могли убежать от этого. Я не могла от этого убежать.

Неудивительно, что она не любила зеркала. Крашенные волосы и обильный макияж — все это теперь имело смысл. Она пряталась от самой себя.

Черт, это было жестоко. Я даже представить себе не мог, каково это было.

— Мне чертовски жаль, Роуэн.

— Эта жизнь, которой я живу, она не моя собственная.

Она наконец подняла голову и посмотрела на меня налитыми кровью глазами.

— Я живу ради нее и ради моих родителей, потому что я — все, что у них осталось. Они так много страдали, а я лишь хотела принести им радость. Дать им в жизни то, что они хотели для меня и для Айви. Ты бы видел папу, когда я сказала ему, что Стетсон пригласил меня на свидание.

Мельчайший намек на улыбку заиграл в уголках ее губ.

— Он был так чертовски взволнован. Я сделала для них все, абсолютно все. А теперь мне кажется, что все это было напрасно. Если моя связь с твоей семьей запятнает карьеру моего отца, я стану еще одним источником потерь и разочарований. Мои чувства к тебе и причины, стоящие за всем этим, не имеют никакого значения.

Она беспомощно покачала головой.

— Это неправда.

Я остановил ее.

— Помнишь, я разговаривал с твоим отцом, и единственное, о чем он беспокоился, это о твоей безопасности. Это было очень важным для него. Он понял, что это был лучший выход.

Облегчение пронеслось через меня, когда ее взгляд вернулся к моему, и она медленно кивнула.

— Я снова устроила беспорядок, — прошептала она, переведя взгляд на мое плечо. — И у меня везде кровь.

Она издала вздох, который был наполовину смехом, а наполовину рыданием.

— Клянусь, я не всегда такая сумасшедшая.

Мне пришлось прикусить щеку, чтобы не рассмеяться.

— У всех нас бывают моменты.

Я отстранился, чтобы взять ее руку в свою и осмотреть повреждения.

— Ты разбила костяшки пальцев, но я думаю, мы сможем привести тебя в порядок без поездки в скорую.

— Хорошо, потому что я не фанатка, — проворчала она.

— Я запомню это. Еще какие-нибудь мелочи, которые мне следует знать?

Она опустила ноги в ванную и покачала головой, ее нижняя губа была зажата между зубами. Черт возьми, если бы она не была самой сексуальной, самой завораживающей женщиной, которую я когда-либо видел. И теперь она была моей, хотела она этого или нет. Что касается меня, то я как никогда был убежден, что мы не просто так пошли по этому пути. Роуэн была предназначена для меня, и так или иначе, я найду способ доказать ей это.

22

Развернувшись, я свесила ноги через край тумбы, стараясь держать окровавленную руку над раковиной. Кейр копался в шкафах, пока не нашел несколько средств первой помощи, а затем вымыл мне руку. Я смотрела, как он наливает перекись на мои костяшки и осторожно вытирает руку насухо.

Я чувствовала себя как пустая яичная скорлупа, мои внутренности были высосаны до полной пустоты.

Пока Кейр не поднял мою руку и осторожно подул на костяшки пальцев. Он хотел лишь высушить мою кожу, но я готова была поклясться, что почувствовала его дыхание в своих легких, наполняющее меня теплом.

— Где мы? — Спросила я, пока он обматывал марлей мою руку.

— У друга в Вирджиния-Бич.

— Вирджиния! Мы на пляже? Как мы сюда попали?

Я напрягла уши, чтобы услышать шум воды, но ничего не услышала.

— Да, пляж совсем рядом, — подтвердил он с оттенком веселья. — Мы прилетели сегодня. Ты была без сознания, поэтому точно ничего не помнишь.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не закинул меня в чемодан.

— Это было так, или полет в стиле "Выходные у Берни" с бессознательной женщиной в инвалидном кресле.

Он ухмыльнулся.

— У нас есть самолет, Роуэн. Все это время ты комфортно спала на кожаном кресле.

Услышав, как он произнес мое имя, я вспомнила, как кричала на него у него дома, требуя, чтобы он не называл меня мисс Александер.

Новая порция слез стекала с моих ресниц на рубашку. Его рубашку.

Он, должно быть, заметил, потому что замолчал, а затем поднял мое лицо к своему, безмолвно требуя объяснений.

— Мне так жаль... за все это. За то, что накричала на тебя. За то, что разбила вещи, которые тебе даже не принадлежат.

Я жестом указала на осколки зеркала, все еще разбросанные по полу.

— За то, что втянула себя в неприятности. За все.

Мой голос полностью иссяк к тому времени, как я закончила свои извинения.

Кейр смахнул мои слезы большим пальцем.

— Нет ничего такого, что нельзя было бы исправить.

Его взгляд переместился на мои волосы, его пальцы медленно пробирались сквозь беспорядочные пряди.

— Вот почему ты красишь волосы. И наносишь макияж?

Я кивнула.

Ты все смыл.

— Я думал, что должен был. Разве женщины не должны снимать макияж перед сном?

Маленький смешок зашевелил мои легкие.

— Да, я просто не ожидала этого. Я пользуюсь крошечным зеркалом только для того, чтобы накладывать макияж, поэтому никогда не вижу всей картины. Если я случайно наткнулась на зеркало в течение дня, прическа и макияж мешают мне увидеть ее. Когда я вошла сюда, она как будто стояла там и ждала меня. Я как будто потеряла ее.

— Я скажу это только один раз, а потом мы поедим на кухню и посидим на заднем крыльце. Тебе нужно поговорить с кем-нибудь обо всем этом. С профессионалом.

Его тон был добрым, но твердым.

Я не стала с ним спорить. Да и как я могла? Очевидно, что я справлялась не так хорошо, как думала. На самом деле, с тех пор, как Кейр ворвался в мой мир, каждый день был еще одним доказательством того, как плохо я справлялась с потерей сестры.

— Повязка надежна, и мы очистились от осколков, так что ты можешь спокойно идти.

Я соскочила со стойки и последовала за ним в спальню. Это было прекрасное помещение, оформленное в бледно-бежевых, голубых и белых тонах в честь великолепного пейзажа за окном. Когда я только проснулась, я даже не заметила береговую линию сквозь прозрачные шторы. Я была слишком расстроена и дезориентирована.

— Переоденься. Здесь теплее, чем дома, но все равно прохладно.

Он указал на один из чемоданов, которые привезли в дом моих родителей. Надеюсь, это был не тот, который был заполнен танцевальными принадлежностями и фаллоимитаторами.

Рада видеть, что твое чувство юмора не так мертво, как у меня.

У меня перехватило дыхание. Эй, ты.

Не плачь. Ты уже достаточно наплакалась сегодня. Надень что-нибудь теплое и иди поговори с этим великолепным мужчиной.

Я подавила улыбку и покачала головой, открывая сумку и перебирая ее содержимое.

— Что-то смешное?

Кейр надел футболку с длинными рукавами Henley в дополнение к джоггерам, которые уже были на нем.

— Мне кажется, если я тебе расскажу, ты подумаешь, что я сумасшедшая, но, учитывая, что ты, вероятно, уже так думаешь, думаю, вреда не будет.

Я накинула тяжелую толстовку на голову.

— Айви как бы живет в моей голове. Я говорю с ней, а она говорит со мной.

— Ты права. Это довольно погано.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на него, шокированная тем, что он был так резок, но увидела, что он улыбается самой восхитительной, игривой улыбкой, которую я когда-либо видела.

— О, это было просто подло, — сказала я издевательски, швырнув в него одну из своих рубашек.

— Черт, моя жена любит швыряться вещами.

Вся легкомысленность испарилась, когда наши глаза встретились. Жена. Мы были женаты. Я не была уверена, насколько это законно, но я также не была уверена, что это имеет значение.

Кейр прочистил горло.

— Давай поедим. Тебе нужно немного еды, чтобы вывести из организма наркотики.

Кейр порылся в холодильнике и выбрал мясо, сыры и фрукты на обед, а затем присоединился ко мне у барной стойки.

— Знаешь, учитывая, что ты крупный бандит, ты неплохо умеешь заботиться о людях — я имею в виду не в смысле "шесть футов под землей", хотя и в этом ты тоже можешь быть хорош. Я бы предпочла этого не узнавать.

— Я просто человек, не больше и не меньше.

— Ммм, я не уверена в этом.

— Нет?

Я покачала головой, отщипывая виноградину в рот.

— У тебя есть это качество "больше, чем жизнь".

Он надулся.

— Подожди, пока не познакомишься с моим отцом. Он заполняет комнату так, как никто другой из моих знакомых.

Мне пришло в голову, что я ничего не знаю о его семье.

— Расскажите мне о нем и о своей маме. У тебя есть братья и сестры?

Он кивнул.

— Трое, все младшие. Мой брат, Куинн, потом девочки, Нора и Мэв. Она младшая, ей только исполнилось двадцать четыре года.

Младшая? Она была на два года старше меня.

Я подняла на него глаза.

— Так... сколько тебе лет?

Его взгляд встретился с моим.

— Тридцать два.

Ого, на десять лет старше. Это очень круто, Ро. Подумай обо всем, чему он может тебя научить.

Кровь прилила к моим щекам.

— Это проблема? — Спросил он, хотя в его голосе не было никакого беспокойства.

— Нет.

— Хорошо. Бери тарелки и пойдем на улицу.

Он собрал оставшуюся посуду и подошел к огромной раздвижной стеклянной двери.

Мы поставили тарелки на двухместный шезлонг с видом на берег. Между нами и волнами лежал небольшой ряд поросших травой дюн, но дом стоял достаточно высоко, чтобы видеть их. Небо было пасмурным, а журчащая вода — грязно-коричневой, но все равно было красиво. Непрерывный шум волн напоминал о том, что жизнь — это нечто большее, чем совокупность моих текущих проблем.

Мы сидели вместе на шезлонге, мои скрещенные ноги время от времени соприкасались с его бедром, посылая всплеск мурашек к более интимным местам. Мы ели и наблюдали за чайками. Некоторые подлетали поближе в надежде полакомиться нашими остатками. Я с трудом могла осознать, что сижу на пляже и обедаю со своим новым мужем.

Кейром Байрном. Значит ли это, что я Роуэн Байрн? Наверное, да, но все это казалось таким странным. Как долго это продлится? Конечно, он не хотел, чтобы это было навсегда.

— Кейр? — Рискнула я, нарушив наше комфортное молчание.

— Хм?

— Почему ты это сделал?

Я не стала объяснять, что я имела в виду. Мне и не нужно было. Он знал. Однако, как только слова были произнесены, часть меня пожелала проглотить их обратно. Я не была уверена, хочу ли я услышать его ответ. Я чувствовала себя как школьница, которая спрашивает у своего приятеля на детской площадке, нравлюсь ли я ему. Это казалось абсурдным, но такова была и вся моя ситуация.

— Человек, которого ты видела — человек со шрамом — невероятно опасен. Единственный способ заставить его дважды подумать о том, чтобы прикоснуться к тебе — это заявить на тебя права. Таким образом, у него будет правительство и ирландцы, с которыми ему придется бороться, если с тобой что-то случится.

Его ответ был вполне логичен, так почему же он меня задел? Чего именно я ждала от него, признания в безответной любви ко мне?

Он хотел обезопасить тебя. Это о чем-то говорит, верно?

— Полагаю, я должна поблагодарить тебя. Не могу представить, что ты хотел оказаться женатым ни с того ни с сего.

— Это определенно не то, как я представлял себе развитие событий, — пробормотал он, устремив взгляд на горизонт.

Еще одна вспышка боли подтвердила мои подозрения. Я хотела, чтобы Кейр хотел меня. Не просто защищал меня или чувствовал долг по отношению ко мне, я хотела, чтобы он видел во мне нечто большее.

Я и так была не промах.

— Так зачем было везти меня сюда?

Наша уловка не требовала импровизированного медового месяца.

— Дать тебе время на обработку и на то, чтобы слухи распространились.

Он отправил в рот кусок сыра, совершенно забыв о том, какой эффект произведут его слова.

Пища в моем желудке стала прогорклой.

Новость о нашей свадьбе должна была появиться во всех газетах и разлететься по социальным сетям. Дочь губернатора сочетается браком на церемонии с бандитом.

Стетсон будет раздавлен.

Я стояла на шатких ногах.

— Эм, где мой телефон? Мне нужен мой телефон.

— В твоей сумочке рядом с чемоданом.

Я оцепенело кивнула.

— Я вернусь... Мне просто нужно...

Я побрела обратно в дом, не закончив свою мысль. Мой телефон, к счастью, не разрядился и показывал несколько пропущенных сообщений от Стетсона со вчерашнего дня с вопросами о планах на выходные. После этого ничего. Он знал. Я нутром чуяла, что он знает.

Боже, что за дерьмовый поступок. Я чувствовала себя абсолютно несчастной.

Душевная боль привела меня обратно в ванную, где я подошла к трюмо, на этот раз готовая встретиться с девушкой в зеркале. Впервые с тех пор, как я была маленькой девочкой, я посмотрела на это лицо. Действительно смотрела.

— Мне жаль, Ви, — прошептала я ей. — Надеюсь, ты понимаешь все, что я сделала — я не могла оставить ее там одну. Надеюсь, ты понимаешь.

Я могу поклясться, что отражение подняло руку в мою сторону.

Я бы сделала то же самое, Ро. Ты молодец.

— Люблю тебя, сестренка, — сказала я со слезами на глазах.

Люблю тебя еще больше.

23

— Эй, Кейр?

Я нашла его на кухне, когда он убирал нашу посуду.

— Да?

Он положил последнюю тарелку в раковину и подошел ко мне.

— Я бы хотела помыться — чувствую себя довольно мерзко, но я не уверена, что делать с повязкой.

Я не была уверена, почему я спрашиваю его об этом, кроме того, что именно он перевязал мою руку. Это, а также тот факт, что моя голова все еще болела, а решения казались тяжелыми.

Он продолжил идти вперед и взял мою руку в свою, медленно отводя ее в сторону, как бы осматривая повязку.

— Я могу помочь с этим.

Грубое хрипловатое звучание его голоса высасывало все мысли из моего мозга. Мне повезло, что я вспомнила, как дышать, и кивнула в знак согласия.

Он подошел к ящику на краю кухни и порылся там, пока не нашел пару резиновых лент, затем вернулся.

— Пойдем со мной.

Он взял меня за руку и повел в другую ванную комнату, не такую роскошную, как хозяйская, но все же роскошную и гораздо менее опасную для босых ног.

— Давай сначала снимем толстовку.

Я сделала, как он велел, а затем наблюдала, как он обернул полотенце для рук поверх моей повязки и закрепил резинками разбитый кулак.

— Ты все равно не сможешь опустить ее в воду, но это убережет от брызг.

Теперь моя рука была полностью недееспособна. Я посмотрела вниз на футболку, которая все еще была на мне, решив, что наверняка смогу снять ее сама, но прежде, чем я успела попытаться, большое тело Кейра заполнило мой обзор.

— Позволь мне, — вздохнул он.

И снова я кивнула.

Его руки очень медленно подняли ткань вверх, кончики пальцев по пути задевали мои бока. Мои легкие начали болеть, пока я не поняла, что задерживаю дыхание. Я вдохнула, отчего моя голова закружилась. С другой стороны, это могло быть реакцией на то, что Кейр присел передо мной на корточки, чтобы стянуть мои джоггеры. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего живота.

Мурашки заплясали по моей коже.

Кейр просунул пальцы в пояс моих брюк и трусиков, спустил их дюйм за дюймом на мои бедра и позволил своим рукам продолжить медленный путь вниз даже после того, как ткань упала на пол.

— Ты не получил свою порцию, когда переодевал меня из платья прошлой ночью?

Небольшая часть моей типичной язвительности всплыла на поверхность, когда я поняла, что он, должно быть, переделал меня.

Он встретился с моими глазами, его жидкая лазурь была окольцована лесом густых ресниц, затем поднялся, не разрывая нашей связи.

— Я дважды переодевал тебя, и нет, я не уверен, что мне когда-нибудь надоест твое тело.

Его ответ взволновал меня почти так же сильно, как вид его обнаженного тела, когда он снял рубашку и брюки, прежде чем шагнуть в душ.

— Ты тоже идешь в душ? — Пролепетала я.

Он замолчал.

— Это проблема? Было бы трудно помыть тебя снаружи.

Помыть меня?

Да, ловко. А что, по-твоему, происходит?

Я не знаю! Мой мозг слишком мутный, чтобы думать.

— Нет, я... просто... ты не мылся со мной в прошлый раз.

Я подошла к стеклянной двери и нерешительно шагнула внутрь.

— С тех пор многое изменилось.

Он отвел мою перевязанную руку от брызг, но у меня возникло ощущение, что он говорит не о моей руке. Совсем нет. Он взял лейку и начал смачивать мои волосы.

Я стояла, застыв на месте, пока Кейр Байрн мыл мои волосы шампунем и кондиционером. Когда он вылил на руку каплю средства для мытья тела, у меня чуть не перехватило дыхание.

Мы со Стетсоном впервые занялись сексом через месяц после начала наших отношений. Он не был моим первым, но он был самым серьезным парнем, который у меня когда-либо был. Ни разу за почти год секса с ним он не делал со мной ничего настолько интимного, как то, что сейчас делал Кейр. Он был весь в татуировках и шрамах и мог быть резким, когда хотел, но то, как он прикасался ко мне, было не что иное, как благоговение.

Он заставлял меня чувствовать себя желанной. Защищенной. Красивой. И все это даже не пытаюсь.

В его действиях в душе не было ничего откровенно сексуального, но его голод по мне ощущался в каждом прикосновении. Костяшки пальцев со шрамами касались нижней части моей груди. Мозолистые ладони скользили по моим бедрам. Когда его намыленные руки скользнули по внутренней стороне моих бедер, поднимаясь выше, к моей ложбинке, я

подумала, что могу потерять сознание от сильного возбуждения.

Как я могла так возбудиться от человека, который похитил и женился на мне после того, как накачал меня наркотиками до беспамятства? То, что он предварительно поговорил с моим отцом, не имело никакого значения. Это была моя жизнь, которую он разрушил. Да, он пытался помочь. Да, меня неприлично влекло к этому мужчине, но разве это отменяло все остальное — тот факт, что наше участие могло навредить репутации моего отца? Тот факт, что он обманул меня, и все наши фальшивые отношения были иллюзией, служившей только для того, чтобы обезопасить меня?

Ты слишком много думаешь об этом, Ро.

Разве? Может, хоть раз мне стоит больше думать и меньше отрицать правду. Я испорчена, а он преступник — какие у нас могут быть отношения?

— Думаю, я готова выйти, — сказала я, задыхаясь, содержимое моего желудка становилось все более тревожным. — Спасибо.

Я встретила его непроницаемый взгляд, прежде чем шагнуть в прохладный воздух ванной комнаты. Я вытерлась полотенцем, заставляя себя не смотреть, пока Кейр принимал душ, затем схватила свою одежду и убежала, чтобы побыть наедине.

Сняв полотенце, я смогла одеться и расчесать свои спутанные волосы. Я даже почистила зубы и уже чувствовала себя наполовину человеком, когда вернулась в гостиную и обнаружила Кейра, смотрящего телевизор на диване.

Боже, как это должно было сработать? Мне казалось неправильным просто обниматься с ним рядом. Мы знакомы всего неделю! Но за это короткое время мы многое пережили вместе.

Я сделала все возможное, чтобы позволить своим инстинктам руководить мной, села рядом с ним, но постаралась, чтобы между нами оставался фут пространства.

Мы оба уставились в телевизор — документальный фильм о Второй мировой войне. Могло быть и хуже, хотя я и не была настроена на это.

— Я могу переключить, если хочешь, — предложил Кейр через минуту.

— Нет, это нормально. Мне нравится история.

Кейр хмыкнул.

Неловкость, казалось, усиливалась с каждой секундой, пока он не вздохнул и не подхватил меня на руки, усадив рядом с собой. Он обнял меня, заставляя расслабиться и прижаться к его боку. Мгновенно напряжение спало, словно недостающий кусочек головоломки встал на место.

Мы сидели вместе и смотрели телевизор, пока не пришло время заказывать ужин. Это был один из самых спокойных послеобеденных дней, которые я могла вспомнить за долгое время.

— Твоя семья знает, что происходит? — Спросила я, когда мы снова уселись у кухонного острова, разбирая только что привезенный заказ.

Он заказал достаточно еды для небольшой семьи. Хотя, учитывая его размеры, для него это была обычная еда.

— Нет причин держать это в секрете.

Похоже, это правда. Мне было интересно, как они к этому относятся. Волновало ли их, что я не ирландка? То есть, у меня в крови были ирландские корни, но не так, как у Байрнов. Возможно, они бы предпочли, чтобы он женился на какой-нибудь полностью ирландке и не такой... законопослушной. Конечно, ему было тридцать два года, и он не был женат, так что,

возможно, они были просто рады, что он остепенился.

Вот черт. Был ли он женат раньше? Конечно, он ни с кем не встречался, когда я его встретила.

Укол ревности ударил мне между ребер. Мне не нравилась мысль о том, что у него есть кто-то еще. Неужели он пройдет через все это и все равно планирует найти ирландку позже? Не похоже было, чтобы этот брак был настоящим.

Успокойся, тигрица. Ты глубоко ныряешь в эту кроличью нору.

Ну, да. Весь этот неожиданный брак с гангстером для меня в новинку. Я ворчала в ответ на Айви.

А ты всегда была так хороша в адаптации к переменам. В голосе Айви прозвучал сарказм.

Легко говорить это мертвой девушке.

Ауч!

Я ухмыльнулась.

— У тебя опять это выражение лица, — пробормотал Кейр. — Как будто кто-то рассказал анекдот, но только ты знаешь его смысл.

Мои глаза округлились.

— Я ничего не могу с этим поделать. Она довольно бойкая.

Он поднял одну бровь.

— Да, полагаю, я тоже могу быть такой, когда захочу.

Он откусил огромный кусок от своей хлебной палочки и пристально посмотрел на меня.

— Ну, любой по сравнению с тобой — болтушка Кэти.

Он медленно покачал головой, закончив жевать.

— Клянусь, за последнюю неделю я сказал тебе больше, чем за последний год.

Мои щеки потеплели.

— Думаю, я приму это как комплимент, — мягко сказала я.

Он откусил еще кусочек, его глаза потемнели так, что это не должно быть законным.

Остаток ужина мы почти не разговаривали, и к тому времени, когда мы все убрали, волна усталости грозила затянуть меня под себя.

— Думаю, я готова завершить вечер, — сказала я Кейру.

— То же самое, я не спал много прошлой ночью.

— Видимо, у тебя было много дел.

Я встала и выключила соседнюю лампу.

— Это, и я не хотел спать, пока ты была под наркотиками. В конце концов, рано утром я решил, что с тобой все в порядке.

Так вот почему мы оказались в одной постели. Это не было заявлением о нашем новом семейном положении. Разочарование сделало каждый мой шаг намного тяжелее.

— Я могу остаться сегодня в одной из других комнат, — тихо предложила я.

Я бы не стала винить его, если бы он тоже захотел немного пространства, чтобы все обдумать.

Его рука нежно зацепила мои волосы и притянула меня к себе. Его пристальный взгляд застал меня врасплох, выбив воздух из моих легких.

— Моя кровать — это твоя кровать. Если я проснусь один, я не буду счастлив. Понятно?

Черт возьми, почему мне захотелось сказать "да, сэр"? Это было на кончике моего языка, но я сдержалась и вместо этого кивнула.

Он издал мужественный рык, затем шлепнул меня по заднице.

— Хорошо, теперь продолжай двигаться.

Внезапно я почувствовала, что не так уж и устала.

24

Я достаточно долго наблюдал за тем, как Роуэн спит предыдущей ночью, чтобы уже быть уверенным, что мне хватит. Но каждый раз, когда я узнавал о ней больше, это меняло мое представление о ней. Вчера она вывалила на меня целую гору информации. Мы оба были измотаны после насыщенных событиями двадцати четырех часов и рано отключились. Я проснулся на следующее утро, когда солнце согрело горизонт, и у меня появилась возможность еще раз посмотреть, как спит моя молодая жена.

Без макияжа она выглядела невинно. Россыпь веснушек и нежность. Однако знание того, через что ей пришлось пройти, заставило меня увидеть ее в другом свете. Этой девочке пришлось повзрослеть гораздо быстрее, чем следовало. Неудивительно, что она не была похожа на других женщин ее возраста. Ей рано пришлось лепить себя, чтобы выжить, украв у себя детство.

Я видел и делал много дерьма в своей жизни, но мое детство было счастливым. Мне никогда не приходилось сталкиваться с личными потерями, пока я не достиг зрелого возраста. Я не мог даже представить, каково было ей.

Александр был порядочным человеком, и, вероятно, он справился с ситуацией наилучшим образом, на который был способен в то время, но меня все равно раздражало, что боль Роуэн не была учтена. У меня было ощущение, что она была тем клеем, который держал их вместе — вот почему карьера ее отца и роль Маленькой Мисс Совершенство были так чертовски важны для нее.

Ее отец никогда не должен был позволять ей играть эту роль. И позволять ей встречаться с Веллингтоном, как с какой-то находкой? Когда дело касалось его дочери, Александр держал голову на отшибе.

Мое внезапное раздражение заставило меня подняться с кровати. Мне нужно было двигаться, что-то делать. Мой отец уже должен был встать. Он всегда вставал рано, так что пора было проверять семью.

Я накинул одежду и пошел через весь дом к столу для завтрака, надеясь, что мой голос не слышен. Роуэн нужно было выспаться.

— Привет, парень. Мне не терпелось услышать тебя, — сердечно поприветствовал отец.

— Привет, пап. Извини за ожидание. У нас много всего произошло.

— Могу себе представить.

В его голосе явно слышался намек.

Я закатил глаза.

— Я знаю, ты думаешь, что я хороший, но девушку накачали наркотиками, похитили и выдали замуж. Она была не в настроении, когда проснулась. Все было... сложно.

— Эх, она это переживет. Ты уже поговорил с Александром?

— Нет, папа. У меня не было времени.

Мое терпение истощилось.

— Он хорошо осведомлен о ситуации. Мы можем поговорить с ним о комиссаре, когда я вернусь.

— Назначение состоится скоро, вот и все. Иначе я бы не стал на тебя давить. Я знаю, у тебя много дел.

— Теперь, когда я женат на Роуэн, у нас будет достаточно доступа к Александру. И я знаю о сроках. Я сделаю все, что смогу.

Если бы я не дал ему какую-то гарантию, он бы преследовал меня без устали.

— Хороший мальчик. Я горжусь тобой, сынок.

— Гордиться нечем, но я ценю это.

Это не было похоже на то, что я открыл источник чистой энергии или что-то столь же важное. Для моего отца это не имело значения. В нашем мире семья была всем, а стратегический брак был высшим проявлением преданности.

— Скоро увидимся.

— Пока, пап.

Я положил трубку и с тяжелым вздохом откинулся на спинку кресла, переведя взгляд на Роуэн, стоявшую в дверях гостиной. На ней все еще была моя футболка, что чертовски меня радовало, но вместо того, чтобы наслаждаться этим зрелищем, мое тело напряглось от предательства, написанного на ее лице. Это было ясно видно даже через большую гостиную. Она все слышала. Твою мать.

— Вот что это было с самого начала, не так ли? Как я могла быть такой глупой? — сказала она с усмешкой, ее глаза в недоумении метались по комнате.

— Роуэн...

— Нет! Не называй меня так. Я мисс Александер, помнишь? Это важная часть, не так ли?

Она вышла вперед, расправив плечи.

— Знаешь, я не была в восторге от того, что ты женился на мне только для того, чтобы меня не убили, но знать, что моя безопасность даже не была главной причиной, довольно дерьмово. И я была готова выйти замуж за Стетсона, так что ты знаешь, что мои стандарты не так уж и высоки.

Она вырывалась, каждая частичка обиды перерастала в цинизм и гнев.

Я должен был это исправить. Мы двигались в правильном направлении, но это могло все испортить. Я придвинулся ближе, не так близко, как хотелось бы, но я не хотел ее раздражать.

— Это не имеет никакого отношения к твоему отцу.

— Это звучало совсем не так несколько минут назад.

— Это был мой отец. Для него это именно так. Для меня все сложнее.

— Сложнее — это просто другой способ сказать, что я солгал. Как я могла быть такой наивной, думая, что кто-то вроде тебя женится на мне только для того, чтобы поиграть в героя?

Она с отвращением размахивала руками, расхаживая взад-вперед.

— И вот мы играем в дом, в то время как эта бедная девушка подвергается настоящему аду. Что со мной не так? Моя безопасность не стоит того, чтобы позволить ей так страдать.

Ее лицо ожесточилось, когда она снова обратила ко мне стальной зеленый взгляд.

Отвези меня домой. Сейчас же.

— Нет.

Железо столкнулось с железом.

Ее глаза сузились до злобных щелок.

— Нет?

Она расправила плечи.

— Отлично, тогда я сама отвезу себя домой. Ты мне не нужен был тогда, и ты мне не нужен сейчас.

— Ты пока не собираешься возвращаться, Роуэн, так что успокойся и слушай.

— Нет, это ты слушай.

Она указала пальцем на меня, сокращая расстояние между нами.

Я сбежала однажды, и я не буду делать этого снова. Мы нужны этой девушке. Мне, блять, плевать, какой опасности я подвергаюсь, потому что я не хочу жить жизнью, если она достается ценой кого-то другого. Ты хочешь доступ к моему отцу? Отлично, ты получил его. А теперь давай вернемся домой и спасем девочку, пока не стало слишком поздно.

Она спряталась в шкуру своего воина, заблокировав каждую унцию уязвимости, которую она позволила себе накануне. Все, чего мы добились, было стерто в мгновение ока.

Разочарование испепелило последние остатки моего терпения. В каком-то смысле она имела право быть расстроенной, но она была не единственной. Я делал все, что мог, в трудной ситуации. Ее отец сыграл определенную роль в моих решениях за последнюю неделю, но все было гораздо сложнее, и я не собирался позволить ей отбросить другие факторы только потому, что она обижена.

— Когда я говорю, что все сложно, я имею в виду именно это.

Я подошел ближе, мои слова, как ножи, разрезали воздух между нами.

— У меня есть опасения, что моя семья связана с торговцами людьми.

Глаза Роуэн расширились, а ее губы разошлись в шоке.

— Когда ты пришла просить меня о помощи, я изучил Веллингтон. Я даже сидел возле его проклятого дома, наблюдая за ним, и тогда я увидел мужчин с оружием, которое, я уверен, было приобретено у моей семьи. Опасные люди с оружием, которого у них не должно быть, входили в дом Веллингтона как желанные гости. Вот почему я вытащил тебя из класса на следующий день, чтобы сказать, что я помогу. Потому что если бы все это было ради того, чтобы добраться до твоего отца, я бы воспользовался возможностью, как только ты вошла в Моху. Ты была легкой добычей. Но я этого не сделал, потому что не хотел ставить тебя в затруднительное положение. Ты думаешь, я бы женился на ком угодно, чтобы защитить его? Я сделал это для тебя, потому что мне не все равно — кажется, даже больше, чем следовало бы.

Я прошел мимо нее в спальню и захлопнул за собой дверь.

25

Как можно было облажаться столько раз, черт возьми?

Я была настолько сосредоточена на своих проблемах и боли, что даже не подумала о том, что у Кейра могут быть свои проблемы. Бешеный поток эмоций, вырвавшихся на свободу за последнюю неделю, подорвал мою способность мыслить ясно. После долгих лет подавления они вырвались на свободу.

Я чувствовала себя такой неуправляемой. Такой потерянной, черт возьми.

И теперь я причинила боль единственному человеку, который пытался помочь. Человеку, который увидел мою расколотую правду под глянцевой внешностью и все равно хотел меня.

Стыд был слишком силен, чтобы его сдерживать. Я была пульсирующим клубком боли, опутанная цепями своих ошибок.

Я говорила такие ненавистные вещи. Я даже не узнавала себя.

Я хотела только одного — поступать правильно по отношению к тем, кто мне дорог, но

я постоянно терпела неудачу.

Все, о чем я могла думать, выходя на улицу — это то, что это должна была быть я. Я должна была быть близняшкой, которая умерла в тот день.

Я заслужила смерть.

В конце концов, это была моя вина.

Только моя вина.

Во всем была моя вина.

26

Уход от Роуэн не помог ситуации, но мне нужно было остыть. Самое неприятное заключалось в том, что она не была истинным источником моего гнева. Я был расстроен на своего кузена за то, что он ввязался в дерьмо, в которое не должен был ввязываться. Я был раздражен на отца за то, что он думал, что мои действия вращаются вокруг проклятого губернатора. Я был в ярости от того, что Роуэн была в опасности. И, возможно, хуже всего, я злился на себя за то, что набросился на нее, когда она уже столько пережила. Я должен был просто радоваться, что она вообще со мной разговаривает, но ее намек на то, что она нужна мне только для того, чтобы получить доступ к ее отцу, задел меня за живое. Мне стало интересно, видит ли она меня вообще.

Я просидел в спальне полчаса, прежде чем справился с эмоциями настолько, что был готов снова поговорить с ней и все уладить. Но когда я вернулся в гостиную, Роуэн там не было.

Я позвал ее по имени, но ответа не последовало.

От волнения у меня на затылке зашевелились волоски, когда я заметил ее на задней веранде.

Черт возьми.

Морозящий дождь вымочил ее до нитки. Я поспешил на улицу, где она сидела на голеньях, устремив невидящий взгляд в сторону океана. Все ее тело дрожало от холода.

— Роуэн, детка. Черт, иди сюда.

Я начал поднимать ее, но она вцепилась в мои руки, чтобы остановить меня.

— Н-н-нет, ты д-д-должен знать...

Ее зубы стучали так сильно, что она едва могла говорить.

— Ты можешь рассказать мне внутри. Мне нужно согреть тебя.

Она настойчиво покачала головой, но я проигнорировал ее, подняв на руки. От прикосновения ее холодной кожи к моей у меня свело живот.

Я набрал теплую ванну, стараясь не перегреть ее. Она была такой холодной, что все, что было теплее теплой воды, казалось огнем. Пока ванна наполнялась, я снял с нее промокшую футболку и трусики. Я оставил ее перевязанную руку. Ванна не должна была намочить ее еще больше, чем она уже была.

Роуэн стояла, дрожа, не выражая протеста. Казалось, она была в трансе, и это меня чертовски пугало.

Я никогда не паниковал по любому поводу. Даже когда я был молод, у меня случались вспышки разочарования и гнева, но страх и паника никогда не были проблемой. Это было не про меня. И все же эта женщина, похоже, изменила мою ДНК, заставив меня думать и чувствовать то, о чем я даже не подозревал.

Мои мысли роились в бешеном ритме, не давая возможности сосредоточиться.

Почему она так поступила с собой? Может ли ванна достаточно быстро поднять ее

температуру? Откуда, черт возьми, мне знать, наступила ли уже гипотермия?

Нетерпение заскребло под кожей, требуя, чтобы я двигался быстрее.

Я разделся, затем расположился в ванне так, чтобы она сидела передо мной, а мое тело обнимало ее. Я позволил воде наполниться до краев, чтобы покрыть каждый возможный дюйм ее тела. Затем я обнял ее. Я впитывал ее дрожь, желая сделать то же самое со всей болью, которую она носила в себе.

Медленно, ее тело успокоилось и расслабилось в моем.

— Мне так жаль, — прошептала она в тишине. — Я не хотела пугать тебя или драматизировать. Все, с чем, как я думала, я разобралась и спрятала подальше, как будто всплыло на поверхность, как в тот день, когда это случилось, поэтому мне трудно все переварить.

— Не нужно извиняться, — сказал я, приблизив свои губы к ее уху.

— Нет, нужно. Я не имела в виду то, что сказала. Я была зла и обижена.

Я прислонился спиной к водоему, увлекая ее за собой и осторожно зачерпывая воду на ее плечи и грудь.

— Ты когда-нибудь ходила к психологу или говорила с кем-нибудь о ее смерти?

Я хотел задать более подробные вопросы о том, что произошло, но мне казалось, что это слишком рано.

— Нет. Я думаю, что мои родители были настолько потеряны в своем собственном горе, что не были в состоянии справиться с моим. Они едва могли смотреть на меня, не сморщившись и не прослезившись.

Господи, это могло бы погубить ребенка. Я внимательно слушал, пока она продолжала.

— Мама как бы исчезла на некоторое время. Занималась самолечением. Она много спала. Папа с головой ушел в работу. Но иногда я не возражала, потому что, когда я оставалась одна, я могла слышать ее. Поговорить с ней. Наверное, поэтому у меня никогда не было близких друзей. Мне нужна была только Айви.

— В этом есть смысл.

— Может быть, но это также звучит нелепо.

Несмотря на смысл, ее слова прозвучали без осуждения.

— В каждом человеке есть доля безумия.

— Верно, — сказала она смиренно. — Я должна поверить в то, что говорит мистер Крутой, Спокойный и Собранный.

— Хочешь верь, хочешь нет, но меня исключили из трех разных начальных школ.

Она повернулась так, чтобы посмотреть на меня.

— Ты серьезно?

— Чистая правда.

Я поднял правую руку.

— Почему? — Вздохнула она, широко раскрыв глаза.

Я прижал ее к себе, прежде чем продолжить.

— Я говорил тебе, что из-за того, что я расстроен, у меня развязывается язык. Раньше это было плохо. Я так расстраивался, что швырял стулья или бил других детей. Истерики, которые я закатывал, не помогали мне. Надо мной начали издеваться. Дети называли меня уродом и другими восхитительными именами. Тогда начались драки. К пятому классу я заработал себе неплохую репутацию. Настолько, что дети наконец оставили меня в покое, и у меня стало меньше вспышек. Я понял, что чем меньше я говорю, тем лучше, и что когда я

говоря, я должен сохранять спокойствие, несмотря ни на что, чтобы не потерять контроль.

— А как насчет твоих братьев и сестер, кузенов? Они не доставляли тебе хлопот, не так ли?

— Нет.

Улыбка дразнила мои губы.

— Если уж на то пошло, я для них был чем-то вроде легенды.

Я открыл слив, чтобы выпустить немного воды, затем включил кран с более теплой водой, чтобы повысить температуру.

— Да? — Спросила она с оттенком веселья, который согрел меня больше, чем вода.

— Да. Мы с моим кузеном Ораном тогда были ближе. Вот что делает этот бизнес Веллингтона таким чертовски трудным. Оран был ответственен за те пистолеты, и теперь мне остается только гадать, действительно ли они были украдены, или он заключил сделку за нашей спиной.

— Ты искренне веришь, что он мог сделать что-то подобное?

Я глубоко вздохнул.

— Я уже боролся с подозрениями, что он сыграл определенную роль в смерти своего отца.

— О, Кейр. Это ужасно.

— Да.

Этот единственный слог был пропитан тяжестью моих переживаний.

— Что ты собираешься делать?

— Когда мы вернемся, я поговорю со своим отцом. Это скорее его дело, чем чье-либо еще, решать, как поступить. Я просто не хотел ничего говорить, пока не буду уверен, но теперь, когда оружие всплыло, я нутром чую, что что-то не так.

Вокруг нас воцарилась тишина, пока она снова не заговорила.

— Что мы будем делать с девушкой?

Я взял руку Роуэн и переплел свои пальцы с ее.

— Мы собираемся вытащить ее оттуда, — мягко заверила я ее.

— Когда я вижу ее, я вижу свою сестру. Я знаю, что они не похожи, но мне кажется, что это так. Как будто это мой шанс сделать все правильно. Спасти ее.

Черт, как я не уловил эту связь?

Я узнал, как повлияла на нее смерть сестры, но не подумал о том, как она может связывать эти два события. Именно поэтому она так стремилась помочь женщине, даже рискуя подвергнуть себя опасности.

— Мы вытащим ее оттуда, я обещаю.

Мне не следовало давать такие заверения, когда девушка могла быть даже не жива, но я не мог остановиться. Глубоко укоренившаяся потребность подарить Роуэн мир была навязчивой идеей, которую я не мог сдержать.

Она подняла наши руки, расцепив пальцы, чтобы поближе рассмотреть мою руку. На татуировку на безымянном пальце. Она осторожно коснулась татуировки.

— Почему ты это сделал? Это какая-то семейная традиция?

— Нет, насколько я знаю.

— Это делает развод ужасно сложным.

— Хорошо, что я не планирую разводиться.

Мои слова повисли в воздухе, как пар.

Она обернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Ты ведь не только ради краткосрочной перспективы это сделал?

Я поднял руку.

— Разве это выглядит краткосрочным для тебя?

— Но ты меня почти не знаешь.

— Я знаю достаточно.

Электричество нагрело воздух вокруг нас, когда взгляд Роуэн опустился к моим губам. Медленно она повернула свое тело так, что ее лоб оказался прижатым к моему. Мой член мгновенно стал твердым.

Я обхватил ее талию, мои бедра выгнулись дугой, чтобы прижать член к ее животу, прожорливый голод требовал от нее большего. Когда ее губы встретились с моими, моя голова закружилась от облегчения. Я впился в ее поцелуй, как человек, всплывающий на поверхность, чтобы вдохнуть воздух после прилива.

Я старался быть терпеливым. Я давал ей время разобраться в себе и держал свои руки при себе в душе и когда ее тело лежало рядом с моим в нашей постели. Я делал все возможное, чтобы быть благородным, но этот колодец иссяк. Ее небольшое подношение стало для меня гарантией того, что я могу претендовать на то, что принадлежит мне.

Однако вода была ужасной смазкой, и мой друг будет в бешенстве, если я затоплю его дом, поэтому я заставил себя разорвать нашу связь и поднял нас на ноги. Однако я был слишком пьян от нее для полотенец. Мои губы мгновенно вернулись к ее губам, а ноги сами понесли нас вслепую к кровати.

Роуэн улыбнулась сквозь поцелуй.

— Мы мокрые, Кейр. Мы намочим всю кровать.

— Она высохнет, — проворчал я, укладывая ее на спину и широко раздвигая ее ноги. — Черт, ты прекрасна.

27

Я несколько дней не видела бритвы, не говоря уже о том, чтобы пользоваться ею, поэтому я начала паниковать, когда Кейр широко раздвинул меня.

Если он и увидел что-то, что ему не понравилось, то этого точно не показал. Его рот мгновенно оказался на мне, облизывая и посасывая мой центр с такой преданностью, что в моем мозгу произошло короткое замыкание.

— Ты говоришь, что знаешь меня... — Рассеянно пробормотала я. — Тогда ты знаешь... что я в полной заднице.

— А разве не все мы?

Он нежно провел нижними зубами по моим складочкам, затем с изысканной нежностью прикусил мой клитор.

— Если бы ты только знала, какие развратные вещи я хочу с тобой сделать, ты бы поняла.

Я открыла глаза, мой взгляд столкнулся с его взглядом.

— Покажи мне, — вздохнула я.

Его глаза стали еще шире, пока не остался только кусочек бирюзы.

— Я не уверен, что ты готова к этому. Тебе нравится чувствовать контроль, Роуэн. Я хочу забрать его у тебя.

Мое сердце заколотилось в бешеном танце, лишенном ритма.

— Покажи мне, — повторила я более твердо.

Несмотря на то, что его предложение пугало меня, я хотела этого больше всего на свете.
— Не двигайся.

Его слова ласкали мою кожу своим мрачным обещанием.

Он отсутствовал несколько минут, его отсутствие накаляло мое предвкушение до безумных высот. Когда он вернулся, в одной руке он держал пучок желтого хозяйственного шнура, а в другой то, что выглядело как шпатель и ножницы. Нервы сжали мои легкие, но, как и в тот день, когда я его встретила, я не испугалась. Я знала, что он не причинит мне вреда.

— Иди сюда.

Кейр положил ножницы на комод и с хищным блеском в глазах наблюдал, как я продвигаюсь вперед.

— Эта нейлоновая веревка не идеальна, так что нам придется быть осторожными, чтобы ты не получила ожоги. Подними руки.

Его голос стал неровным, как только что добытый гранит.

Ловкими руками он продевал отрезки веревки сквозь пальцы, пока не остался доволен длиной.

Веревка была относительно новой, но все же более абразивной, чем шелковая. Мне это даже нравилось. Эта странная связь, формирующаяся между нами, была сырой и необработанной. Было вполне уместно, чтобы и физические узы были такими же.

Кейр расположился позади меня, обвязал веревку вокруг ребер и закрепил ее каким-то образом у меня за спиной.

— Повернись влево.

Я сделала небольшой круг. Каждый нерв моего тела был сосредоточен на его прикосновениях, когда он проводил веревкой под моими грудями. Когда я сделала полный оборот, он закрепил веревку у меня за спиной, затем подтолкнул меня продолжить поворот, на этот раз направляя веревку так, чтобы она лежала прямо над моими грудями.

Все в этом процессе было интимным и эротичным. Даже без динамики власти, повышающей интенсивность этого совместного опыта, одна только эмоциональная уязвимость заставила бы меня остановиться, если бы передо мной стоял кто угодно, кроме Кейра. С ним я не испытывала ни смущения, ни неуверенности. Да и как я могла, когда он наблюдал за мной с такой пылкой сосредоточенностью? Расплавленное желание, бурлящее в этих бирюзовых глубинах, заставляло меня чувствовать себя бесценной. Ожившая Мона Лиза.

Я сделала еще несколько оборотов, веревка каждый раз по-разному обвивалась вокруг моего тела, пока моя грудная клетка не превратилась в зигзаг желтого шнура, за исключением грудей. Они были пухлыми, словно розы, распустившиеся в вазе — центральный экспонат, которым можно любоваться.

От этого зрелища мои соски почти болезненно напряглись. Еще более удивительной была дрожь удовольствия, которую я испытала от грубой текстуры веревки. Она была абразивной. Возможно, мне не следовало бы это любить, но я любила. Очень. Намек на жжение возбудил жар в глубине моего живота.

— Каково это? — Спросил Кейр, встретившись с моими глазами.

У меня так перехватило дыхание от ощущений, что я с трудом могла говорить.

— Хорошо... хорошо.

Он одобрительно хмыкнул, затем обхватил мои руки, чтобы зафиксировать их по бокам.

Каждое его движение было быстрым и уверенным в своей технике, что вызывало у меня бесконечное любопытство и ревность. Это был не первый раз, когда он орудовал веревкой. Мне было противно думать о том, что он занимается чем-то столь интимным с кем-то еще.

— Ты так хорошо справляешься, Роуэн.

Он подошел ко мне спереди, любуясь своей работой. Каждый дюйм моей кожи покраснел от его похвалы.

— Ложись на кровать.

Я сделала, как мне было сказано, несколько неуклюже, поскольку мои руки были ограничены в использовании. Как только я расположилась, мое дыхание перехватило, когда я увидела, что он стоит на коленях надо мной.

— Прижми руки к лодыжкам.

Это движение открыло меня для его взгляда. Он воспользовался этим преимуществом, не стесняясь смотреть на меня. Одна обжигающая рука скользнула по моей голени.

— То, что мы собираемся сделать, связано с доверием. Твой контроль заключается в том, что ты доверяешь мне, что я буду уважать твои границы и заботиться о тебе.

— И что ты получишь от этого? — Спросила я с любопытством.

— Я же сказал тебе. Твое доверие.

Он начал привязывать мою руку к лодыжке, избегая мокрой повязки, затем сделал то же самое с другой стороны, пока я не оказалась полностью обездвиженной.

Если сердечный приступ может случиться от сильного перенапряжения, то мой бьющийся орган был опасно близок к этому пределу. Я сделала медленный вдох через рот.

Гортанный гул одобрения Кейра зазвучал в моих ушах и согрел мои внутренности.

— Ты сногшибательна, маленькая овечка.

Он сидел и любовался своей работой, прежде чем встать с кровати и вернуться со шпателем. Он оценил черный пластик, покатав его в руках.

— Опять же, не идеальный вариант, но он будет служить своей цели.

— Какой?

В его глазах мелькнул лукавый блеск. Он не ответил, не устно. Вместо этого он развернул инструмент и, держа его за лопаточку, поднес округлую ручку к середине моей груди между веревками. Медленно он провел ею вниз и вниз к моей правой груди, обводя округлый бугор по спирали, приближаясь к упругой вершине.

Я не могла этого объяснить, но что-то в том, что он использовал предмет, а не собственные руки, было еще более электризирующим. Неопределенное возбуждение, которое усиливало предвкушение.

Я выгнулась изо всех сил, безмолвно умоляя его облегчить боль в сосках. Он понял. Его рука обхватила мою грудь, обхватив все, кроме кончика. Затем он отдернул руку, и в последнюю секунду пальцы обхватили мой сосок. Он резко дернул его, отчего у меня перед глазами замелькали звезды.

С моих губ сорвалось хриплое мычание. Я никогда в жизни не издавала более сладострастного звука.

Кейр приник ртом к моему соску, успокаивая языком его шероховатую плоть.

— Когда мы вернемся домой, мы сможем попробовать зажимы для этих сосков.

Он провел зубами по чувствительной коже, посылая еще один импульс желания к моему пульсирующему клитору.

Влага капала из моей дырочки.

— Мне нужно больше, Кейр. Пожалуйста.

Его губы изогнулись в удовлетворении, когда он снова поднес ручку шпателя к моей груди и потянул ее вниз, пока не достиг вершины моей впадинки. Я перестала дышать, когда он опустил прохладный пластик ниже.

— Я собираюсь дать тебе все, что тебе нужно, Роуэн. Доверишься ли ты мне в этом?

Я охотно кивнула, без колебаний.

— Такая хорошая маленькая овечка.

Ручка лопаточки зацепила мой вход. Смотреть, как он ласкает меня чем-то, не предназначенным для этого, было чертовски запретно и эротично. Я никогда не испытывала ничего подобного. Когда он начал поглаживать себя, я думала, что сойду с ума от желания.

Можно ли было кончить без единого прикосновения к моему клитору? Вид его татуированной руки, мышцы которой напрягались при каждом толчке его толстого члена, должен был проверить эту теорию. Я была так близка к разрядке, что едва могла в это поверить.

Мои внутренние мышцы яростно спазмировались. Я задышалась.

— Кейр, пожалуйста! — Прохрипела я.

Затем рукоятка оказалась внутри меня. Ощущение было чужим, но приятным, облегчающим ноющую потребность в том, чтобы меня наполнили. Кир трахал меня пластиковой лопаточкой, а другой рукой поглаживал мой клитор. Он использовал мое тело самым восхитительным образом, и я была не в состоянии остановить его. Не то чтобы я хотела этого. Бессилие позволило мне отпустить свои возражения и просто получать удовольствие, которое он дарил.

Он довел меня до грани, затем переключил свое внимание на мою ноющую грудь, давая время моей сердцевине остыть, прежде чем опуститься, чтобы лизнуть мои складочки. Он снова довел меня до мучительной боли, но остановился как раз в тот момент, когда мои ноги начали дергаться и дрожать.

— Нет! Пожалуйста, мне нужно кончить.

— И ты кончишь... с моим членом внутри тебя.

Наконец, он прильнул своим телом к моему, подождал, пока наши глаза не встретились, прежде чем вогнать себя глубоко в меня.

Между нами происходило что-то глубокое, и это не имело ничего общего с тем, как восхитительно его член заполнял меня. Это было что-то неосязаемое. Что-то преобразующее.

— Черт, ты так хорошо сжимаешь меня.

Он держал свое тело низко, так что каждый все более резкий толчок заставлял его соприкасаться с моим клитором.

В одно мгновение я снова оказалась на краю обрыва, слезы потекли из уголков моих глаз в предвкушении падения.

— Да, Кейр. Да, вот так.

— Выдои мой член, Роуэн, — приказал он. — Покажи мне, что это тело мое.

Крик сорвался с моих губ.

Мое тело воспламенилось, каждая клеточка наполнилась сияющим светом.

— Это моя девочка. Моя жена. Ты моя, Роуэн Байрн. Вся. Блять. Моя.

Он прорычал эти последние слова сквозь стиснутые зубы, когда его тело напряглось. В последнюю секунду он вырвался и погладил себя, когда теплые струи спермы украсили мою

грудь и живот. Я боролась за сознание сквозь дымку оргазма, замороженная его демонстрацией обладания и преданности. Я не могла припомнить, чтобы когда-либо чувствовала себя настолько желанной.

Когда наши прерывистые вздохи заполнили тишину, Кейр наклонился вперед и благоговейно поцеловал каждую мою коленную чашечку, а затем нежно провел пальцем по своей сперме на моем животе. Его взгляд ненадолго остановился на мне, прежде чем он опустил руку и провел пальцем по внутренней стороне моей дырочки. Помечая меня.

Как будто я уже не была его во всех отношениях, которые имели значение.

Я не была уверена, как это произошло, но это было правдой. Кейр Байрн захватил то, что осталось от моего сердца, и держал его в плену. И что самое страшное, я хотела, чтобы оно принадлежало ему.

— Я проголодалась, и если я не выпью кофе в ближайшее время, у меня потом будет болеть голова.

Я надела чистую рубашку и покопалась в своем чемодане. Мы быстро приняли душ, сменили повязки и теперь приближалось позднее утро.

— Может, позавтракаем или пойдем куда-нибудь пообедаем?

— И то, и другое подойдет, но после этого...

Я сделала паузу, не зная, как он отнесется к тому, что я собираюсь сказать дальше.

— Я думаю, нам пора домой. Я знаю, что ты не поклонник Стетсона, но я чувствую, что должна извиниться перед ним. И самое главное, эта женщина отчаянно нуждается в нашей помощи. Мы должны разобраться со всем этим. Мы не можем вечно прятаться.

И я намеренно игнорировала тот факт, что пропускала занятия. Я могла беспокоиться о многом одновременно.

Кейр появился в дверях спальни.

— Технически, мы могли бы. Я могу заставить нас обоих исчезнуть, но я знаю, что никто из нас этого не хочет.

Он подошел ближе и открыл маленькую баночку с мазью.

— Дай свою руку, — пробормотал он.

Он намазал мою татуировку мазью, но я бы поклялась, что он лечит мое сердце.

— Я распоряджусь, чтобы завтра вылететь домой.

Я кивнула, мое горло сжалось до невозможности.

— Спасибо.

Как будто мне нужно было еще одно доказательство того, что я влюбилась в Кейра Байрна. Он пробудил во мне чувства, о которых я даже не подозревала. Я думала, что то, что я чувствовала к Стетсону, было любовью — может быть, не глубоко романтической, но все же формой привязанности. Теперь я не могла представить, как это возможно, когда мои чувства к нему были блеклыми, пастельными версиями тех ярких оттенков, которые я чувствовала к Кейру.

Он был намного большим, чем я когда-либо ожидала. Страстным. Преданным. И даже нежным, когда хотел этого. Но что бы это значило для моей семьи и меня? Он все еще был преступником.

Ты действительно так его воспринимаешь? Потому что я думаю, что он гораздо больше, чем это.

Черт, даже Айви разочаровалась во мне.

Конечно, нет, Ви. Но каким бы галантным он не был, это не отменяет уродливой правды

о его профессии и связанных с ней опасностях.

Стетсон не преступник, а ты все равно оказалась в опасности. Иногда самые страшные монстры прячутся на виду.

Она была права.

Этот мир был окрашен в оттенки серого. Все, что я могла сделать, это посмотреть на свои приоритеты и решить, насколько темным я готова стать.

Для Кейра я могла бы полностью стереть рамки.

28

На следующее утро мы первым делом вылетели обратно в город. Все это время я кусала свои ногти до крови. Что скажет отец, когда я его увижу?

За последние несколько дней мы переписывались, но увидеть родителей лично — это совсем другое дело. Выразит ли их взгляд разочарование и душевную боль, которые остались невысказанными в смс? Если бы эмоции присутствовали, я бы увидела это в их глазах. Они не смогли бы скрыть это от меня, потому что я знала их слишком хорошо.

Причинить боль людям, которых я любила, было моим самым большим страхом в жизни.

Я знала, как легко причинить полное опустошение одним лишь небрежным движением.

Кейр настоял на том, чтобы проводить меня до двери родителей, а не высаживать у входа. По иронии судьбы, Кейр провел меня по ступенькам и передал новоиспеченную невесту ее отцу. Наверное, так я нервничала больше, чем если бы все было наоборот.

— Роуэн, дорогая. Я так рад, что ты дома.

Папа с облегчением обнял меня.

Уголкем глаза я заметила взгляд Кейра и отца. Их молчаливый разговор насыщал воздух тестостероном и напряжением.

Я отстранилась, чтобы привлечь внимание отца, надеясь нейтрализовать ситуацию.

— Мне очень жаль, что я беспокою тебя, папа.

— Я просто рад, что ты в безопасности. Это все, что имеет значение.

Он заметил мою перевязанную руку и нахмурил брови.

— Что произошло?

— Просто глупая случайность.

Я отмахнулась от его беспокойства, не желая объяснять.

Кейр вмешался, чтобы отвлечься.

— Мне нужно идти на встречу, но я вернусь, как только закончу. Нам будет что обсудить.

Мой отец уставился на него, а я все еще прижималась к его боку, но в конце концов он протянул руку для пожатия. Кейр принял ее, слегка кивнул мне, а затем оставил нас наедине.

Мои колени чуть не подкосились от облегчения, что все закончилось. Первое большое препятствие.

Отец, должно быть, чувствовал то же самое. Он испустил вздох, отягощенный усталостью.

— Я хочу, чтобы ты знала, милая, что мы все исправим. Как только я узнаю, что ты в безопасности, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе порвать связи с Байрнами.

Моя правая рука защитно обхватила левую, чтобы папа не увидел мою татуировку.

Хорошая попытка, сестренка. Тебе не понравилась идея вычеркнуть Кейра из своей жизни. Признай это.

Я внутренне скривилась.

— Ты этого хочешь? — Спросила я его, прозвучало слабее, чем мне бы хотелось.

Папа продолжал изучать меня.

— Разве это не то, чего ты хочешь?

Мне вдруг стало трудно встретить взгляд отца.

— Наверное, я не знаю, чего я хочу. Я знаю, что тебе не нравится Кейр...

— Не то чтобы он мне не нравился, просто он часть другого мира, отличного от нашего.

— Я знаю, но я узнала его поближе за последние пару недель, и... он не такой, как я

ожидала.

Отец напрягся, затем провел рукой по своим редющим волосам.

— Он заверил меня, что ты согласна на брак, но это не совсем то, о чем я думал. Ты хочешь сказать, что хочешь быть замужем за ним?

О Боже. Почему это было так трудно?

Я пожевала нижнюю губу, пытаюсь найти правильные слова.

— Наверное, я хочу сказать, что не хочу быть за ним замужем, просто я знаю, как это расстроит вас с мамой...

Папа подошел ближе, его брови сошлись. Его взгляд прошелся по моему лицу с точностью лазера.

— Что-то в тебе изменилось, — мягко сказал он.

Я пожала плечами.

— В последнее время многое произошло.

Его черты смягчились.

— Возможно, больше, чем я предполагал, — пробормотал он, затем положил руки на мои руки и вернул свой взгляд к моему. — Я не испытываю к нему неприязни, Ро. Я только хотел, чтобы ты была счастлива, и если он даст тебе это каким-то странным поворотом судьбы, то я не буду жаловаться.

— Но как же твой имидж? До следующих выборов всего год.

Он поднял руку, чтобы остановить меня.

— Позволь мне побеспокоиться об этом. Ты всегда брала на себя больше, чем следовало, с тех пор как...

Он ненадолго опустил глаза в пол.

— Ну, ты знаешь.

— Вообще-то, я хотела поговорить с тобой и об этом.

Он притянул меня к себе.

— Может быть, мы сможем сделать это позже. Я действительно должен проверить твою маму.

Он с любовью поцеловал меня в лоб.

— Я так рад, что ты смогла сегодня побыть дома.

От волнения его голос дрожал. Папа был не из тех, кто задыхается, поэтому я мгновенно насторожилась.

— С мамой все в порядке? — Спросила я, внезапно осознав, как странно, что она не присутствовала при моем возвращении.

Ответная улыбка отца была пронизана грустью. Он протянул кулак между моих ребер и сжал мое избитое сердце.

— Ты знаешь, как ей сегодня тяжело, но завтра она будет как новенькая. Как я уже

сказал, помогает то, что ты здесь.

Он повернулся к коридору, ведущему в спальню, оставив меня с закрытыми глазами.

Сегодня.

Боже, я потеряла счет дням.

Схватив мобильный телефон, я прикоснулась к экрану и увидела дату, позорно глядящую на меня. 13 октября — годовщина смерти Айви.

Как я могла упустить это из виду? Мама всегда запиралась в своей комнате и проводила день в слезах. Я не брала телефон, но знала, что приближается середина октября. Как я могла забыть, что это значит?

У тебя много всего произошло, Ро. Нежный голос прозвучал в моей голове. Не будь так строга к себе.

Я зажмурила свои горящие глаза.

Мне так жаль, Ви. Я никогда, никогда не позволю этому случиться снова.

Я целенаправленно шла к ящику на кухне, где хранились ключи от семейной машины. По пути мой взгляд зацепился за винный шкаф. Я вытащила ключи от машины, затем схватила маленькую бутылку дорогой текилы и поспешила выйти через парадную дверь. Да, это было безрассудно. Да, я подвергала свою жизнь опасности. И да, я ненавидела, когда женщины в историях совершали подобные глупости, но я все равно сделала это.

Это было ради Айви.

Я ходила на ее могилу в годовщину ее смерти каждый год, и я не собиралась бросать ее сейчас. Не сейчас, когда из-за меня она умерла.

Когда я была маленькой, отец брал меня к ней. Кладбище находилось за городом, поэтому мы ездили туда нечасто. Наверное, отец предпочитал это делать, чем терпеть мучительные крики матери. Это был единственный день в году, когда она давала себе волю, и, не считая смерти Айви, слушать ее рыдания было самым страшным, что я когда-либо пережила. Мне могло быть семь или семьдесят семь лет, и эти звуки по-прежнему преследовали бы меня в кошмарах. Слышать, как родитель лишается жизни — это очень тяжело для ребенка. Я не была исключением.

С самого начала я сделала миссией своей жизни сделать все возможное, чтобы стать идеальной дочерью. Чтобы они испытывали только радость 364 дня в году.

Однако 13 октября был единственным днем, когда горе было неизбежно для всех нас.

Я ехала в тишине. Никакой музыки. Только я и мое чувство вины, как и должно быть.

Я редко куда-то ездила, поэтому чувствовала себя за рулем странно. Я получила водительские права специально для этого. В городе они мне не понадобились, но я не хотела, чтобы что-то помешало мне увидеться с сестрой.

День был необычно солнечным для осени в Новой Англии. Я была рада. Мне нравилось думать о том, как Айви греется на солнышке. Ее похоронили на склоне холма. Не на большом холме, а просто на пологом склоне. Мама и папа тогда купили участок для всех нас четверых. Я сомневалась, что они так далеко задумывались о своей собственной смерти, но когда Айви не стало, было логично обеспечить место последнего упокоения для воссоединения семьи. Это означало, что ее надгробие было легко найти, потому что его окружал ореол пустой травы.

Айви Офелия Александер

5 августа 2000 — 13 октября 2006

Любима несказанной любовью.

Скорбь по ней была выше всяких слез.

Камень представлял собой красиво вырезанную плиту из белого мрамора. На кладбище было жутко спокойно. Некоторые люди не выносят их — напоминание о собственной смертности. Я могу только представить, что эти люди никогда не теряли тех, кого любили.

Для меня кладбище было утешением. Когда я сидела, скрестив ноги, в траве рядом с участком Айви, я могла поклясться, что чувствую ее рядом с собой. Она всегда присутствовала в моих мыслях, но это было по-другому. Визиты к сестре на кладбище были драгоценными пузырьками времени, недоступными миру. Я дорожила каждым из них.

Однако этот случай был тяжелее других. Чувство вины, которое я испытывала много лет назад, на этот раз всплыло с новой силой.

Я положила ладонь на землю, на глаза навернулись слезы.

— Я здесь, Ви. И мне так много нужно тебе сказать.

Теоретически, если дух Айви был тем нежным голосом в моей голове, она видела то же, что и я, и мне не пришлось бы рассказывать ей о своей жизни. Какая-то часть меня искренне верила, что это правда. Что моя сестра все еще со мной. Но на случай, если я просто сошла с ума, я всегда прокручивала недавние события вслух, когда приходила в гости, чтобы подстраховаться.

Обычно я начинала с того места, на котором остановилась в свой последний визит. Этот визит был другим. Ничто до приезда Кейра не имело никакого значения. Все, что имело значение, произошло с тех пор, как он впервые появился на кухне моих родителей.

Я пробежалась по всем деталям событий, потягивая текилу из бутылки. Я рассказала ей о том, как Кейр заставил меня чувствовать себя, о девушке на чердаке и о том, что она заставила меня думать о ней. Я объяснила свои смешанные эмоции по поводу Стетсона и то, как плохо я себя чувствую из-за того, что причинила ему боль.

— Ты знаешь, я не хочу никому причинять боль. Все, чего я когда-либо хотела — это делать людей счастливыми. Но впервые, Ви, я начала спрашивать себя, чего я хочу. И ответ оказался не таким ясным, как я думала. Или, может быть, ответ ясен, но я решила его затмить. В любом случае, единственное, что я могу сказать наверняка, это то, что мой путь не вел меня туда, куда я хотела. Так что же мне остается, Ви?

Я широко раскинула руки, жидкость вылилась из бутылки в один кулак.

Я посмотрела на нее и заметила, что она ниже, чем я ожидала. Я пролила много, или я так много выпила? И не все равно ли мне?

Я посмотрела на деревья вдалеке, моя голова кружилась от движения.

29

Я добрался только до полудня и уже практически дергался от желания вернуться к Роуэн. Ее отец был дома с ней, и я был уверен, что его служба безопасности справится с одним утром. Никто даже не знал, что мы вернулись в город. И все же потребность быть рядом с ней глубоко вонзила свои когти и не отпускала.

Когда я наконец сдался и вернулся в дом Александров, дверь открыл изможденный Эван. Я надеялся, что они с Роуэн не поссорились. Я подозревал, что если выбью из него все дерьмо, это затормозит прогресс, который начался у меня с моей новоиспеченной женой.

Роуэн нигде не было видно, и я решил воспользоваться случаем и поговорить с ее отцом наедине.

— Роуэн рассказала мне о своей сестре.

Я решил сразу перейти к делу. Не было смысла танцевать вокруг этого вопроса.

— Я понятия не имел, что у нее есть близняшка.

Он ненадолго замер на полпути к засову двери.

— Об этом нелегко говорить. Я удивлен, что она вообще упомянула Айви.

Его голос был наполнен глубокой усталостью.

— Она не столько упоминала ее, сколько у нее был срыв.

Я хотел, чтобы он знал, что Роуэн страдает. Им чертовски пора было признать этот факт.

Чтобы успокоиться, Александер положил руку на входную консоль.

— Что случилось?

— Поиск той девушки у Веллингтонов, похоже, вывел ее горе и страхи на поверхность.

Насколько сильно она переживала после того, как это случилось?

— Роуэн — тяжелый человек. Мы слышали, как она плакала по ночам, но в остальном она справлялась с этим с такой силой.

Я боялся этого.

Гнев уколол меня.

— Ни один шестилетний ребенок не может быть таким сильным, Эван. Ты говорил с ней об этом? Видел, как она справляется?

Его глаза сузились.

— Говорить об этом было нелегко. Я тоже потерял дочь, знаешь ли, — огрызнулся он. — И кроме того, Роуэн прекрасно справилась. Она выросла в невероятную молодую женщину.

— Нет, она втиснула себя в форму, чтобы соответствовать твоим ожиданиям, в отчаянной попытке не разочаровать тебя. Это чертова разница.

Мой тон граничил с враждебным. Я сделал медленный вдох, чтобы успокоиться.

— Скажи мне, что ты хотя бы отправил ее к психологу.

Его вызывающий взгляд был единственным ответом.

— Господи, Александер. Только не говори мне, что ты понятия не имеешь, с какой болью твоя дочь живет каждый чертов день. Как ты думаешь, почему она вообще встречалась с сыном Веллингтона? Потому что она любила этого засранца? Ни за что. Она делала это ради тебя. Она настолько запуталась, что даже не знает, кто она. Она позволяла себе быть только той, кем, по ее мнению, она должна быть.

Это было жестко, но кто-то должен был перестать приукрашивать правду.

Все его тело вздрогнуло.

— Этого не может быть. Я бы знал...

— Знал бы? Или ты видел то, что хотел видеть? То есть, когда твои амбиции занимали все твое внимание.

Его взгляд поднялся. Я ожидал увидеть укол гнева, но увидел лишь раскаяние в его скорбных карих глазах. Он изучал меня с минуту, склонив голову набок.

— Она тебе небезразлична, не так ли?

Удивление в его голосе вывело меня из себя. Я поднял руку, чтобы показать кольцо, вытатуированное на моем пальце.

— Я не женюсь на ком попало, независимо от того, что ты обо мне думаешь, — прорычал я. — Не знаю, что ты подумал, но я серьезно отношусь к своим клятвам.

Его плечи еще больше опустились, и он стал выглядеть как шелуха того человека, которого я встретил впервые.

— Я старался изо всех сил, знаешь ли. Это было нелегко, — мягко сказал он.

Я мог понять, что те первые недели и месяцы были сущим адом, но с тех пор прошло более пятнадцати лет. Мне было трудно смириться с тем, что за эти годы он ни разу не взглянул на свою дочь достаточно глубоко, чтобы увидеть, как сильно она страдает.

— Я не тот, кто должен объяснять, — мрачно сказал я.

Александр поднял глаза на меня и кивнул.

— Ты заберешь ее с собой?

— Да.

Он снова кивнул.

— Я полагаю, она в своей комнате.

Ему не нужно было больше ничего говорить. Наш разговор был окончен.

Я прошел мимо него к лестнице, поднимаясь по двое за раз. Слева от лестничной площадки находился большой мужской кабинет. Справа — ванная комната и две закрытые двери. Выбрав наугад, я открыл дверь слева и обнаружил комнату маленькой девочки, выкрашенную в зеленый цвет и оставленную совершенно нетронутой, словно в ожидании ее возвращения.

Мой желудок скрутило от отвращения.

Господи, неудивительно, что они так и не смогли жить дальше. Потеря все еще была там, зияющая рана, напоминающая им об их боли каждый день. А прямо напротив этого нездорового мемориала находилась комната Роуэн. Она была вынуждена видеть это навсегда заброшенное святилище каждый день, прожитый в этом доме.

Покачав головой, я закрыл дверь и прошел через холл. Я осторожно постучал в дверь и, не получив ответа, открыл ее. Ее комната была бледно-серой. Аккуратная. В отличие от других комнат, в которых живут девочки-подростки, в ее комнате не было ни доски с фотографиями друзей, ни корешков билетов, ни плакатов групп. Комната была пустой, как и девушка, которая ее занимала.

Больше нет.

Я найду способ вдохнуть в нее столько жизни, что печали негде будет задержаться.

Я закрыл за собой дверь и спустился вниз, найдя Александра с головой в руках у кухонной барной стойки.

— Ее нет в комнате. Где еще она может быть?

Его голова поднялась, брови сошлись вместе.

— Нет? Я не знаю, где еще...

Его глаза зажмурились от осознания, посылая толчок страха по моему позвоночнику.

— Что?

— Сегодня годовщина смерти Айви.

Когда он открыл глаза, они были налитыми кровью и стеклянными.

— Она ходит на кладбище каждый год в этот день. Я совсем забыл...

Он сделал паузу, подняв глаза на меня, как будто впервые услышав мои обвинения. Он кивнул, губы плотно сжались в кулак от осознания своих недостатков.

— Я могу отвезти тебя.

— Нет. Я поеду сам, — огрызнулся я.

Его время играть в защитника закончилось.

— Просто скажи мне, где я могу ее найти.

Проклятое кладбище находилось почти в часе езды от города, хотя я доехал до него

менее чем за сорок пять минут. Я вилял в пробках как сумасшедший. Наверное, меня уже дюжину раз пытались остановить, но я не обращал внимания на зеркало заднего вида.

Только когда я заметил припаркованный на узкой кладбищенской дорожке седан Александеров, мое сердце успокоило свой бешеный ритм. Неподалеку от машины среди сада мраморных памятников сидела одинокая фигура с каштановыми волосами.

Я припарковался за ее машиной. Она должна была услышать, как я подошел, но не посмотрела в мою сторону, уставившись в землю с бутылкой алкоголя на коленях.

— Ты здесь, чтобы поиздеваться надо мной?

Она не звучала совершенно пьяной, что было облегчением, но я не сомневался, что алкоголь пульсирует в ее жилах.

— А что, ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Наверное, стоит. Я это заслужила.

Я засунул руки в карманы, оставаясь на ногах напротив нее.

— И почему же?

— Потому что я эгоистичное, ужасное человеческое существо.

Она встретилась с моими глазами, в которых плескался неразбавленный стыд. Она сделала глоток из своей бутылки, затем поднялась на ноги.

— Ты, мистер Кейр Байрн, женат на убийце. Держу пари, ты этого не ожидал, не так ли?

Она широко подняла руки, словно осмеливаясь шокировать меня.

Я медленно обошел могилу.

— Как-то я в этом сильно сомневаюсь, маленькая овечка.

— Ну, это правда. Твоя жена убила свою собственную сестру-близняшку. Мы только две недели назад сняли колеса с наших велосипедов. Я набралась смелости и выехала на обочину, а потом она осмелилась сделать то же самое. Она так нервничала. Я знала, что она не хочет этого делать, но я продолжала дразнить ее, говоря, что она будет ребенком, если не сделает этого. Возможно, мне было всего шесть лет, но я знала лучше. Я знала, что на нас нет шлемов и что это опасно, но я все равно это сделала. В ту секунду, когда ее переднее колесо съехало, велосипед рухнул на землю. Она лежала неподвижно, ее голова уперлась в этот чертов бордюр. Я так испугалась, что побежала обратно по улице, чтобы забрать маму со ступенек нашего дома, но когда мы вернулись к Айви, было уже слишком поздно. Она умерла одна на улице, и все из-за меня.

Я знал, что мы наконец-то сняли с нее последние слои. Это было то, что действительно преследовало Роуэн. Гнойная рана, разъедающая ее сердце.

Она носила это бремя, как петлю на шее, с шести лет.

Мои пальцы сжались от желания ударить кулаком в лицо ее отца. Я бы поставил все до последнего пенни на то, что Александер не знал, что его дочь винит себя.

Как бы я не был зол, мне пришлось сдерживать эмоции. Дело было в Роуэн, а не во мне. Когда я ничего не ответил, она продолжила.

— Вот почему я не могла оставить ту девочку одну на чердаке. Я уже была ответственна за смерть одного человека. Я не смогла бы жить с мыслью, что это случится снова.

Ее голос дрогнул на последнем слове.

Я протянул руку и взял ее за подбородок, подняв ее лицо к своему.

— И ты думаешь, что я какой-то святой?

Я говорил без эмоций. Роуэн была не в силах справиться с этим. Если у меня и был

какой-то шанс достучаться до нее, я чувствовал, что единственным способом будет сила воли.

Я сделал шаг вперед, а она — шаг назад.

— Я убивал людей, и даже не случайно. Я намеренно обрывал жизни без малейшего чувства вины.

Мы сделали еще один шаг вместе.

— Ты думаешь, что я или кто-либо другой будет смотреть на тебя свысока за несчастный случай, произошедший в детстве?

Наконец ее спина встретилась с высоким обелиском мемориала позади нее.

— Ты отпустишь это прямо сейчас.

Я возвышался над ней, как стена грозного авторитета.

Ее лицо сморщилось.

— Разве ты не видишь? Вот чего я боюсь, — прошептала она. — Что я наконец-то отпустила это. Сегодня, впервые за шестнадцать лет, я забыла. Только когда папа напомнил мне, я поняла, что сегодня годовщина ее смерти.

— Жизнь идет вперед, Роуэн. Это хорошо. Она бы хотела, чтобы ты жила дальше — а это значит жить своей жизнью. Своей жизнью. Не той жизнью, которую, как ты думаешь, хотят для тебя твои родители.

— Но я в долгу перед ними.

— Чушь.

Я обхватил рукой ее горло, резко прижав ее к камню.

Шок расширил ее глаза. Я сжал. Не настолько, чтобы оставить след, но достаточно, чтобы уменьшить поток воздуха. Ее руки держали мое запястье, но она не сопротивлялась.

— Ты этого хочешь? — Шипел я. — То, чего, по-твоему, ты заслуживаешь? Смерти?

Ее руки сжались вокруг моих.

— Если это так, я могу дать это тебе. Еще несколько минут, и все будет кончено.

Ее ноздри раздувались, паника наполняла ее широко раскрытые глаза.

Я смотрел на нее холодным взглядом, наблюдая за тем, как мириады эмоций вспыхивают в широко раскрытых лесных глазах. Я видел тот самый момент, когда ее горе уступило место отчаянию и бешеному желанию жить.

Каждый мускул ее тела напрягся, готовясь к борьбе. Но вместо этого я ослабил хватку, приблизив свое лицо к ее лицу.

— Ты хочешь жить, Роуэн, так сделай это, — прорычал я. — Проживи свою жизнь так, чтобы Айви гордилась тобой.

Она тяжело дышала, ее глаза были дикими, словно она увидела меня впервые. Она бросилась на меня, прижалась к моему телу и целовала меня так, словно в моих легких был последний кислород на земле.

Я скользнул рукой по ее леггинсам вниз, к ее набухшему и блестящему центру.

— Кейр! — Задыхалась она. — Мы на кладбище.

Подрывая свои возражения, она наклонила бедра, чтобы дать мне лучший доступ.

Два пальца оказались глубоко внутри нее.

— Они мертвы. Они будут благодарны за любую активность.

Похоть скрежетала по моему голосу, делая слова резкими и грубыми.

Роуэн было все равно. Ее глаза закатились, и она позволила наслаждению охватить ее. Я провел зубами по мочке ее уха, а затем поцелуями провел дорожку по ее шее.

— Ты такая чертовски невероятная, маленькая овечка. Такая мокрая для меня. Такая жадная маленькая киска.

Я почувствовал, как ее внутренние мышцы сжали мои пальцы. Мой член уперся в молнию, напоминая о том, что мне бы очень хотелось быть тем, кто входит и выходит из нее.

Но моя девочка была слишком жадной для этого. В мгновение ока ее губы разошлись в беззвучном вздохе, а тело охватила волна экстаза. Оргазм пронесся по ее телу, как ураган по равнинам. Мне пришлось поддержать ее вес, чтобы удержать ее на ногах, пока ее тело восстанавливалось.

Я вынул руку из ее штанов и поднес пальцы к губам, ожидая, пока она откроет глаза, прежде чем втянуть их в рот. Ее вкус делал странные, пьянящие вещи с моим телом. Он послал поток эндорфинов в мою кровь и пробудил первобытное желание сделать ее беременной моим ребенком. Овладеть ею всеми возможными способами.

— Пришло время подумать о том, чего ты хочешь, Роуэн, — прохрипел я сквозь свою похотливую дымку. — Не о том, чего от тебя ждут или чего, по твоему мнению, ты должна хотеть. Пойми, что заставляет тебя чувствовать себя хорошо, и воспользуйся этим. Жизнь слишком чертовски коротка для чего-то меньшего.

Роуэн медленно кивнула, в ее глазах блеснула искра ясности.

— Хорошо, а теперь давай отвезем тебя домой, пока меня не арестовали за то, что я трахнул тебя на чьем-то надгробии.

Она сдержала ухмылку.

— Мы бы этого не хотели.

Внезапно ее шаги замедлились.

— Кейр, я не уверена, что должна вести машину.

— Я уверен, что ты не должна вести машину.

Я подтолкнул ее вперед, придерживая рукой за спину.

— Я попрошу кого-нибудь забрать машину. Ты поедешь со мной.

Успокоенная, она пошла дальше, но снова остановилась, когда я открыл дверь со стороны пассажира.

— Куда ты меня везешь?

— Домой. Теперь ты живешь со мной.

Она кивнула, но ее брови оставались плотно сомкнутыми. Я почувствовал, что она не убеждена, и это меня задело. Она все еще не понимала, что я в ее жизни навсегда.

Роуэн была моей, и я бы доказывал ей это каждый день, если бы пришлось, пока она наконец не поймет.

30

Той ночью, пока Роуэн спала, я лежал в постели и обдумывал свои дальнейшие действия. У меня было две большие проблемы — предательство Орана и опасность, окружавшая Роуэн.

Дамион получил свое прозвище не зря. Этот человек был буквально тенью — без фамилии, без прочных деловых или личных связей. Он появился на сцене из ниоткуда и за несколько недель создал себе дикую репутацию.

Когда я впервые услышал разговоры о нем, я наполовину подумал, не является ли он городской легендой. Как человек мог прославиться за такое короткое время, сохранив анонимность? Как он до сих пор жив, не имея никакой организации, которая бы его

поддерживала? Я решил, что его выдумали для устрашения, а история менялась по мере распространения. Потом я увидел его своими глазами.

Это было около шести месяцев назад, примерно через месяц после того, как начали ходить слухи. Я пошел посмотреть один из боев Торина. Место проведения наших бойцовских вечеров регулярно менялось, чтобы снизить вероятность закрытия. Это была заноза в заднице, но деньги были феноменальными.

В тот вечер мы были на складе в Бруклине. Мы предпочитали подвальные помещения для большей приватности, но это место находилось рядом с верфью на редком, изолированном участке земли. Зная теперь, что я узнал о связи Дамиона с Веллингтоном, это, вероятно, объясняло его появление в тот вечер.

Тор был последним боем в расписании и единственным, который меня интересовал, поэтому я появился только поздно. Все, кто пришел на бои, уже были внутри. Я уже собирался войти, когда услышал странный звук со стороны здания. Он был похож на мычание раненого животного.

Возможно, ничего страшного, но я решил заглянуть, потому что Тор обычно был главным в этих делах, и он был занят подготовкой к бою. И если по какой-то причине полицейские окружили это место, я хотел застать их врасплох и поднять тревогу. Я тихо подошел к углу здания и прислушался. Снова послышался высокий голос.

Медленно я заглянул за металлическую обшивку.

Трое мужчин стояли над четвертым, который лежал на земле. Он двигался, но как-то странно, болезненно. Я рассматривал их всего несколько секунд, когда один из троих повернулся и посмотрел прямо на меня, как будто каким-то образом знал, что я здесь. Я не ускользнул. У меня не было привычки трусить. Так я оказался перед самым арктическим, безжалостным взглядом льдисто-голубых глаз, который я когда-либо видел, со шрамом, о котором я так много слышал, идущим от виска к губам.

В конце концов, двое других мужчин тоже посмотрели в мою сторону. Я перевел взгляд на каждого из них по очереди, затем на лежащего на земле мужчину, после чего небрежно повернулся и пошел прочь. Я оставил их в покое, и они, похоже, сделали то же самое со мной. Из этой встречи ничего не вышло. Однако на следующее утро, когда наши люди пошли на склад, чтобы убедиться, что там нет никаких улик, ведущих к нам, они нашли человека, который корчился на земле. Его язык был вырезан, а затем засунут обратно в горло, и по крайней мере половина костей в его теле была раздроблена.

Мы не были добры к нашим врагам. Было бы ложью утверждать обратное. Однако нужно было обладать особой безжалостностью, чтобы нанести такой ущерб на публике. В тот день я понял, что слухи были правдой.

Дамион был психопатом и практически неприкасаемым, о нем так мало известно. И теперь он мог хотеть или не хотеть смерти Роуэн. Я понятия не имел, что с этим делать и с чего вообще начать. На данный момент, лучшее, что я мог сделать, это заявить о своих правах на Роуэн и надеяться, что это сдержит волков.

Ситуация с Ораном, с другой стороны, была намного проще. Я знал, какие шаги нужно предпринять; я просто ненавижу делать это. Но имело смысл сначала разобраться с Ораном. Если он был связан с Дамионом, у него может быть информация, которая поможет мне добраться до этого человека.

Боже, помоги нам обоим, если Оран не захочет говорить.

Я сделаю все необходимое, чтобы Роуэн и моя семья были в безопасности, но мне было

неприятно думать о том, что это может означать.

Я перекатился на бок и посмотрел на спящую жену. Она лежала лицом от меня, открывая мне прекрасный вид на плющ, чернеющий вдоль ее позвоночника. Она была такой чертовски сильной. Но даже самые крепкие деревья нуждаются в прочном фундаменте для своих корней. Я хотел дать ей это, чтобы она процветала, и я вырежу сердце любому мужчине, который будет представлять для нее угрозу, даже если этот мужчина будет членом моей семьи.

На следующее утро я снова отвез Роуэн в дом ее родителей, чтобы она не оставалась одна, пока я встречаюсь со своей семьей. Ее отец должен был работать, но он распорядился, чтобы охрана осталась в доме с Роуэн и ее матерью. Я бы предпочел оставить ее в руках одного из моих кузенов, но мне нужно было, чтобы они все присутствовали при этом разговоре. Пришло время ввести их в курс дела и решить, что делать с Ораном.

Каждый день в Моху был короткий промежуток времени с шести до десяти часов утра, когда клуб закрывался на уборку. Я назначил нашу встречу на девять и приехал на десять минут раньше. Торин уже был внутри, сидел за барной стойкой и пролистывал свой телефон.

— Спасибо, что пришел, — сказал я, подходя к нему. — Я знаю, что для тебя это, наверное, рано.

— Вчера вечером не было драк, так что я не задержался.

Поздно было относительно. Большую часть времени его ночи и дни менялись местами. Я не был уверен, было ли дело в этом или просто в его характере, но парень, казалось, был вечно в плохом настроении. Он был надежным и верным — у меня не было с ним проблем, но я также не понимал его до конца. У меня было ощущение, что ему это нравится. Он всегда был своего рода одиночкой.

— Ты скоро выйдешь на ринг?

Я бы подумал, что в двадцать восемь лет он уже покончил с этим дерьмом, но фишка на его плече позволяла ему оставаться в игре. Его выбор.

— Сейчас ничего нет. Сегодня вечером мы показываем нового парня с Кубы. Решил посмотреть, что он умеет. Если он покажется мне подходящим, я могу устроить с ним матч.

— Дай мне знать, если ты это сделаешь. Я приду посмотреть.

— Не поощряй его, мистер, — укорила Сторми своим мягким южным голосом, выходя из-за стойки бара. — Ему незачем это делать. Он только причинит себе вред.

Уголок моего рта дернулся вверх.

— Нет ничего лучше небольшой боли, чтобы заставить человека почувствовать себя живым.

Торин хмыкнул.

Сторми поставила стопку стаканов, которую несла, на стойку и закатила глаза.

— Если тебе нужно почувствовать себя живым, прыгни с тарзанки или пробегги марафон — не нужно рисковать повреждением мозга ради небольшого количества адреналина.

Я постучал костяшками пальцев по голове Торина.

— Здесь нечем рисковать, Сторми.

— Да пошел ты, — язвительно сказал Тор.

И если я не ошибаюсь, думаю, он даже ухмыльнулся.

Входная дверь распахнулась, впуская ослепительный поток света, и Коннер, папа и Нана вошли внутрь.

Какого хрена здесь делала Нана Байрн? Я посмотрел на отца.

Он раздраженно поднял руки.

— Не стоит спрашивать меня. У нее прием у врача через час. Тебе нужно было встретиться? Это был единственный выход.

Господи.

Нана продолжала идти к бару, тяжело опираясь на ходунки.

Сторми усмехнулась.

— Я рада, что Нана составит мне компанию, пока вы, мальчики, разговариваете.

— Это мило с твоей стороны, девочка, — сказала Нана. — Но пока что просто налей мне виски, а потом я послушаю, как обстоят дела.

— Ма, сейчас девять утра, — засуетился папа. — И мы собираемся идти в кабинет твоего кардиолога. Ты действительно хочешь появиться там, провоняв виски?

Она нахмурилась в ответ.

— И что он собирается делать со мной, Джимми Байрн? Посадит меня в карцер? Мне восемьдесят пять, и я выпью, если захочу.

Она обернулась и кивнула Сторми, которая сдержала улыбку и налила солидную порцию виски.

Нана выпила жидкость так, словно это был яблочный сок, затем повернулась к нему лицом.

— Ладно, давайте начнем это шоу.

Никто не захотел спорить. Я кивнул Сторми, чтобы она не мешала, и мы выбрали достаточно большой стол, чтобы за ним поместилась наша группа, и поставили стулья.

— Мы не ждем Орана? — Спросил Коннер.

Мой отец выжидающе посмотрел на меня, его любопытство разгорелось. На семейных собраниях обычно присутствовали главы каждой ветви семьи. Из трех родных братьев Байрнов Броуди уже умер, а Талли, который был наименее активным из троих, редко принимал участие в собраниях. Торин, хотя и был самым младшим из детей Талли, взял на себя руководство этой ветвью. Коннер стал представителем единственной сестры Байрнов, Миррен, и мы с отцом часто работали вместе, поскольку он еще не был готов передать эстафету. Таким образом, линия Броуди осталась неучтенной на нашей встрече.

— Я не пригласил Орана, потому что он — тема нашей встречи, и по той же причине я не счел разумным звать Шай.

Как единственная женщина Байрнов, принимавшая активное участие в семейном бизнесе, она также была младшей сестрой Орана.

Мой отец сел обратно, глаза сузились.

— О чем именно идет речь, сын?

Четыре пары голубых глаз уставились на меня. Я продолжил.

— Мои опасения начались в день смерти дяди Броуди.

Папа хмыкнул.

— Только не это дерьмо снова.

Мои плечи поднялись, и в нехарактерном для меня порыве я хлопнул рукой по столу.

— Мне это нравится не больше, чем тебе, но это нужно сказать, и ты, блядь, будешь слушать.

Напряжение наполнило комнату яростным потоком.

Я сделал медленный, ровный вдох и рассказал своей семье все, что узнал за последние

недели. О том, что Оран был единственным человеком, который знал, где будет Броуди в ночь его смерти. О женщине, с которой я его видел, и ее исчезновении. И, наконец, о краденом оружии, которое снова оказалось в руках русского.

Я не должен был удивляться, когда первой ответила Нана, ее поджатые губы плотно сжались.

— Это очень серьезные обвинения, Кейр.

— Согласен, поэтому я и хотел обсудить это всей семьей, прежде чем принимать какие-либо решения.

— Да, и именно так и следует поступить, — кивнула она и скрестила руки на груди. — Оран — член семьи, такой же, как и все мы, и ему нужно дать возможность все объяснить. Ты бы хотел по крайней мере того же, будь ты на его месте.

— Я планировал сделать именно это, — сказал я ей. — Но я думаю, что мы все должны быть на одной волне в том, как к нему подойти.

— Скорее раньше, чем позже, — сказал Торин, добавив остроты в свой обычно сухой тон. — Если есть причины для беспокойства, я бы не хотел, чтобы он узнал о наших подозрениях.

— Я согласен, — подхватил Коннер. — Я предлагаю сделать это сегодня утром. Подождем его наверху. Это наш лучший шанс получить честные ответы.

Мой отец нахмурился.

— Я не могу присоединиться к вам, но я полагаю, что лучше вам троим разобраться в ситуации. Он твой кузен, — неохотно сказал он.

Папе было нелегко отпустить ситуацию. Если бы рядом не было Наны, я не знаю, что бы он сделал.

— Что мы скажем Шай, когда она спросит, почему ей не сообщили о ее брате? — Спросил Коннер. — Я тот, кто должен работать с ней, и я не хочу провести следующие шесть недель, вынужденный прикрывать свою спину в своем собственном чертовом офисе.

Я думал об этом и у меня был ответ.

— Папа приставил её нянькой к Девлину, парню, приехавшему из Дублина.

— Какой парень из Дублина? — Спросил Коннер, садясь выше.

Я обменялся взглядами с отцом.

— Разве тебе никто не сказал?

Коннер только что вернулся из медового месяца и проводил большую часть времени со своей молодой женой.

Папа пожал плечами.

— Не стоило беспокоить молодоженов.

Я дал краткое объяснение.

— Сейчас это не имеет значения, но этот парень появился неожиданно. Говорит, что его прислали из Дублина, чтобы проверить албанские проблемы.

Коннер усмехнулся.

— Этот вопрос был решен несколько недель назад.

— Именно. Вот почему Шай поручили следить за этим парнем. На всякий случай.

— На случай чего?

Коннер перевел взгляд с меня на отца.

Папа снова пожал плечами.

— Кто знает. Люди из старой страны делают все немного по-другому. Мы в основном

независимы от них, но некоторые старые соперничества все еще живы.

— Как раз то, что нам нужно, — пробормотал Коннер.

Торин хмыкнул.

Нана усмехнулась.

— Прямо как в старые добрые времена. Это было настоящее удовольствие, ребята.

Она встала, фактически прекратив нашу встречу.

— А теперь иди поговори со своим кузеном и разберись с этим. Я никогда не терпела, чтобы мои мальчики дрались, и не собираюсь начинать сейчас.

Она стукнула своими ходунками по соседним стульям и, шаркая, направилась к двери.

Папа просто смотрел ей вслед, качая головой в знак поражения.

— Позвони мне, когда все закончится, — добавил он тихо.

Я наклонил подбородок. Возможно, бабушка и не переживала из-за того, что узнала, но я не была столь оптимистична. Я также намеренно избегал упоминания о связи между Ораном и Роуэн, потому что не хотел обсуждать возможные последствия в присутствии Наны. Она была суровой старой женщиной, но ей было бы больно узнать, что я планирую сделать, если Оран попытается утаить информацию. Я никогда не верил в блудного сына. Люди были либо друзьями, либо врагами, и не было пути назад, когда эта черта была перейдена.

Оран занимал кабинет напротив моего над Моху, хотя к самому клубу он имел мало отношения. Как и его отец до него, он взял на себя роль лица нашей организации. Если мой отец был организатором, то дядя Броуди был прикрытием. Он общался с влиятельными людьми из всех слоев общества. Оран пошел по его стопам, убедившись, что у него есть связи со всеми, кто был кем-то.

Эта схема всегда работала на меня. Меньше всего мне хотелось с кем-то разговаривать, не говоря уже о том, чтобы быть дружелюбным. Однако, поскольку большую часть моего времени занимал стриптиз-клуб, а Коннер управлял нашим клубом Bastion, контроль над семейной империей в целом постепенно переходил от моего отца к Орону. Я не думал, что эта власть дойдет до головы моего кузена, но, похоже, я ошибался.

Мы втроем удобно устроились в большом угловом кабинете. Коннер сел на кожаный диван, а мы с Торином заняли по креслу. По дороге мы молчали, но Коннер начал разговор, как только мы уселись.

— Похоже, я многое пропустил во время медового месяца. Я слышал, ты успел сыграть свадьбу, пока меня не было.

Взгляд Коннера требовал объяснений.

Я наклонил подбородок, признавая его скрытый укол.

— Я рад, что ты об этом заговорил, потому что нам нужно поговорить и об этом.

— Я знал, что дядя Джимми хочет быть вместе с губернатором. Это было последнее, что я слышал.

— Он хотел, но это не было частью моей причины жениться на Роуэн. Это сложно, но причина, по которой мы так быстро двигались, в том, что Роуэн в опасности. Дамион каким-то образом связан с другом семьи. Роуэн обнаружила, что у этого друга в доме была женщина, закованная в цепи, и теперь они с Дамионом знают, что она видела эту женщину.

— Господи, да у нее на спине будет мишень размером с остров Род.

Тор хмыкнул в знак согласия.

— Я в курсе, — выдохнул я. — Как я уже сказал, это была сложная пара недель.

Коннер на секунду замолчал, но, судя по тому, как его глаза были устремлены на меня, он еще не закончил.

— Брак — это смелый шаг. Должно быть, девушка заслуживает такой защиты.

Он выпытывал информацию. Меня это устраивало. Мне не нужно было скрывать, что я чувствую к Роуэн.

— Она моя, и теперь все об этом знают.

Я встретил его пристальный взгляд.

Коннер усмехнулся.

— Ну, будь я проклят. Поздравляю, чувак.

Он повернулся к Торину и ухмыльнулся.

— Похоже, ты следующий.

— Блять, нет.

Мы с Коннером рассмеялись, хотя смех быстро угас, когда реальность нашей нынешней ситуации вернулась в наше сознание. Мы не знали, когда придет Оран, но удача была на нашей стороне. Не прошло и десяти минут, как наш кузен появился в дверях своего кабинета, встретившись с каждым из нас стальным взглядом.

— Разве это не уютное воссоединение семьи? Чем обязан?

Его голос был настороженным, как и должно было быть. Мы не появлялись без причины. Серьезной причины.

Я встал, когда Оран проследовал к своему месту за столом. Язык моего тела был непринужденным, но я внимательно следил за своим пистолетом в кобуре, заряженным и готовым к стрельбе. Мужчины были всего лишь животными, когда их загоняли в угол. Мне не хотелось думать, что мой кузен способен стрелять в нас, но его спина была прижата к стене. Образно и буквально.

— Мы хотели бы поговорить с тобой о некоторых вещах, которые стали известны.

— Понятно. И что же это за вещи?

— Совсем недавно я случайно увидел пару SIG 550 у человека, который не должен был их иметь.

— Кто?

Его взгляд стал жестким.

— Люди, работающие на Дамиона. Тень.

Я не стал давать ему больше информации. Я находил свои допросы более продуктивными, когда позволял своему объекту извиваться.

— Оружие могли получить в другом месте? — Спросил он, не слишком нервничая.

— Сомнительно. Ты же знаешь. Не военного образца, как наши.

Он рассеянно потер подбородок.

— Я допускаю, что они могли стоять за кражей, но откуда они могли знать о поставке?

В комнате воцарилась тишина, наши взгляды превратились в три смертоносных кинжала, направленных на Орана.

— Вот что мы хотели бы знать, — наконец сказал я.

Он оторвался от своих мыслей, его глаза медленно перебежали с одного из нас на другого.

— Вы же не думаете всерьез, что я имею к этому какое-то отношение?

— Это ты нам скажи. Это ты настаивал на том, чтобы операции с оружием продолжались. Ты возглавил сделку. Ты был единственным, кто знал все детали.

— Это чертово безумие, — прорычал он, оскалив зубы. — Ты не можешь верить, что я так предаю свою семью.

— Я не знаю, Оран. Может быть, предательство дается тебе легко. Я видел, как ты несколько раз разговаривал с той молодой девушкой внизу, как будто вы хорошо знаете друг друга. Очень хорошо. Я бы не подумал, что ты так неуважительно отнесешься к своей новой жене. Наш отец учил нас лучше. Но, как ни странно, она исчезла вскоре после того, как я заметил вас вместе. Просто не появилась на работе в один прекрасный день. Но я не думаю, что ты случайно знаешь что-нибудь об этом.

Оран указал на меня пальцем, в его глазах вспыхнула ярость.

— Я пытался помочь ей. И я ничего не знаю о ее исчезновении.

Его непреклонное отрицание заставило мой гнев вспыхнуть.

— Тогда как, черт возьми, ты объяснишь тот факт, что ты был единственным, кто знал, что твой отец решил заехать в Моху в ночь своей смерти?

Я бросил на него ответный удар.

— Это не было частью его рутины. Ты думаешь, мы поверим, что это было совпадение?

Оран вскочил на ноги, хлопнув руками по столу. В то же мгновение Торин, Коннер и я выхватили пистолеты.

— Я НЕ подстраивал смерть своего отца. Потеря, блять, выпотрошила меня, и если пуля — это то, что я должен сделать, чтобы доказать это, то спускай чертов курок.

Глаза Орана пылали.

Секунды тикали. Пять. Десять. Пятнадцать.

Я медленно опустил свой пистолет, хотя мои двоюродные братья держали свои поднятыми.

— Тогда как ты объяснишь все это, Оран? Потому что нам нужны чертовы ответы.

Его гнев замерцал и перешел в нечто, напоминающее ужас. Он положил руки на стол, наклонившись, словно изнемогая от тяжести своей ноши.

— Я ничего не говорил, потому что не мог получить доказательств, а я ненавижу делать заявления, которые не могу поддержать. Но не такие обвинения, как это.

Он медленно поднял голову, пока его измученный взгляд не встретился с моим.

— Кейтлин знала. Это она позвонила папе и попросила его заехать за мной в клуб. У меня разболелась голова, и я попросил ее позвонить ему, пока я буду лежать.

Комната взорвалась оглушительной тишиной.

Кейтлин? Милая, скромная Кейтлин? Неужели он пытался свалить все на нее? Я посмотрел на своих кузин по обе стороны от меня, пытаюсь понять, что происходит, но у них были растерянные выражения лиц, которые совпадали с моими собственными.

— На что именно ты намекаешь? — Потребовал я.

Коннер опустил пистолет, но угрожающе шагнул вперед.

— Ты бросаешь свою собственную жену на растерзание волкам только для того, чтобы спасти себя?

— Вы трое действительно думаете, что я способен на такое?

Оран усмехнулся, его взгляд остановился на каждом из нас.

Я вздрогнул.

— На нашем месте ты был бы вынужден прийти к тем же выводам, что и мы. А теперь говори, что ты хочешь сказать.

Он глубоко, устало вздохнул, его плечи опустились.

— После смерти отца что-то не заладилось. Я не мог избавиться от тревожного чувства, что все это слишком совпало, но я не знал, как еще это объяснить. Потом украли оружие.

Он провел рукой по волосам.

— Мои записи об обмене были в моем домашнем офисе, я думал, что там безопаснее, чем здесь, в клубе. Больше никто ничего не знал об обмене. Я даже не сказал нашим ребятам о поставке, хотя обычно бы сказал, но смерть отца сделала меня параноиком. Через день оружие исчезло. Еще одно непонятное совпадение — как могло не повезти, что кто-то случайно наткнулся на груз и украл его? Но опять же, у меня не было никаких прямых улик, указывающих на Кейтлин или кого-либо еще. Какого хрена я должен был обвинять свою жену в этом дерьме, не имея ни малейших доказательств? Может, мы и не были возлюбленными с детства, но она моя гребаная жена. Я не знал, что делать, кроме как начать следить за ней как ястреб.

— Ты держишь свой домашний офис закрытым? — Спросил я.

Оран помрачнел.

— Нет. Я думал начать запираать его после исчезновения оружия, но решил, что это наведет ее на мои подозрения.

— И с тех пор ты ничего не смог на нее найти?

— Я обыскал наш дом сверху донизу, просмотрел ее телефон и даже, блядь, следил за ней, когда мог. Она так чертовски чиста, что я усомнился в собственном здравомыслии.

— Она была в Моху, — вмешался Тор.

Все взгляды обратились к нему.

— Я ничего не думал об этом, но я видел, как она разговаривала с той девушкой.

— С той девушкой? — Спросил я.

Торин наконец опустил пистолет.

— Да, Дарина, которая исчезла. Однажды Кейтлин разговаривала с ней на заднем дворе. Я подумал, что это странно, но это не мое дело.

Целый котел эмоций всколыхнулся у меня под кожей — неверие, настороженность, облегчение. Может ли это быть нашим ответом? Была ли милая Кейтлин виновна в этих непростительных преступлениях против нашей семьи?

— Она сказала, что ты работал с ее братом, — сказал я Орону, вспоминая наш разговор с ней возле дома Пэдди и Наны.

Лицо Орана скривилось от презрения.

— Серьезно? Флинн — засранец, и у него на плече столько фишек, что хватит, чтобы потопить Титаник. Я избегаю его любой ценой.

Твою мать.

Я никогда даже не думал о Флинне Доноване.

— Может, он использует ее? Манипулирует ею, чтобы она дала ему информацию?

Я не был уверен, какие рычаги у него могут быть, но это многое бы объяснило.

— Это единственное, что имеет смысл, — серьезно ответил Оран.

Перед встречей я мысленно подготовился к тому, что меня не поколеблют отрицания только потому, что Оран — мой кузен. Я отбросил все эмоции и постарался воспринимать его так же, как и любого другого человека, которого я подозревал в том, что он нас надул. Даже используя мой самый беспристрастный фильтр, все фибры моего существа соглашались с этим. Он говорил правду. Оран не предавал семью.

Я почувствовал чертово облегчение.

Я засунул пистолет обратно в кобуру, побуждая своих кузенов сделать то же самое. Мы все четверо сидели, обдумывая последствия этой новой информации. Я был первым, кто высказал свои мысли.

— Неужели Флинн действительно мог поверить, что ему все сойдет с рук?

Все это ошеломило меня.

— Чего он надеялся добиться?

Коннер недоверчиво покачал головой.

— Семья Донованов распалась много лет назад. Сейчас ее уже не возродить.

— Мне уже надоело задаваться вопросом "почему?", — сказал Оран со смертельным спокойствием. — Вопрос в том, что мы собираемся с этим делать?

Я снова посмотрел на Коннера.

— У тебя все еще есть тот тайник с пентоталом натрия, когда нам нужна была информация от того албанца?

Он кивнул.

— После того, как я увидел, как хорошо он работает, я запасся.

Хорошо.

— Тогда я предлагаю отправиться к тебе домой, Оран, и получить некоторые ответы.

Я выдержал его измученный взгляд, моя грудь сжалась.

— Мне жаль, что я сомневался в тебе. Надеюсь, ты меня поймешь.

Его серые глаза стали острыми, как полированная сталь.

— В том-то и дело. Я понимаю, потому что след привел прямо к моей двери. Это самое ужасное. Я думаю, она подставила меня, чтобы я взял вину на себя.

Это было хреново.

Как она могла дать клятву, поддержать Орана и впустить его в себя, одновременно подписывая его смертный приговор?

Это было ужасное дерьмо. Я даже представить себе не мог, что чувствовал мой кузен.

— Давай, покончим с этим. Это дерьмо закончится сегодня.

31

Охрана пропустила меня внутрь, когда я добралась до дома родителей. Я осмотрела нижний этаж и не увидела маму, поэтому решила посидеть в своей комнате. Когда я поднялась на второй этаж, я сразу заметила, что дверь в комнату Айви была приоткрыта. Эта дверь всегда была закрыта. Всегда.

Прошли годы с тех пор, как я заходила внутрь. Мне не нравились воспоминания, нахлынувшие на меня, но я нутром понимала, что мама там и что я должна пойти за ней.

Каждый шаг давался мне тяжелее предыдущего, но в конце концов я добралась до двери. Я была права. Мама была внутри, сидела на кровати, прижимая к груди розового плюшевого мишку Айви. За все годы после смерти сестры я ни разу не видела, чтобы мама заходила в эту комнату. Мне всегда казалось странным, что она настаивала на сохранении всего в неизменном виде, если никто не видел комнату, но когда мои глаза встретились с ее глазами, я поняла, что ошибалась. Мама была здесь как дома. Это был ее портал к дочери, которую она потеряла.

Я наполовину ожидала, что она вскочит и выставит меня вон, но этого не произошло. Вместо этого она улыбнулась и похлопала по кровати рядом с собой. Чувствуя себя так, словно я попала в искривление времени, я вошла в затемненную комнату и присоединилась к ней.

— Ты в порядке? — Тихо спросила я.

— Да, милая. Просто задумалась. В последнее время я много этим занимаюсь.

— Да?

Я не была уверена, хорошо это или нет. У нас с мамой никогда не было очень близких отношений — я была скорее папиной дочкой, и мы, конечно, не разговаривали по душам, так что я понятия не имела, к чему она клонит.

— Я думаю, пришло время для перемен. Наверное, это кажется безумием, что я никогда не прикасалась к этой комнате, но... я просто не могла. Это все еще нелегко, но даже если бы Айви была здесь, она бы не хотела, чтобы ее комната была такой детской. Я подумала, что мы могли бы освежить обстановку и немного переделать ее. Мы могли бы сделать из нее гостевую комнату в стиле Айви.

Она посмотрела на меня с такой надеждой, что у меня сжалось сердце.

— Ты думаешь... ты захочешь поработать над этим... со мной? Я подумала, может быть, мы могли бы сделать это вместе.

Мне пришлось дважды сглотнуть, прежде чем я смогла проглотить слова и прогнать комок в горле.

— Да, мам. Я думаю, это звучит здорово.

Она кивнула, опустив взгляд с небольшим сопением, затем снова посмотрела на меня и улыбнулась. Она подняла руку и пригладила прядь волос.

— Ты сегодня не накрасилась.

— Да... Я не красилась, пока мы с Кейром были в отъезде, и это было даже приятно. Просто позволила коже дышать.

Ее глаза смягчились.

— Я рада. Ты идеальна такой, какая ты есть.

Поток эмоций прорвался через мою грудь, но прежде, чем он смог одолеть меня, мама встала и улыбнулась.

— Ты уже завтракала? Я могла бы приготовить яичницу.

— Я уже кое-что съела, но спасибо.

— Хорошо, я собираюсь приготовить что-нибудь для себя.

Она снова нежно коснулась моих волос, затем повернулась. Я последовала за ней из комнаты, остановившись, чтобы посмотреть, как она спускается по лестнице. Потеря Айви сломила ее. Хотя я боролась, моя связь с близняшкой всегда заставляла меня чувствовать, что я все еще сохраняю частичку моей сестры. Мама напоминала мне потерянного мальчика из "Питера Пэна", который никак не мог найти свой мячик. Она сделала все, что могла, но потеря оставила ее в дрейфе, и она так и не смогла найти дорогу назад.

Тяжело вздохнув, я пересекла коридор и направилась в свою комнату. Мне нужно было побыть одной, чтобы все обдумать.

Я прилегла на кровать, рассеянно изучая светильник люстры. Должно быть, я задремала, потому что в следующий момент меня разбудило жужжание телефона в кармане.

Стетсон: Мы можем поговорить?

Липкий дождь вины обрушился на меня.

Я избегала его, а это было не в моем стиле. Мне нравилось решать проблемы в лоб, но я не знала, как объяснить, что произошло. Мы со Стетсоном были вместе год и знали друг друга гораздо дольше. Мы не были так влюблены, как я думала, но это не означало, что мой поступок не был жестоким предательством. Как бы трудно это не было, дать ему понять, что

это самое меньшее, что я могла сделать.

Я: Конечно. Но я в доме своих родителей.

Стетсон: Я у папы. Не могла бы ты заехать сюда?

Кейр сам убьет меня, если я снова переступлю порог этого дома. Неважно, сколько вины я на себя взвалила, я бы даже не рассматривала такой вариант.

Я: Я не могу. Ты можешь заехать сюда? Прости. Это сложно.

Стетсон: Да, я скоро приеду.

Казалось, что мой день будет наполнен неудобными разговорами. Хорошо.

Я сделала глубокий вдох и попыталась сосредоточиться на том, что, по крайней мере, скоро все закончится.

32

Оран, Коннер, Торин и я сели в мою машину, чтобы отправиться на встречу с Кейтлин. По дороге мы заехали в клуб Bastion, чтобы взять необходимые вещи, а затем незадолго до полудня прибыли в многоквартирный дом Орана.

Я написал Роуэн, чтобы проверить, как она, пока ждал Коннера, забежавшего в Bastion. Она заверила меня, что все в порядке. Я ненавижу, что мне приходится беспокоиться о ней, но ситуация с Кейтлин помогала. По крайней мере, я продвигался к решению проблемы на одном фронте. Как только все закончится, мы с кузенами найдем способ разобраться с Веллингтоном и Дамионом.

— Ты готов к этому? — Тихо спросил я Орана, когда мы шли к лифту.

— Не беспокойся обо мне.

Он молчал по дороге сюда, на его лице не было ничего, кроме решимости, но я знал, что это должно быть трудно.

— Тебе не нужно этого делать, ты знаешь. Мы можем позаботиться об этом без тебя.

— Если она перед кем-то и ответит, то это буду я. Она украла моего отца, черт возьми.

Справедливо.

Никто из нас не сказал больше ни слова по дороге наверх или даже когда мы вошли в квартиру. Кейтлин поприветствовала нас в гостиной, ее улыбка померкла от режущих взглядов, которые она получила в ответ.

— Что происходит? — Спросила она нерешительно.

— Почему бы тебе не присесть?" Оран кивнул в сторону дивана. "Нам нужно поговорить."

Ее взгляд скользнул по нам, прежде чем она подчинилась. Торин, Коннер и я расположились по краям комнаты.

— Вы меня немного пугаете.

Никто не сказал ни слова.

Оран медленно подошел к своей жене.

— Как давно ты это планировала, Кейтлин?

Его голос был угрожающим рычанием разъяренной пантеры.

Она нахмурила брови.

— Что?

— Был ли наш брак частью твоего плана, чтобы нанести нам удар, или ты просто использовала эту возможность в своих интересах?

— Нанести удар? Оран, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Ее расширенные глаза пристально следили за ним, пока он начинал шагать.

— Ты позвонила моему отцу той ночью. Ты и я были единственными, кто знал, что он будет там.

Ее челюсть упала, как будто она была готова поспорить с ним, но он продолжал.

— Я не хотел в это верить, но когда пропало оружие, я понял, что что-то не так. В лучшем случае у нас был крот, а в худшем — чертов предатель. Ты хорошо постаралась, чтобы все было похоже на меня. Одурачила моих кузенов.

Он потянулся за спину и вытащил черный 9-миллиметровый пистолет. Шагнув вперед, он небрежно приставил ствол к ее виску.

Тело Кейтлин содрогнулось от рыданий, слезы наполнили ее глаза.

— Пожалуйста, Оран. Я не хотела ничего из этого делать. Пожалуйста, он не оставил мне выбора.

— Флинн?

Она отрывисто кивнула.

Оран опустил пистолет, по-прежнему глядя на нее с безжалостным спокойствием.

— Тебе лучше молиться, чтобы это была правда.

Он бросил взгляд на Коннера, который оттолкнулся от стены и присоединился к ним с маленькой черной коробкой в руках.

— Что-что это? — Заикнулась она.

Коннер положил коробку на журнальный столик и достал шприц и маленький стеклянный пузырек.

— Оран, что он делает? Пожалуйста, детка. Ты меня пугаешь.

Его терпение иссякло, он взял ее подбородок в руку и сжал ее щеки между пальцами.

— Ты должна бояться, Кейтлин. Ты собираешься рассказать нам все, что мы попросим, и если я сочту тебя хоть на йоту виновной, я убью тебя на хрен.

Три тягучие секунды прошли в тяжелом молчании, прежде чем Кейтлин вырвалась из его объятий и бросилась прочь от него.

— Не трогай меня, мать твою, — шипела она, глаза пылали. — Вы все, блять, трусы. Вы заслуживаете всего, что с вами приключилось, и даже хуже.

Оран бросился на нее, схватил ее за запястье, а другой рукой зажал ей горло. Мы с Торином бросились к ней, чтобы сцепить ее руки за спиной. Она билась о нас, как дикое животное.

Господи Иисусе.

Какая-то часть меня все еще была уверена, что это было недоразумение. Она не могла быть виновата. Но невозможно было опровергнуть злобную ненависть, хлынувшую из ее глаз. Ее поведение было настолько невероятным, что я подумал, а не было ли ее две, ведь я никогда не встречал женщину, которая находилась перед нами.

Как только мы с Торином зафиксировали ее, Оран ослабил хватку, позволяя дыханию вернуться в ее легкие. Она кашляла и хрипела. Ее тело вибрировало от ненависти и ярости, когда она наконец подняла взгляд на мужа.

— Я не скажу тебе ни хрена. Мне все равно, что ты мне вколешь.

Коннер щелкнул наполненным шприцем.

— Почему бы нам не проверить эту теорию, а?

Мы с Торином крепко держали ее, пока Коннер погружал иглу в ее руку. Кейтлин вздрогнула, зажав рот. Мы видели действие препарата, поэтому знали, что это лишь вопрос времени. Через пятнадцать минут ее глаза закатились, а веки сомкнулись. Все ее тело почти

сникло, и нам пришлось усадить ее на диван.

— Кейтлин, ты меня слышишь? — Спросил Оран.

— Да.

Единственное слово было жутко безэмоциональным.

— Ты сказала кому-то, где будет Броди Байрн в ночь его смерти?

Никто из нас не переводил дыхание, ожидая ее ответа.

— Дааа, — пробормотала она. — Это было слишком идеально, чтобы отказаться.

Флинн был так взволнован, когда я позвонила.

Гордость озарила ее лицо.

У Орана дернулся мускул на челюсти — единственный признак того, что ее слова его обеспокоили.

— Почему Флинн хотел смерти Броуди?

— Он убил папу, конечно же.

Ее голос стал тревожно детским.

— И чтобы ослабить Байрнов. Если Байрны будут слабы, Донованы смогут подняться.

Ее руки взлетели вверх.

Оран медленно покачал головой.

— А оружие? Флинн забрал оружие?

— Оно было ему нужно.

— Зачем?

— Для человека со шрамом.

Теперь она завладела каждой унцией моего внимания. Это подтверждало, что Флинн был связующим звеном с Дамионом.

— Как его звали? — Продолжал Оран, вероятно, желая подтвердить, что мы говорим об одном и том же человеке со шрамом.

Кейтлин пожала плечами.

— Не знаю. Флинн никогда не говорил и не позволял мне присоединиться к нему на встречах.

Прежде чем Оран смог продолжить, я поднял руку.

— Как ты узнала, что у него есть шрам, Кейтлин?

Ее губы причудливо изогнулись в уголках.

— Потому что я однажды подглядела. Флинн ничего мне не сказал, и мне стало любопытно.

Ее глаза оставались закрытыми, но рука поднялась, словно касаясь чего-то перед собой.

— Он не был похож ни на кого, кого я когда-либо видела. Как будто Джек Фрост ожил, вырезанный из чистого льда.

— Ты знаешь что-нибудь еще о нем, например, где его найти? — Подтолкнул я.

Кейтлин покачала головой.

— Он никто. Просто тень, а тени не могут быть найдены.

Я сел обратно на диванную подушку, испытывая разочарование.

— А что насчет Дарины, молодой официантки из Моху? — Оран продолжил допрос. — Ты как-то причастен к ее исчезновению?

— Твоя подружка-шлюха? — Она насмеялась. — Я избавилась от нее.

— Почему? Какое это имело для тебя значение?

— Ты не имел права, — сказала она, на ее губах заиграла усмешка.

— Изменять? Это довольно лицемерно со стороны предателя.

— Нет.

Ее расширенные глаза медленно открылись и встретились с его глазами.

— Не имел права на счастье.

Пустота в ее голосе заставила мою кровь похолодеть.

Однако Оран находился где-то за пределами досягаемости. Как будто ничто из сказанного ею не могло его тронуть.

— Все, что ты сделала, это прокляла себя, — ответил он таким же пустым тоном. — Потому что я никогда не трогал эту девушку.

Кейтлин слабо пожала плечами и снова закрыла глаза.

Оран секунду оглядывал комнату, затем прошел на кухню и вернулся с телефоном в руке.

— Это твой единственный телефон, Кейтлин?

По ее лицу скользнула коварная ухмылка.

— Нет.

— А где ты хранишь второй?

— Внутри моей коробки с тампонами.

Она полухихикнула, забавляясь собственной сообразительностью.

Оран исчез на минуту, затем вернулся со вторым телефоном. Он приподнял голову жены.

— Открой глаза.

Она повиновалась. Он провел пальцем по экрану, как только система распознавания лиц разблокировала телефон.

Он несколько раз постучал пальцем по экрану, затем медленно прокрутил страницу, сердито наморщив лоб.

— Что за хрень? Что это? Какое-то дерьмо из "Игры престолов"? Ты что, блядь, издеваешься?

Оран бросил на жену взгляд, полный недоверчивого отвращения.

— Скажи мне, что ты не влюблена в собственного брата.

— Конечно, я люблю своего брата, — сказала она с невинностью.

— Ты трахалась с ним?

В каждом слове сквозило презрение.

— Нет, — ответила она, в ее голосе снова появились эмоции.

— А ты хотела бы?

Наконец она снова открыла глаза и посмотрела на него полупрозрачным взглядом.

— Больше, чем я когда-либо хотела трахнуть тебя.

Господи. Я покачал головой.

— Тор, походи найди что-нибудь, чем можно ее связать. Оран, как думаешь, мы можем отправить ему смс и заставить его поверить, что Кейтлин хочет встретиться?

Нам нужно было сосредоточиться, независимо от того, насколько тревожной была степень ее дисфункции. Движение по этому пути в данный момент не поможет.

Оран помрачнел и вернулся к прокрутке.

— Мы могли бы выяснить, где живет Флинн, и отправиться к нему, но, если устроить засаду на нейтральной территории, у нас будет больше преимуществ. Похоже, они иногда встречались, так что это может сработать.

Он отправил сообщение и стал ждать.

Телефон зажужжал.

— Говорит, что у него встреча через час, и спрашивает, может ли она подождать до вечера.

Я посмотрел на Кейтлин, побуждая ее повернуться ко мне лицом.

— Кейтлин, посмотри на меня, — мягко сказал я.

Ее глаза распахнулись.

— Ты любишь Флинна, верно?

Она кивнула.

— Все, чего ты когда-либо хотела — это быть с ним, чтобы он гордился тобой?

Влага собралась на ее ресницах.

— Да, — вздохнула она.

— Наверняка это означает, что ты беспокоишься о нем, не так ли?

Снова кивок.

— Ты даже следила за ним, желая быть рядом. Чтобы защитить его. Именно так ты увидела человека со шрамом, я прав?

Мое сердце заколотилось в груди.

— Люди, с которыми он работает, очень опасны, — прошептала она.

— Где он встречается с ними, Кейтлин?

— На складе.

— Мне нужно, чтобы ты сказала мне, где он находится.

Слеза вырвалась на свободу и потекла по ее щеке.

— На 30-й улице, напротив Хай-Лайн.

Я посмотрел на Тора, который теперь стоял позади нее.

— Свяжи ее.

Он отрезал кусок клейкой ленты и заклеил ей рот, затем принялся заклеивать ей руки.

Я обернулся к Орану.

— У нас не так много времени, но у нас есть элемент неожиданности.

— Давайте возьмем этого ублюдка.

Я никогда не видел, чтобы операция такого масштаба проводилась так быстро. Мы вызвали всех свободных людей, и каждый из них получил определенный участок на складе или рядом с ним. К счастью, только один склад находился на 30-й улице напротив Хай-Лайн, поэтому мы знали, что выбрали правильное место.

Он был ветхим и выглядел заброшенным. Стереотипно идеальное место для такого ничтожества, как Флинн. Внутри было полно пыльных полок, все еще заполненных инвентарем, что послужило отличным прикрытием. В одной части здания у гаражного отсека были видны следы недавней деятельности — следы на покрытом пылью полу и несколько ящиков, которые были новее, чем все остальное в здании. Шестеро из нас расположились внутри, вне поля зрения. Нам оставалось ждать всего несколько минут, прежде чем открылась боковая дверь, и вошел Флинн.

Этот тупой ублюдок был один. Неудивительно, что Донованы прекратили свое существование. В нашем мире никто не выживал без людей, прикрывающих спину — вот почему семьи держались вместе, а такие мужчины, как русский, были большой редкостью. Сила в количестве.

Зная, что Флинн с кем-то встречается, мы все договорились не предпринимать никаких

действий, пока обе стороны не будут присутствовать и мы не сможем оценить ситуацию. Мы сидели молча, пока Флинн не отвлекся от своего телефона.

Прошло полчаса, и только я начал думать, что встреча сорвалась, как раздался стук в металлическую дверь. Флинн поспешил открыть ее. Когда русский со шрамом на лице вошел внутрь с двумя мужчинами по бокам, я не мог поверить в нашу удачу.

Спокойная уверенность леденила кровь в моих жилах.

Это был наш шанс — два зайца, один выстрел. Я не упущу эту возможность.

— Мистер Донован, — ровно произнес Дамион со своим русским акцентом. — Спасибо, что снова встретились со мной.

— Конечно, вы знаете, что я всегда рад...

Дамион поднял руку. — Прежде чем ты продолжишь, ты должен знать, что мы не одни.

Флинн напрягся, его глаза метались по сторонам.

— Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, джентльмены.

Блять. Блять, блять, блять. Все должно было пойти не так.

Мы с Ораном настороженно переглянулись, а затем вышли из тени. Мы все еще превосходили их числом, и будь я проклят, если когда-нибудь покажу хоть унцию страха такому человеку, как русский, будь то преимущество или нет.

— Какого хрена вы здесь делаете? — Прошипел Флинн, его лицо исказилось от гнева.

— Если кто-то здесь и отвечает на вопросы, так это ты, Донован, так что заткнись нахрен, пока с тобой не заговорят.

Приказ Орана пронесся по комнате со смертоносным спокойствием. Затем он повернулся к Дамиону.

— Я удивлен, что человек с твоей репутацией охотно имеет дело с подобной некомпетентностью.

Он поднял ладони в знак согласия.

— Обычно я бы не стал. Но, видишь ли, я приехал в город не по делам и не планирую оставаться здесь надолго.

В воздухе повисло потрясенное молчание.

— Неужели? — Вклинился я. — Потому что похоже, что ты налаживал связи между Флинном здесь и твоим пребыванием в доме Веллингтонов.

Дамион поднял бровь. Похоже, нам удалось удивить и его.

— Скажи мне, Кейр. Ты интересовался моей деятельностью или деятельностью моего помощника, когда следил за домом?

Он использовал мое имя намеренно — демонстрация его знаний и власти.

— Твоего помощника. Ты был просто неудачным совпадением.

Флинн начал ерзать.

— О чем ты, черт возьми, говоришь?

— Твой русский друг работает с Лоренсом Веллингтоном, судоходным магнатом. Видимо, они вместе торгуют людьми, — объяснил я.

— Не совсем так, — сказал Дамион. — На данный момент у нас взаимовыгодное соглашение.

— Ты хочешь сказать, что не ты был поставщиком женщины, которую он держит прикованной в своем доме.

В мой голос прокралась ниточка гнева.

— Лоуренс слишком сосредоточен на финансовой выгоде, чтобы возиться с

содержанием домашнего животного. А вот его сын, с другой стороны...

Адреналин забурлил в моих венах, отправляя мой пульс на орбиту.

Стетсон? Чертов коротышка? Он был ответственен за девочку на чердаке? Конечно, нет. Если это так, то он был бесконечно опаснее, чем я когда-либо подозревал.

Я сжал кулаки, чтобы не выхватить пистолет. Непреодолимая потребность убраться отсюда к чертовой матери загрохотала в моей голове, требуя сделать все необходимое, чтобы добраться до Роуэн.

— Да, — продолжил Дамион. — Я тоже был немного удивлен. Хотя, зря. Молодой Стетсон идеально подходит под эту форму — испорченный и запущенный, получается отвратительная комбинация.

Он хмыкнул.

— Но я здесь не для этого. До меня дошло, что вещи, которые я приобрел у мистера Донована, не принадлежали ему. Как я уже говорил, я в городе ненадолго и не хочу наживать себе врагов.

Он опустил подбородок в джентльменском кивке.

— Пожалуйста, примите сегодняшний день как искренний знак моих извинений.

По щелчку его запястья свет и звук вырвались наружу. Эффект был настолько сильным, что у меня не было выбора, кроме как зажмурить глаза, закрыть уши и опуститься на пол в надежде избежать возможного обстрела. Сенсорная атака длилась недолго, хотя дым, заполнивший комнату, затянулся.

— Что это было, черт возьми?

Слова Орана были почти неслышны из-за звона в ушах.

— Чертова вспышка? — Отозвался я. — Кто, черт возьми, ходит с такой штукой в кармане?

Дезориентированные и задыхающиеся от дыма, мы обыскали местность, но Дамиона и его людей уже не было. Сначала я подумал, что Флинн сбежал вместе с ним. Потом я заметил тело на земле. Брат Кейтлин лежал в луже собственной крови, его горло было перерезано. Русский убил его, прежде чем сбежать. Извинения?

Какого черта?

Я побежал к двери, надеясь, что наши люди, стоявшие снаружи, успели его остановить. Не успели. Хуже того, те, кого мы могли видеть, были связаны и с кляпами во рту.

— Должно быть, у него здесь целая армия своих людей, — подумал я вслух.

Мы думали, что он работает один, но, похоже, мы ошибались.

— Да, но он не причинил вреда никому, кроме Флинна. Что, блядь, все это значит?

Оран стоял рядом со мной, мы оба были озадачены.

— Ни хрена не знаю.

Я достал свой телефон, и мое сердце остановилось. Роуэн написала сообщение всего несколько минут назад. Ее бывший был на пути к ней, чтобы поговорить, и она понятия не имела, что он социопат.

— Черт!

Рваное ругательство вырвалось из моего горла. Я сделал один неуклюжий шаг, прежде чем пара рук отбросила меня назад.

— Куда ты идешь? — Рывкнул Оран. — Он все еще может быть там.

Я даже не думал. Мой кулак был глубоко в его солнечном сплетении, прежде чем я понял, что сделал.

— Да плевать. Роуэн в беде, и, если ты еще раз встанешь у меня на пути, я сломаю твою гребаную челюсть.

На этот раз никто не пытался меня остановить.

33

Я ждала Стетсона внизу, расхаживая от одного конца гостиной к другому. Нервы подстегивали мою кровь адреналином. Мой бывший мог быть в неведении относительно деятельности своего отца, но это не делало наш разговор менее пугающим. На самом деле, если бы Стетсон знал, он мог бы, по крайней мере, начать понимать мою точку зрения. Вместо этого мне пришлось бы объяснять человеку, с которым я встречалась целый год, почему я разбила ему сердце, казалось бы, без всякой причины.

В какой-то момент, прокладывая дорожку в деревянных полах, я написала Кейру сообщение, чтобы он знал, что происходит. Я не привыкла сообщать кому-то о своих делах. У нас со Стетсоном никогда не было таких отношений. Но я знала, что Кейр захочет знать, и мне было приятно осознавать, что для него это важно. Что я важна.

Я так рада за тебя, Ро. Ты заслуживаешь счастья в своей жизни.

Присутствие Айви было успокаивающим бальзамом для моих нервов.

Я подошла к зеркалу возле входа, которого обычно избегала, и мягко улыбнулась своему отражению. Айви была здесь, со мной. Мне всегда казалось, что мое лицо напоминает мне о том, что я потеряла, но внезапно я поняла, что это еще и редкий дар. Сама моя ДНК позволяла мне всегда держать ее рядом с собой.

Я наклонила голову и изучила светлые корни, которые начали появляться на голове. Каково это — позволить им отрасти? Позволить всем обидам, вине и упрекам отрасти, пока они не перестанут меня устраивать, и я смогу начать все с чистого листа. Новая я.

Звучит ужасно затянуто. Двухцветные прически — это уже вчерашний день. Как насчет того, чтобы пойти к парикмахеру и просто обесцветить волосы до блонда?

Я фыркнула от смеха. Я подумаю над этим.

Звонок в дверь вырвал меня из моих легкомысленных мыслей, окунув обратно в чашу маслянистого ужаса.

Я ожидала, что охранник у входа впустит Стетсона внутрь. Когда этого не произошло, я поспешила к двери и открыла ее. Стетсон стоял по другую сторону, его лицо было необычайно торжественным.

— Привет, заходи.

Я отступила назад, чтобы дать ему место, затем заглянула на лестничную площадку, с удивлением обнаружив, что охранник неожиданно отсутствует. Может, у него было какое-то поручение или его отозвали? Я бы спросила маму, но она была на третьем этаже в библиотеке и занималась тем, чем занималась мама.

Я закрыл дверь и провел нас в гостиную.

— Стетсон, я очень, очень сожалею обо всем. Я никогда не хотела причинить тебе боль.

Я села на край кресла, крепко сцепив руки — отчасти от волнения, отчасти чтобы не было видно моей татуировки.

Стетсон не сел. Он стоял в нескольких футах от нее, скрестив руки, одной рукой потирая челюсть.

— Знаешь, Роуэн, дело вот в чем. Твои действия не просто причинили мне боль. Ты заставила меня выглядеть чертовски жалким перед всем чертовым городом.

Злобный блеск в его глазах потряс меня.

Я вскочила на ноги.

— Если ты позволишь мне объяснить...

Я понятия не имела, как именно я буду что-то объяснять, но у меня не было шанса.

— Сядь. Блять.

Его слова были клинками, вынимающими меня из колен.

Что-то было не так. Я чувствовала себя так, словно в моей гостиной стоял незнакомец. Неделями ранее, когда я нашла Кейра в доме, я не чувствовала ни капли страха. Я не была уверена, изменилась ли я настолько кардинально с тех пор или врожденное чувство интуиции сдерживало это чувство, но в любом случае, все было по-другому.

Страх лизнул мой позвоночник и послал волны беспокойства, покалывающие до кончиков пальцев.

— Из тебя получилась бы идеальная жена, — размышлял Стетсон. — Никаких вопросов. Никакого мнения. Достаточно красивая и умная, но нетребовательная. И самое лучшее? Ты была абсолютно лишена эмоций. Мне не пришлось иметь дело с тем, что ты страдаешь из-за малейшего пустяка, как это делают многие женщины.

Он ухмыльнулся и засмеялся про себя.

— Жаль, что ничего не вышло, но я мог бы найти кого-нибудь другого. Всегда найдется кто-то, готовый сыграть желаемую роль, когда на кону достаточно денег.

Я держала свои губы плотно сжатыми, боясь произнести хоть слово. Это было безумием. Я запирала свои эмоции, чтобы защитить себя, но холодная манера поведения Стетсона была чистой воды развратом. Неспособность понять эмоции вообще. Такой отрыв был непредсказуем. Ужасающим.

Он хмыкнул, продолжая свой монолог.

— Но потом у тебя должна была появиться гребаная совесть, — медленно произнес он, подкрадываясь ближе. — Я слышу, как кто-то плачет, Стетсон, — повторил он мое заявление несколькими неделями ранее, передразнивая меня плаксивым, несчастным голосом.

Шок пронзил меня насквозь.

Он знал, что я нашла ее, а значит... он знал о девушке. Он знал все это время.

В животе забурлила липкая тошнота, сгущаясь в тягучую массу, когда воцарился настоящий страх. Я приняла замерзший пруд за открытое поле, и теперь я оказалась на тонком льду, а воздух наполнен скрипом приближающейся смерти.

— Как ты мог?

Это было все, что я смогла сказать, да и то шепотом. Ужас перепутал мои мысли.

— Ты должна была оставить все как есть, Роуэн.

Слова были мягкими, с оттенком раскаяния, но это не подготовило меня к его внезапной атаке. Его рука вырвалась и обхватила мое горло, рывком поставив меня на ноги.

— Ты должна была оставить это! — Кричал он мне в лицо, его черты исказились от ярости.

Он был психопатом. Он знал о девушке, и ему было все равно. Как я могла быть такой слепой?

Ты была не в том состоянии, Ро. Не вини себя. Только не снова.

Слова Айви вместе со жжением в легких вызвали слезы на моих глазах.

— Прости меня, — прохрипела я, сжимая его руку у своего горла, мои острые ногти скреблись в поисках спасения. Я даже не была уверена, за что именно мне жаль, но я должна

была попытаться успокоить его.

— Сожаление ничего не меняет, Роуэн. Когда папа сказал мне, что ты раскрыла мой маленький секрет, я поклялся, что ты не будешь настолько глупа, чтобы поднимать шум. Только не моя Роуэн. Она знает, как оставаться в своей полосе. Потом ты начала отстраняться. Не идеально, но неважно. Я мог бы с этим справиться. Но нет, ты должна была пойти и сделать что-то монументально глупое. Все в этом чертовом городе видели фотографии, на которых ты шлюха с этим головорезом. Как, по-твоему, я выгляжу в таком свете?

Я попыталась покачать головой.

— Не ты, а я.

Я хотела сказать ему, что они подумают, что я сошла с ума, а не он, но у меня не хватило воздуха. Черные точки плясали в моем периферийном зрении. Головокружение затуманило мои мысли.

Я была готова потерять сознание, но, когда я услышала приближающиеся шаги матери, новый всплеск адреналина придал мне силы, необходимые для того, чтобы оставаться начеку.

— Стетсон! Что происходит! Отпусти ее, — кричала она из другого конца комнаты.

Я отвлеклась, чтобы ударить его коленом в пах, а затем оттолкнуть его. Я с кашлем втянула воздух и, спотыкаясь, перебралась на другую сторону журнального столика, но прежде, чем я успела добежать до матери, я услышала ужасающий щелчок взводимого пистолета.

— Сделай еще один шаг, — прохрипел он, все еще сгорбившись и обнимая себя рукой. — Я выстрелю.

Я никогда не слышала более леденящих душу слов. Он говорил серьезно. Он убьет меня там, где я стою.

Я не хотела умирать. Кейр помог мне осознать это, и теперь я прочувствовала правду до самых костей. В прошлом умереть означало снова быть с сестрой. Воссоединиться и быть целой. Как я могла бояться этого? Но сейчас... я еще не была готова идти по этому пути.

С тех пор как я встретила Кейра, мой мир изменился, и впервые я снова почувствовала настоящее счастье. Я не хотела его терять. Я не хотела терять Кейра.

Месяц назад я могла бы бросить ему вызов. Подошла бы прямо к пистолету и осмелилась бы сделать самое худшее. Теперь, когда все изменилось, я держала каждый мускул совершенно неподвижным.

— Что случилось? — Спросила мама тонким, испуганным голосом. — Зачем ты это делаешь, Стетсон?

Она не знала о склонностях его семьи. Я не была удивлена. Отец хотел бы защитить ее от беспокойства.

— Все в порядке, мама, — заверила я ее. — Просто оставайся там. Мы все уладим.

Стетсон помрачнел.

— Боюсь, что улаживать нечего, Роуэн. Что сделано, то сделано. Остается только наказание. Нельзя позволить тебе уйти без каких-либо последствий твоих действий. Не сейчас, когда ты так чертовски непредсказуема.

Он поднял пистолет, затем прицелился в мою мать. Выстрел взорвался в моих ушах в ту секунду, когда ствол направился в ее сторону.

Я закричала, бросившись к ней, как будто могла как-то отбить пулю.

Мамино тело содрогнулось, и она упала на пол. Он выстрелил ей в бок. На ее блузке расцвел багровый цвет, а лицо скривилось от боли.

Я опустилась рядом с ней на колени и прижала руку к ране.

— Не двигайся, мама. Не двигайся. Я позову тебя на помощь.

Мое сердце практически вибрировало в груди, так бешено оно билось.

Этого не может быть. Только не снова. Я не могу потерять и маму.

Паника и отчаяние воспламенились, как керосин, и моя ярость подожгла их. Но прежде, чем я успела отреагировать на эмоции, рука вцепилась в мои волосы, поднимая меня на ноги.

— Ты ничего не сделаешь, кроме как усвоишь свое место, — плюнул мне в лицо Стетсон. — Я слышал, что в некоторых странах американские киски стоят дорого, а у меня как раз есть знакомый в этом бизнесе. Пришло время заключить сделку.

Злобная ухмылка омрачила его лицо, прежде чем он потянул меня к входу.

Мои глаза напряглись, чтобы не потерять из виду лежащую на земле мать. Она истекала кровью в одиночестве, как и Айви, и все из-за меня.

Что-то в моем сознании щелкнуло. Цивилизованность. Человечность.

Все, что делало меня собой, исчезло, пока во мне не осталась только первобытная ярость.

Из моего горла вырвался крик, настолько дикий и безумный, что я даже не узнала свой собственный голос. Я развернулась всем телом и ударила обеими руками по его предплечью, выбив пистолет из рук. Он отлетел на несколько футов, но я не обратила на него внимания. Все мое внимание было приковано к Стетсону.

Он безрезультатно дергал меня за волосы. В своем животном состоянии я не чувствовала боли.

Оскалив зубы, я развернулась и со всей силы ударила его ногой в бок, затем дотянулась до стоящего рядом керамического подсвечника толщиной с мой кулак и снова замахнулась на его голову.

Наконец, он был вынужден отпустить меня, пытаясь защитить себя.

— Какого хрена? — Прорычал Стетсон сквозь стиснутые зубы.

Я не останавливалась, схватила настольную лампу и запустила ею в него, чтобы дать себе достаточно времени, чтобы нырнуть за пистолетом.

Но этого было недостаточно.

Он увернулся от лампы, но при этом бросился к брошенному оружию. Я добралась до него первой, но он был прямо за мной. Мои руки схватились за холодный металл, а его руки обхватили мои.

— Он, блять, не на предохранители, Роуэн. Ты собираешься пристрелить нас обоих.

— Хорошо, — прорычала я. — Пока ты, блять, умираешь, мне все равно, что будет со мной.

Мы напряглись, ворча и тяжело дыша, борясь за контроль над пистолетом. Несмотря на дополнительную силу, которую давала мне моя ярость, я не могла сравниться с ним в размерах, если бы наша борьба продолжалась дольше. Я должна была найти способ остановить его.

Давай, Ро! — Подбадривала меня Айви. — Ты должна драться грязно, иначе этот засранец победит.

Ни за что, мать твою.

Моя голова метнулась вперед, пока мои зубы не сомкнулись на его предплечье. Стетсон закричал, когда я вгрызлась в кожу и плоть, металлический привкус пропитал мой язык. Как только его хватка ослабла, я развернулась, молясь, чтобы этого было достаточно, и нажала на курок.

34

Я никогда в жизни не ездил так чертовски быстро. По дороге я трижды звонил Роуэн. Никакого ответа. Когда я подъехал к дому ее родителей, мое сердце готово было выскочить из груди.

Несмотря на мою панику, снаружи дом выглядел так же, как и в то утро, когда я подвозил ее, за исключением отсутствия охранника, которого Александер поставил у входа. Обычно люди оставались с ним, но в свете последних событий он приказал одному из них остаться и наблюдать за домом.

Поднявшись по ступенькам к входной двери, я обнаружил причину отсутствия охранника. Он неподвижно лежал внизу, в огороженном бетонном проеме для доступа подвал.

Дерьмо. Я был прав, когда беспокоился.

С пистолетом в руке я распахнул дверь, благодаря Бога за то, что она была не заперта. Прижавшись спиной к каменной стене, я ждал, когда можно будет войти. Меня встретила бездонная яма тишины.

Страх, не похожий на тот, который я когда-либо знал, покрыл мои внутренности густой смолой.

Мой пульс гулко отдавался в ушах.

Сделав глубокий вдох, я повернулся через дверной проем в дом и был встречен сценой прямо из фильма Квентина Тарантино. Разбитые осколки фарфора и брызги крови усеивали пол, а у стены в дальней части входа сидел Стетсон, истекая кровью из левого плеча. Рана была не смертельной, но он не двигался, потому что Роуэн сидела в дюжине футов от него с пистолетом наперевес.

Ее глаза были невероятно широкими, лицо — призрачно-белым, но рука не дрогнула. Она еще не убила его, но убила бы в одно мгновение. Это было видно по каждому ее лицу.

Я был так рад, что она этого не сделала. Я не хотел, чтобы это воспоминание запятнало ее совесть.

— Роуэн, детка. Я здесь, — тихо сказал я, не желая пугать ее.

Она должна была слышать дверь, но, похоже, она была в каком-то трансе. Скорее всего, от шока. В то время как одна ее рука держала пистолет, другая была крепко прижата к середине тела матери, уже испачканного тревожным количеством крови.

Не сводя глаз со Стетсона, я достал телефон и набрал 911.

— В женщину стреляли, вторжение в дом. Ей срочно нужна скорая помощь. Дом 113, Восточная 90-я улица.

Я не стал задерживаться на линии. Они пришлют помощь, а у меня не было времени на глупые вопросы.

Глаза Роуэн наконец-то встретились с моими, что вызвало прерывистый поток воздуха. Она опустила пистолет, ее рука вдруг задрожала. Она держала себя в руках, но только сейчас.

— Кейр, моя мама.

— Я знаю, маленькая овечка. Помощь придет, — заверил я ее, присев рядом с ней на

корточки и поцеловав в макушку.

Она не сводила глаз со Стетсона.

— Я не ушла. Я бы не оставила ее.

Детская невинность в ее голосе разорвала мое сердце.

— Ты так хорошо справилась.

Стетсон застонал.

— Господи, вы двое чертовски отвратительны. Киска не такая уж и хорошая, чувак.

Я медленно встал и снова обратил свое внимание на мужчину, который был в центре всех наших проблем.

— У тебя есть яйца для человека, на которого направлена пушка.

— Копы уже в пути. Что ты собираешься делать? — Нахально бросил он, ожидая, что папа вытащит его из любой юридической передраги.

Только вот неприятности, которые он натворил, разозлив меня, не касались адвокатов.

Мерзкое удовлетворение изобразило на моем лице злобную ухмылку.

— К чему ты клонишь?

Я поднял пистолет и выстрелил ему прямо в пах. Это было самое малое из того, чего заслуживал такой человек, как он.

При звуке его болезненного вопля мое настроение озарилось проблеском удовлетворения. Эволюционный неудачник свернулся калачиком, пытаясь защитить то, что осталось от его причиндалов. Я сократил расстояние между нами и присел на корточки возле его искаженного лица.

— С огромной радостью сообщаю тебе, что ты очень неправильно оценил ситуацию, — тихо объяснил я, мой голос стал угрожающе мурлыкать. — Это только начало твоих страданий.

Словно вызванные судьбой, две фигуры присоединились к нам в комнате, отбрасывая зловещую тень на мою новую игрушку.

— Черт, мужик. Думал, что никогда тебя не догоню.

Оран и один из молодых парней со склада стояли в дверях, оценивая ситуацию.

— Похоже, тебе не помешало бы подкрепление, хотя, похоже, ты со всем справился.

— И да, и нет. Копы уже в пути, а этот — мой.

Я указал на плачущего Стетсона и передал Орану свой пистолет.

— Уберите его отсюда, я разберусь с ним позже.

Они даже не вздрогнули. Оран ударил Стетсона ногой по голове, чтобы вырубить его, а затем поднял его бессознательное тело на плечо в захвате пожарного. Эти двое не пробыли в доме и пяти минут.

Наконец я смог присоединиться к Роуэн на полу. Слава Богу.

Ее мать еще дышала, но была без сознания. Ей потребуется срочная операция, и даже тогда я не был уверен, что она выживет. Я притянул Роуэн поближе, убедившись, что она может продолжать давить на рану матери. Ее тело неудержимо дрожало в моих руках, когда сирены обогнули угол и остановились у входа. Когда врачи скорой помощи ввалились внутрь, я оттащил Роуэн от матери и заключил ее в объятия.

— Кейр, я не могу ее бросить.

Ее голос был пронзительным от нарастающей паники.

Я заставил ее посмотреть мне в глаза.

— Ты не оставляешь ее; ты позволяешь этим людям делать свою работу, — сказал я

успокаивающим, но твердым голосом.

— Я должна остаться с ней. Она останется одна, если я этого не сделаю.

На ее ресницах собрались крупные, тяжелые слезы, а затем покатались по щекам.

— Я сейчас позвоню твоему отцу. Он встретит ее в больнице, чтобы она не была одна.

— Но я могу поехать с ней. Пока он не приедет к ней.

Я покачал головой.

— Нет, детка. Ты будешь мешать. Лучшее, что ты можешь сделать для нее сейчас, это позволить медикам помочь ей.

Ее глаза зажмурились от разочарования, но она кивнула короткими, отрывистыми движениями.

Я спросил у команды, в какую больницу они поедут, и рассказал им о мужчине, который был ранен у входа. Я забыл о нем и понятия не имел, жив он или мертв, да меня это и не волновало.

Разобравшись с этим, я открыл телефон и набрал номер Александера.

— Кейр? — Ответил он, в его голосе слышалось беспокойство.

— Есть кое-какие новости. Мне нужно, чтобы ты сохранял спокойствие.

— Что случилось?

— Стетсон пришел к тебе домой. Один из охранников ранен, а в твою жену стреляли. Скорая помощь уже здесь, Роуэн в порядке, но ты захочешь встретиться с парамедиками в Нью-Йоркской пресвитерианской больнице.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он заговорил.

— Стреляли? — Спросил он дрогнувшим голосом.

— Я думаю, с ней все будет в порядке, — подбодрил я, возможно, не к месту, но ему нужно было держать себя в руках. — Сейчас они готовятся ее забрать.

— Точно, хорошо. А Роуэн?

— Она в порядке. Я присмотрю за ней.

— Хорошо. Спасибо.

Линия оборвалась, когда несколько полицейских вошли внутрь и сразу же устремили свой взгляд на нас.

— Вы двое можете выйти и рассказать нам, что случилось?

Я шагнул вперед.

— Только вкратце, потом я заберу ее отсюда. Если вам нужны более подробные показания, мы можем прийти в участок в другой день.

— А кто именно вы?

Полицейский посмотрел на меня.

— Я ее муж, — сказал я низким, угрожающим тоном. — Это все, что вам нужно знать.

Губы мужчины истончились, но он кивнул.

— Хорошо. Давайте выйдем.

Я заранее объяснил, как Стетсон держал в плену женщину и проник в дом губернатора, чтобы Роуэн никому не рассказала. Таким образом, ей оставалось только пересказать сегодняшнюю часть событий, хотя я вклинился перед самым концом и объяснил, как Стетсон сбежал прямо перед моим приходом. Я подумывал сказать им, что нападавший неизвестен, но решил, что связь Стетсона со стрельбой будет хорошим объяснением его исчезновения.

К тому времени, как мы рассказали об основных моментах, тело Роуэн охватила дрожь.

Шок был очень сильным. Мне нужно было согреть и накормить ее.

— Это все, что вы получите сегодня, но этого должно быть достаточно, чтобы провести обыск в доме Веллингтонов, верно?

Оба офицера обменялись взглядами.

— Да, вы сказали, что женщина находится на третьем этаже?

Роуэн кивнула.

— Да.

— Из какого участка вы, ребята? — Спросил я.

— Из девятнадцатого. А что?

— Просто хотел узнать.

Я наклонил голову и встал, помогая Роуэн тоже подняться на ноги.

— У вас есть мой номер, если вам понадобится связаться с нами.

Я не стал ждать, что они ответят. Мое терпение было на исходе. Если я не увезу Роуэн оттуда в ближайшее время, я выйду из себя.

Только посадив ее в машину, я снял напряжение, сковавшее мои плечи. Слава Богу, движение на дорогах не мешало. Дорога до дома заняла пятнадцать минут. Я использовал это время, чтобы позвонить Коннеру и проинструктировать его, чтобы наши парни из полиции занялись девушкой у Веллингтона.

Роуэн неподвижно сидела на пассажирском сиденье. Она не издала ни звука. Она даже почти не моргала.

Мне было неприятно видеть ее в таком состоянии, когда я знал, насколько она сильна. Моя крутая девчонка могла справиться с чем угодно, но видеть, как ее мать подстрелили, было выше ее сил.

Гребаного Стетсона ждали страдания.

Вернувшись домой, я повел Роуэн прямо в ванную и раздел нас. Мы уже собирались войти в душ, когда она вдруг остановилась и повернулась ко мне.

— Моя мама! Мне нужно проведать маму.

Дымка, в которой она находилась, начала таять, позволяя ее мыслям проясниться.

Я обхватил ее лицо ладонями и поцеловал в лоб.

— Твой отец с ней, и он позвонит, как только что-то изменится. Сейчас мы ничего не можем сделать, так что давай приведем тебя в порядок и согреем.

Я пристально посмотрел в ее зелено-золотые глаза, в которых светилась уверенность.

— Она в безопасности. С ней все будет в порядке.

И вот тут-то ее и накрыло. Все эмоции разом нахлынули на нее, вырвав рыдания из ее задыхающихся легких. Сильные, сладострастные рыдания сотрясали ее тело.

Я притянул ее к себе, обхватил ее руками и перенес нас под теплые струи душа. Мы простояли так полчаса. Она прижалась ко мне и плакала, а я шептал ей тихие слова утешения. Мне хотелось бы сделать больше.

Тогда я понял, что нет ничего, что я не сделал бы для Роуэн.

Она стала моей женой из порыва и необходимости, но покорила мое сердце своей чистотой. Для меня она существовала в месте без правил и причин, потому что без нее все остальное не имело значения.

Я всегда думал, что связывать себя с кем-то подобным равносильно слабости, но я чувствовал противоположное, когда думал о ней. С Роуэн в моей жизни, дающей мне цель, я мог покорить весь мир. Все, что ей нужно было бы сделать, это попросить.

После душа и еды, на которой настоял Кейр, меня одолела такая усталость, какой я никогда не испытывала. Я прилегла отдохнуть на несколько минут, чтобы проснуться на следующее утро в панике.

— Не могу поверить, что проспала так долго, — ругала я себя, прыгая на одной ноге и пытаюсь натянуть джинсы.

Я вскочила с кровати, как только поняла, что произошло, и побежала прямо к шкафу.

— Я должна поехать в больницу и проведать маму. Как я могла оставить их там одних?

Две большие руки мягко прижались к моему лицу с обеих сторон, заставляя меня замереть.

— С твоей мамой все в порядке. Она перенесла операцию и сейчас отдыхает. Я бы разбудил тебя, если бы тебе нужно было быть там.

Он говорил с тем сверхъестественным спокойствием, которое ему так хорошо удавалось, почти гипнотизируя меня звуком своего голоса.

Я ошеломленно кивнула.

— Но мне нужно ее увидеть.

— И мы увидим. Давай поедим и поедим.

Я снова кивнула, но он не отпустил меня. Его взгляд лениво пробежался по моему лицу, и это было так же реально, как любое физическое прикосновение.

— Ты была такой чертовски храброй вчера.

Его слова были теплым одеялом вокруг моего сердца так же, как его поцелуй согревал мою кожу.

— Я была в ужасе, — прошептала я, вспоминая безумный блеск в глазах Стетсона. — Он оказался совсем не тем, кем я его считала.

— Теперь его нет, так что тебе больше никогда не придется о нем беспокоиться.

— Нет?

Я напряглась.

— Я убила его?

Я так беспокоилась о маме, что даже не думала о том, что случилось со Стетсоном. Что бы случилось, если бы я убила его? Меня бы привлекли к ответственности? Это была самооборона, но они все равно могли бы предъявить мне обвинение. И что бы я чувствовала, зная, что оборвала его жизнь?

Клубок эмоций сгустился в моей груди, пока Кейр не покачал головой.

— Остановись, Роуэн. Ты не убила его. Я обещаю.

Он попытался вывести меня из шкафа.

— Давай поедим, и ты сможешь увидеться с мамой.

Я устояла на ногах.

— Но его больше нет?

Что это вообще значит?

Когда взгляд Кейра вернулся к моему, он позволил мне увидеть за его маской беспощадного мстителя — светловолосого, голубоглазого архангела, готового обрушить на него Божий гнев.

Я задрожала с головы до ног.

Прежде чем заговорить, я быстро проанализировала, что я думаю о том, что Кейр только что подразумевал, и обнаружила, что я рада, что он займется этим вопросом. Стетсон

и его отец манипулировали бы системой правосудия всеми возможными способами. Я бы провела годы, оглядываясь через плечо. А после того, как я увидела, насколько искажен его разум, я была уверена, что никакая терапия или наказание его не исправят. Лучше покончить с его никчемным существованием, пока он не навредил кому-нибудь еще.

— Завтрак звучит неплохо.

Ухмылка дразнила уголки губ Кейра.

За следующие полчаса я узнала о безумии, с которым Кейр столкнулся накануне, о том, как жена его кузена предала их, и о неожиданном убийстве ее брата таинственным русским. Мне казалось, что я слушаю описание фильма, а не пересказ его дня.

— Это так дико. И мне так жаль Орана. Что будет с Кейтлин?

— Насколько я знаю, это еще не решено.

— А что насчет девушки на чердаке? Мы знаем, вытащила ли ее оттуда полиция?

Я мысленно скривилась, боясь его ответа. Прошло уже несколько дней с тех пор, как я видела ее в последний раз, и если бы Веллингтоны знали, что я была там наверху, я бы не удивилась, если бы они перевезли ее.

— Они вытащили ее прошлой ночью, одновременно взяв под стражу Лоуренса.

Гора беспокойства, которую я несла на своих плечах, рассыпалась в прах.

— О, слава Богу.

— Она подтвердила, что ее привезли в контейнере на корабле, но нет способа доказать, что это был корабль Веллингтона или что он был как-то причастен. На данный момент, похоже, он будет обвинен как соучастник преступлений Стетсона, но ничего серьезного, поскольку он не был главным преступником. Это не идеальный вариант, но, по крайней мере, это хоть что-то.

Да, определенно хорошо, что Кейр позаботился о Стетсоне, потому что это какое-то дерьмо. Может, ему стоит позаботиться и о Лоуренсе?

— Айви! — Промолвила я, а затем посмотрела на Кейра широко раскрытыми глазами. — Она терпеть не может мысли о том, что мистер Веллингтон может спастись.

Он сделал глоток кофе и посмотрел на меня через край своей чашки.

— Я не уверен, радуют или беспокоят эти ваши маленькие разговоры.

Я бы оскорбилась, если бы в его глазах не было веселья.

— Полагаю, это не имеет значения. Ты женился на мне, и теперь ты застрял со мной.

Я добавила в свой тон больше ехидства.

Кейр взял у меня из рук кофе и поставил его на стол, а затем перетянул меня к себе на колени. Кислород покинул мои легкие в мгновение ока, сначала от резкого движения, а затем от голода в глазах Кейра. Наши лица были в нескольких дюймах друг от друга, его большое тело обволакивало меня теплом изнутри и снаружи.

— Я точно знал, во что ввязываюсь, с самого первого нашего разговора. Может быть, не в деталях, но я знал, что с тобой ничего не будет скучным или обычным. Я выбрал это, я выбрал тебя, и я бы сделал это снова в одно мгновение.

Я не могла дышать. Все теплые, нежные эмоции, на которые я была способна, заполнили мою грудь так полно, что не осталось места для воздуха.

Если ты не поцелуешь этого мужчину прямо сейчас, это сделаю я.

Ей не нужно было повторять дважды. Я прижалась к его губам. Какая-то часть меня чувствовала, что это неправильно — ощущать столько мира и счастья после такой трагедии, но я ничего не могла с собой поделать. Быть с Кейром было инъекцией жидкой радости

прямо в сердце, и я быстро становилась наркоманкой.

— Если ты хочешь увидеть свою маму, тебе нужно остановиться, иначе я оставлю тебя голой в моей постели.

Его сильные руки сжимали мою задницу, его слова звучали так же твердо и тяжело, как член, вдавливающийся в мое бедро.

Я усмехнулась и прижалась лбом к его лбу.

— Спасибо, Кейр, — тихо сказала я.

— За то, что я хочу тебя трахнуть?

— Нет.

Я засмеялась, потом погрузилась.

— За то, что помог мне, когда я в этом нуждалась. За то, что не отказался от меня и принял меня такой, какая я есть. Может быть, именно потому, что я была слишком напугана, чтобы сделать это самой.

Мы сидели неподвижно в течение какого-то времени. Я уже собиралась отстраниться, чтобы узнать, о чем он думает, когда он поднялся на ноги, крепко обнимая меня.

— Вот и все. Тебя трахнут.

Я откинула голову назад и рассмеялась, когда он направился в спальню.

— А как же моя мама?

— Она может подождать. Мне нужно всего пять минут.

Он бросил меня на кровать, его расплавленный взгляд пожирал меня.

— Может быть, десять.

Он взял тридцать. Я не жаловалась.

Я ненавидела больницы. Я была в больнице, когда папа впервые сказал мне, что Айви больше нет. При одном только проходе через эти раздвижные стеклянные двери мне на грудь обрушился шлакоблок. Мне приходилось делать медленные, неглубокие вдохи, чтобы не задохнуться.

То, что Кейр был рядом со мной, помогло не только в этом. Помимо смертельной хватки, которой я держалась за его руку, он вел все разговоры, чтобы помочь нам найти маму в отделении интенсивной терапии. Состояние ее было стабильным, но они не хотели пока переводить ее в отделение для восстановления.

Папа был с ней, когда мы наконец нашли ее палату. Я была рада, что он выглядел не так плохо, как я ожидала. Он устал, а мама была бледной, но в остальном они оба были в приличной форме.

— Привет, Ро! Я так рад, что ты в порядке.

Папа притянул меня к своей груди, обнимая так, что я едва не задохнулась.

Моя улыбка почти расколола мое лицо на две части.

— Я более чем в порядке. Надеюсь, твоя ночь не была слишком ужасной.

Я отстранилась, чтобы снова встретиться с его глазами, прежде чем нежно обнять маму.

— Здесь трудно уснуть, но это меня не беспокоило, пока твоя мама была в стабильном состоянии.

Мама подмигнула мне.

— Он висит над моей кроватью с тех пор, как меня разбудили.

Ее взгляд скользнул по моему лицу, словно запечатлевая его в своей памяти, затем она посмотрела мимо меня на Кейра в глубине комнаты.

— Спасибо, Кейр. Спасибо тебе большое.

— Это все Роуэн. Я был просто кавалерией, появившейся уже после, — тихо сказал он.

Отец протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

— Ты сделал для нас гораздо больше, и ты это знаешь.

Глаза Кейра переместились на мои.

— Не могу сказать, что это того не стоило.

Что-то непостижимое и в то же время глубокое промелькнуло в глазах моего отца.

— Ну, теперь, когда вы двое здесь, я могу быстро сбегать в кафетерий. Кейр, ты не против прогуляться со мной?

— С удовольствием.

Я смотрела, как они уходят, молясь, чтобы они не ссорились, потом села на край маминой кровати.

— Тебе сильно больно?"

— Совсем нет, хотя я уверена, что все изменится, когда действие лекарств закончится.

Ее речь была вялой, но она была достаточно в себе, чтобы говорить, а мне нужно было выговориться. Так много времени уже прошло между нами, и я ненавидела позволить еще одному дню пройти, не попытавшись исправить это.

— Я так боялась потерять тебя.

Мои слова стали тихими, застревая в горле на пути к выходу.

— Я так сильно тебя люблю, и я не говорю тебе об этом достаточно. Мне так жаль.

Она покачала головой из стороны в сторону.

— Когда я увидела, как Стетсон направил на тебя пистолет, я поняла, какой глупой я была.

— Не глупой, мама...

Она подняла руку.

— Я не могла ничего изменить то, что Айви больше нет, но в том, что я потеряла тебя из-за своего горя, была моя собственная вина. Я не видела этого до того момента. Я могла потерять тебя до того, как по-настоящему узнала женщину, которой ты стала.

Слезы текли по ее щекам, но она улыбалась, и на этот раз улыбка сияла до самых серо-зеленых глаз. Глаза, которые унаследовали и Айви, и я.

— Я так люблю тебя, малышка.

На этот раз я наклонилась и обняла ее с большей силой, чем раньше. Я не могла сдержаться, потому что то, что я собиралась сказать, могло заставить ее посмотреть на меня по-другому, а я не хотела, чтобы это произошло, когда мы только-только нашли друг друга.

— Мама? Я должна тебе кое-что рассказать, — сказала я ей в волосы, не в силах смотреть ей в глаза. — Это гложет меня все эти годы, и прежде, чем мы сможем двигаться дальше, я думаю, ты должна знать, что случилось в тот день. В тот день, когда Айви умерла.

Я отстранилась, опустив взгляд на свои пальцы, которые возились с рукавом.

— Это была моя вина.

В этих словах не было ничего, кроме вздоха и чувства вины, но они раскололи меня на две части.

— Что?

— В тот день я осмелилась перепрыгнуть через бордюры. Я знала, что это опасно, но все равно сделала это. Я знаю, что была еще ребенком, но она все еще была бы здесь, если бы я этого не сделала. Это все моя вина.

Наконец-то. Наконец-то я сказала правду. И в каком-то смысле это было облегчением.

Очищающие слезы текли по моим щекам, подбородок дрожал, тело переполняли эмоции.

Мамины брови сошлись в узел.

— Малышка, ты ни в чем не виновата.

— Я знала, что ты так скажешь, потому что...

— Нет.

Она прервала меня.

— Я не думаю, что ты знаешь. Милая, у твоей сестры была аневризма. Вот почему она упала с велосипеда. Она умерла еще до того, как упала на землю.

У меня зазвенело в ушах, пока мой мозг пытался осмыслить ее слова.

— Разве ты не помнишь, как мы делали сканирование мозга вскоре после ее смерти? Поскольку вы близняшки, мы должны были тебя проверить, но ничего не нашли. Все, что могли сказать врачи, это то, что это была случайность. Одна из тех загадок природы.

Мои губы открывались и закрывались, как рыба, выброшенная на берег.

— Я... аневризма? Я помню... громкий аппарат.

— Это он и есть.

— Но я не знала, для чего он нужен.

Печаль омрачила ее и без того бледные черты.

— Мне так жаль, Роуэн. Ты была молода, и мы пытались объяснить, но общение было затруднено твоим возрастом и нашим горем. По прошествии лет нам и в голову не приходило, что ты могла винить себя. Мне так невероятно жаль.

Она схватила меня за руку со всей своей ограниченной силой.

— Я...

Всхлип заглушил мои слова.

— Я не... Это была не я...

— Нет, детка. Это не твоя вина.

Я потеряла дар речи. Все эмоции, которые я когда-либо испытывала по поводу смерти Айви, вылились из меня в рыданиях, в кашу из слез и соплей. Моя голова склонилась на край маминого матраса, когда я отдалась катарсическому освобождению.

— Вот почему я хотела быть такой идеальной для вас, ребята.

Я икнула, когда самые сильные рыдания утихли.

— Если бы я забрала Айви, я чувствовала, что обязана быть идеальной дочерью для вас.

— Роуэн, ты есть и всегда будешь идеальной, такой, какая ты есть.

36

Роуэн плакала. Я понял это сразу же, как только вошел в комнату ее матери, но сияющая улыбка, которой она сверкнула, убедила меня, что ее слезы были лучшего вида. Я подождал, пока мы не остались одни в машине по дороге домой, чтобы удовлетворить свое любопытство и узнать больше.

— Чувствуешь себя лучше?

— Я все еще в шоке, — ошеломленно ответила она.

— В шоке?

Я думал, что она уже начала переваривать инцидент со Стетсоном, хотя прошло всего двадцать четыре часа.

Она смотрела на меня с такой ранимостью, словно ей снова было шесть лет.

— Шестнадцать лет я считала себя ответственной за смерть моей сестры. Шестнадцать

лет. И сегодня я узнала, что это была не моя вина.

Я уже говорил ей об этом, но если для того, чтобы она поверила в это, нужно было поговорить с ее мамой, то я был рад. Лишь бы до нее дошло.

— Я рад это слышать.

— Нет, ты не понимаешь. Это была не моя вина, — сказала она с укором. — У Айви была аневризма, и именно поэтому она упала с велосипеда — не потому, что я осмелилась прыгнуть. Мама и папа пытались рассказать мне об этом, когда я была младше. Я помню, как они говорили мне о крови в ее голове, но все, что я видела, это кровь в ее волосах от удара о землю. Я так и не поняла, что у нее оторвался тромб, и мне было так плохо от того, что я думала, что я сделала, что я так и не рассказала им о том, что осмелилась спрыгнуть с бордюра.

Черт меня побери.

Я был так рад, что она узнала правду, но, блядь, какая трагедия, что она так долго жила с этим непониманием. Неудивительно, что она была шокирована.

— Это чертовски приятная новость.

Роуэн усмехнулась.

— Это действительно так. А что насчет тебя? О чем вы с папой говорили?

— Он хотел узнать, что произошло.

— И что ты ему рассказал?

— То же самое, что я сказал властям. Ему незачем знать больше, чем это.

Она кивнула, вернув взгляд на дорогу, когда мой телефон зазвонил через автомобильный динамик. Я автоматически выбрал режим конфиденциальности на приборном дисплее и сразу ответил на звонок. Звонил Тор, и Роуэн не нужно было слышать все детали нашего разговора.

— Да?

— Мне нужно знать, как долго я буду сидеть с собакой. Нужно ли мне давать ему еду и воду?

Он говорил о Стетсоне. Он хотел знать, как долго я планирую держать его в живых.

— Я скоро приеду туда и сам все проверю, но ты пока можешь дать ему немного воды.

— Ты уверен? От него уже пахнет мочой, — ворчал он.

— Полагаю, ты можешь облить его из шланга. Два зайца, один выстрел.

— Да, черт возьми.

Линия оборвалась. Я положил телефон обратно на консоль и позволил небольшой улыбке украсить мои губы. Сегодняшний день становился просто охренительно феноменальным.

— Это было связано со Стетсоном, не так ли? — Спросила Роуэн.

Я взглянул на нее краем глаза.

— Я собираюсь отвезти тебя домой, но мне нужно ненадолго уйти. Думаешь, тебе будет хорошо одной?

Она изогнула светлые брови.

— Я живу одна с восемнадцати лет, знаешь ли.

— Вчера ты через многое прошла. Это может изменить человека, и вполне обоснованно. Русский все еще под вопросом, а Веллингтон может отомстить. Кроме того, для близких мне людей всегда существует определенная степень опасности.

— Я провела некоторое время, размышляя обо всем этом еще до вчерашнего дня, и

решила, что жизнь с тобой не так уж сильно отличается от жизни с политиком в семье.

Она сказала это так буднично, что я чуть не рассмеялся.

— Ты действительно так думаешь? — Скептически спросил я.

— Ну, ты можешь быть более опасным, но ты бы видел, с какими придурками папа имеет дело. Никогда не знаешь, когда кто-то из них может сорваться. Однажды этот огромный татуированный мафиози ворвался к ним в дом и держал у моей шеи нож. Представляешь?

Ее глаза сверкнули весельем.

— Серьезно?

Мой тон был суше, чем на дне рождения анонимных алкоголиков.

— Ага, — продолжала она невозмутимо. — Так что ты можешь не беспокоиться о том, что я останусь у тебя дома одна.

— У нас, — машинально поправил я.

Молчание.

— Наш дом, — наконец сказала она гораздо более сдержанным тоном. — Ты уверен, что хочешь это сделать? Опасность уже миновала. Никто не осудит тебя, если ты захочешь уйти.

Голос моей маленькой овечки понизился до мышинного писка.

Машина позади меня засигналила, когда я затормозил и прижался к обочине. Я обнял ее за шею и посмотрел ей в глаза, укрепляя нашу связь всеми возможными способами.

— Я знаю, что у тебя много старых шрамов, которые нужно залечить, и мы начали этот путь не самым обычным образом, но единственное, в чем я никогда не хочу, чтобы ты сомневалась — это я и моя преданность тебе. Мне все равно, что ты сделала или не сделала в прошлом. Мне плевать на то, чем занимается твой отец или как ты оказалась в моем клубе. Важно лишь то, что я выбрал тебя, и я буду выбирать тебя до тех пор, пока ты мне это позволяешь.

Она смахнула слезы, ее губы дрожали.

— Хорошо.

Надежда в ее голосе была слишком сильна. Я соединил наши губы в страстном поцелуе, который наполнил теплом и мой член, и мое сердце.

— Господи, какая же ты чертовски хорошая, — сказал я, мои губы все еще касались ее губ.

Она сдержала ухмылку, лукаво опустив взгляд.

— Я не уверена в этом. Ты ведь видел, что ты упаковал в мой чемодан?

Затем она вскрикнула, ее глаза расширились.

— О Боже. Это ведь ты упаковал мои вещи, не так ли?

Бурный смех вырвался из моей груди и наполнил воздух вокруг нас. Мне потребовалась минута, чтобы прийти в себя, а когда я это сделал, Роуэн уставилась на меня, изогнув бровь.

— Полагаю, ты имеешь в виду игрушки, и да, это я их упаковал. Я хотел убедиться, что у тебя с собой есть все самое необходимое.

Моя извращенная ухмылка сравнялась с ухмылкой диснеевского злодея.

— Я рада, что ты считаешь это смешным, потому что у меня чуть не случился сердечный приступ.

Я слегка сжал ее подбородок, а затем вернул машину на дорогу.

— Я удивлен, что тебя волнует, что подумают другие.

— Дело не в этом, — поправила она почти слишком уверенно. — Я просто не хотела, чтобы чьи-то грязные руки были на моих дилдо. Это просто отвратительно.

Она смахнула невидимые ворсинки на коленях.

— Кстати, о твоей семье. Как они относятся ко всему этому — к тебе и ко мне? Я не ирландская порода, зарегистрированная в АКС, или что-то в этом роде.

— Ты шутишь? Ты знаешь, что мой отец в восторге, и я думаю, что все остальные просто счастливы сосредоточиться на чем-то другом, кроме предательства Кейтлин.

Зарегистрированная в АКС. Черт, что только не вылетает из уст моей жены.

— Это приятно слышать. Я имею в виду, что они примут, а не то, что касается Кейтлин. Это действительно отстой. Что с ней будет?

Я глубоко вздохнул.

— Это был выбор Орана. Он решил наказать ее так, чтобы глубоко ранить. Ее арестовали за смерть брата. И хотя технически не она оборвала его жизнь, она помогла этому случиться, и теперь ей придется жить с этим фактом до конца своих дней.

Я украдкой взглянул на Роуэн.

— Как ты знаешь, подобное разъедает душу человека.

— Должно быть, Орону пришлось нелегко. Мне жаль его, — мягко сказала она.

— Он не в лучшем положении, это точно. Но наша семья снова объединилась и стала сильнее, чем когда-либо. В конце концов, он справится с этим.

— Это здорово, что вы есть друг у друга. Раньше я думала, как все могло бы быть по-другому, если бы у меня были кузены, чтобы заполнить эту пустоту.

Ее тон был тоскливым, но, когда я взглянул на нее, на ее лице мелькнула виноватая ухмылка, а глаза сфокусировались на окне. То же самое происходило каждый раз, когда она вела один из этих молчаливых разговоров со своей сестрой.

Я понятия не имел, скажет ли психиатр, что они нездоровы, но мне было все равно. Это был способ Роуэн справиться с потерей, и связь, пусть даже воображаемая, приносила ей покой. Иногда немного сумасшествия — это хорошо.

— Передай Айви привет от меня.

Ответная ухмылка Роуэн зажгла всю мою гребаную душу.

Через два дня меня вызвали в офис губернатора. Мне было любопытно, как воспримут мое присутствие. В первый раз, когда я пришел к нему в офис, от меня отмахнулись, не сказав ни слова. Я знал, что все будет по-другому, но не ожидал того, что произошло.

Эван Александер представил меня своим сотрудникам как своего нового зятя. Меня не волновало его мнение обо мне, кроме того, как оно повлияет на Роуэн. В этом отношении я действительно ценил его готовность к непредвзятому мнению.

После того как он представил меня, и я получил свежую информацию о состоянии его жены, мы удалились в его кабинет, чтобы поговорить наедине. Вместо того чтобы сесть за большой стол руководителя, Эван сел в кресло для посетителей рядом со мной.

— Я хотел поговорить с тобой, потому что последние пару дней я очень волновался из-за того, что Стетсон в бегах.

Его затравленный взгляд переместился на окно.

— Мне не нравится, что полиция не смогла его поймать.

— Не волнуйся. Он не вернется.

Мои мягко произнесенные слова были намеренно зловещими.

Я внимательно наблюдал за законопослушным губернатором, любопытствуя, как он

отреагирует. Высокие моральные принципы не всегда выглядят так привлекательно, когда на кону твоя семья.

Конечно, Эван Александер кивнул, его облегчение было ощутимым.

— Для твоей дочери я готов на многое, — сказал я ему.

— Я начинаю понимать это, и я рад. Она заслуживает самого лучшего в жизни.

Я наклонил подбородок.

— Согласен, и я планирую давать ей это каждый день, пока хожу по этой земле.

— Это все, чего я когда-либо хотел для нее, несмотря на мои неудачи в том, чтобы помочь ей достичь этого.

Его губы истончились.

— Я разорвал все связи с Лоуренсом Веллингтоном, как только мог. Газеты будут говорить, но скоро их заинтересует что-то другое. Я просто надеюсь, что он заплатит за свои преступления.

— Шансы невелики. Обвинения против него минимальны, как ты знаешь, и нет никаких доказательств его причастности к девушке. Он может свалить все на своего сына и изображать скорбящего отца.

— Я знаю, — пробурчал он. — Так обидно думать, что я мог так ошибаться на их счет.

— Коррупция может скрываться где угодно, особенно на руководящих постах.

Мои собственные руки были не совсем чисты, но, по крайней мере, у меня был хоть какой-то моральный компас, пусть и ржавый. У людей вроде Веллингтонов не было такого ориентира.

— Кстати говоря...

Александер наклонился вперед и взял со стола документ, передав его мне.

Это был пресс-релиз, который должен был выйти позже в тот же день и объявлял о новом назначении мэра на пост комиссара полиции.

Я поднял на него взгляд.

— Похоже, мэр изменил свое мнение.

— Да. Ты не единственный, кто может быть убедительным, когда это необходимо. Я немного покопался в кандидатах и нашел человека, которого почему-то обошли вниманием, несмотря на его безупречный послужной список. Я решил, что компромисс в этой ситуации пойдет на пользу всем нам.

Мои губы дернулись в уголках.

— Ты мудрый человек, господин губернатор.

Он встал, протягивая руку.

— И благодарный человек. Только не заставляйте меня жалеть об этом.

— Моя жена содрала бы с меня кожу живьем.

Он хмыкнул.

— Передавай привет моей малышке.

Я ухмылялся всю дорогу домой.

37

Три недели спустя

— Как прошла твоя терапия?

Мама была в гостинной и читала, когда я приехала к ним домой.

Мой новый терапевт находился недалеко от дома моих родителей, поэтому я попросила своего водителя отвезти меня для быстрого визита. Кейр настоял на том, чтобы нанять

водителя, который будет постоянно меня подстраховывать. Я чувствовала, что это немного чрезмерно, но не стала спорить. Жизнь была слишком коротка. Если использование водителя дает ему душевное спокойствие, я могу это сделать.

— Все было хорошо. Я хорошо сработалась с Иви. Она молодая, поэтому я чувствую, что мы хорошо друг друга понимаем. Думаю, мы отлично подойдем друг другу.

— Это замечательно! Как ты ее нашла? Я даже не знаю, с чего начать.

Я присоединилась к маме на диване, расположившись под углом к тому месту, где она сидела с одеялом на коленях.

— Друг друга. Коннер рассказал нам о ней. Думаю, она как-то связана с кем-то из его итальянской семьи. Она недавно открыла свою собственную практику, и офис очень милый. Это больше похоже на посещение дома друга, чем на консультацию.

— Если это так, то, возможно, мне стоит заглянуть к ней.

— Я буду рада поделиться информацией о ней в любое время.

Я ценю энтузиазм мамы, но я бы не стала задерживать дыхание. Есть шанс, что она не позвонит. И, честно говоря, я видела такое значительное улучшение в ней после инцидента со Стетсоном, что, в кои-то веки, я не волновалась. Мама прекрасно справлялась с жизнью сама.

— Ты останешься на ужин?

— Нет, скоро должен приехать Кейр, чтобы забрать меня. Я просто хотела зайти и узнать, как у тебя дела.

Она сбросила одеяло со своих коленей и встала с небольшой скованностью.

— По словам доктора, у меня все прекрасно. Не стоит беспокоиться, но я хочу, чтобы ты поднялась наверх, пока ты здесь. Я чуть не забыла, что маляры вчера закончили.

Мамина радость была заразительной. Видя ее обновленный энтузиазм к жизни, я наполнилась энергией и оптимизмом.

— Я бы с удовольствием посмотрела, но я думала, что тебе еще нельзя подниматься по лестнице.

— Это просто глупо.

Она насмеялась.

— Мои ноги в порядке. А теперь пойдем.

Я была немного насторожена после того, как видела, как мама чуть не истекла кровью, но она делала каждый шаг за шагом без видимых трудностей. На вершине лестницы дверь в старую комнату Айви была широко распахнута — то, что я все еще не привыкла видеть.

— О, мама. Это прекрасно.

Я вошла внутрь, тепло и счастье окутали меня. Стены были жизнерадостного бледно-желтого цвета, но без назойливости. Мы потратили целую вечность, рассматривая образцы цветов и споря, но я была так счастлива нашим решением.

— Айви бы это понравилось.

— Я тоже так думаю, — тихо сказала она.

Я обняла ее за плечи, и мы прижались друг к другу, рассматривая новую комнату. После этого мы провели несколько минут, обсуждая новые шторы и, возможно, покраску изголовья кровати, прежде чем я помогла ей спуститься по лестнице.

Через полчаса Кейр заехал за мной. Мы должны были пойти на ужин, но сначала ему нужно было заехать в офис. Я решила выпить в Моху, а не идти за ним наверх. Он был не в восторге от моего плана, но нехотя согласился, когда убедился, что Торин там.

— Кто-то забыл добавить сахар в чай, — поддразнила Сторми, когда я подошла к бару.

Оглянувшись через плечо, я увидела, как Кейр протискивается через парадный вход с большей силой, чем нужно.

— Он просто драматизирует.

Я обернулась и опустилась на место у барной стойки.

— Я немного показываю кожи, и он думает, что каждый парень в баре будет клеиться ко мне.

Я подмигнула, и Сторми согнулась в приступе смеха.

— Девочка, я должна сказать. Сегодня ты выглядишь сногшибательно. Мужчина не совсем ошибся.

— Спасибо. Сегодня я чувствовала себя немного более дерзкой.

Я выбрала облегающие черные леггинсы из кожи, короткий, но мешковатый свитер на плечо и белые кроссовки. Это было идеальное сочетание беззаботного шика с нотками сексуальности.

— Миссия выполнена. Я и сама давно хотела купить такие леггинсы. Может быть, завтра я немного поброжу по торговому центру.

Она вытерла полотенцем последний бокал и начала складывать их вверх дном.

Я наблюдала за ее работой и поняла, что Сторми мне очень нравится. Она была милой, но дерзкой, и с ней было весело общаться. Она была из тех девушек, с которыми я бы не отказалась дружить, если бы знала, как заводить друзей.

Серьезно, Ро. Пришло время. Подтяни свои трусики и спроси.

Много наглости?

Я прочистила горло.

— Поход в торговый центр звучит забавно. Ты... эээ... заинтересована в какой-нибудь компании?

Сторми засияла.

— Я была бы рада компании. Я не так давно в городе, поэтому у меня не так много друзей.

Я бы хотела, чтобы мои причины отсутствия друзей были такими благовидными. Но, несмотря на прошлое, сейчас я все делала по-другому.

— Откуда ты переехала? Где-то на юге, я так понимаю?

— Я родом из Саванны, но до переезда сюда жила в Чикаго. А ты?

Она прислонилась к барной стойке, все ее внимание было приковано ко мне.

— Я городская девушка, родилась и выросла тут. Что привело тебя на Манхэттен?

Она опустила взгляд, взяла полотенце и вытерла им безупречную столешницу бара.

— Просто нужно было сменить обстановку.

Она замолчала, ее глаза с ухмылкой перебежали с одной стороны на другую.

— И я имею в виду, что в плане обстановки Моху вряд ли можно превзойти.

Мы оба разразились хихиканьем, что привлекло внимание Торина. Он подошел к нам, прикуривая сигарету на ходу.

— Ты не должна поощрять ее, Роуэн. Она никогда не сделает никакой работы, если вместо этого будет болтать.

— Сейчас шесть часов вечера, — ответила я ему, окинув взглядом почти пустой клуб. — Уверена, что несколько минут не помешают вашей ночи.

Тор сверкнул глазами, а Сторми хмыкнула.

— Не обращай на него внимания, Роуэн. Его лай хуже, чем его укус.

Она переглянулась с Тором, и что-то странное произошло в воздухе вокруг нас, как будто Сторми каким-то образом вызвала знойный воздух ночи Джорджии посреди нашей нью-йоркской зимы.

— Я почти уверена, что ты не знаешь, о чем говоришь, Сторм.

Слова Торина прозвучали с новой силой.

Она изогнула идеально ухоженную бровь, не поклонившись ему ни на дюйм.

— Если мне не изменяет память, я знаю лучше многих.

Черт возьми! Между этими двумя определенно что-то произошло, и мне нужны были все подробности.

Я вытащила свой телефон.

— Какой у тебя номер? Ты можешь написать мне свой адрес, и я заеду за тобой завтра.

— Заехать за ней? Для чего? — Рывкнул Торин.

Сторми проигнорировала его и назвала свой номер.

— Торговый центр, — ехидно сказала я, набирая номер. — Ты тоже хочешь пройтись по магазинам?

Он скорчил гримасу и пошел прочь, ворча что-то себе под нос о женщинах и страданиях. Я с трудом сдерживала смех. Сторми тоже.

— О, Боже. Это было бесценно, — сказала она, когда ее смех утих.

— Он лучше усвоит, что меня нельзя злить. Иногда я могу быть немного вздорной.

— Разве я не помню! Я видела тебя на сцене. Ты владела всем клубом.

Я усмехнулась, у меня появилась идея.

— Кейр был не в восторге. Но у вас ведь есть комнаты для частных танцев?

Ее каштановые глаза сверкнули от возбуждения.

— Мы не были бы настоящим стрип-баром, если бы у нас их не было. И все они еще свежесмыты на ночь.

Фу. Я не собиралась думать об этой части.

— Сделай мне одолжение. Когда Кейр спустится, скажи ему, что я жду его там.

— Да, мэм. Но сначала...

Она взяла бутылку со второй полки и налила две рюмки.

— Я бы сказала, что это требует выпивки.

Моя улыбка не могла стать шире.

— До дна.

Мы звякнули рюмками, постучали доньшками о деревянную барную стойку, а затем пригубили огненную текилу. Она обжигала до самого дна самым лучшим образом.

Я подвинула к ней свою рюмку и подмигнула.

— Пожелай мне удачи.

— О, я думаю, что тебе она не нужна.

Я не была уверена, что смеялась так свободно и часто в течение многих лет. Ощущения были потрясающими.

Зайдя в первую из частных комнат, я сняла туфли, носки и леггинсы, оставив только трусики и топ. В комнате было темно и горел мягкий красный свет, а над головой висела элегантная люстра. Моху был стильным заведением, поэтому я не должна была удивляться, что его задние комнаты были красивее, чем я ожидала. Простые, но чистые и современные. Блестящие стены из стеклянной плитки придавали маленькому помещению изюминку, а из

других предметов интерьера здесь были только кожаное кресло и шест.

Я убедилась, что мой свитер обнажает достаточно плеча, затем прислонилась к столбу. Не прошло и двух минут, как Кейр открыл дверь. Все его тело напряглось при виде меня. Все, кроме его глаз. Эти осколки голубого стекла превратились в сдвоенные лужицы жидкой лазури.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала я ему с другого конца комнаты, мой голос был низким и хриплым.

— Правда?

Он скрестил руки на груди.

— Я сейчас работаю. У меня нет времени помогать маленьким девочкам.

Я прикусила нижнюю губу и посмотрела на него сквозь ресницы самым скромным и нелепым образом. Я начала чувствовать себя немного глупо, пока не увидела, как напрягся его член в штанах.

— Что если... я дам тебе кое-что за твое время?

— Например?

Его голос, такой мягкий и одновременно такой пьянящий, резонировал сквозь время и пространство, как раскаты далекого грома.

— Я могу станцевать для тебя.

Мое дыхание сбилось, поднимая грудь к небу. Я заново переживала свой первый визит в клуб, и хотя теперь я знала Кейра гораздо лучше, я все еще чувствовала тот же пьянящий всплеск адреналина, что и несколько недель назад.

Он достал свой телефон и поднес его к уху.

— Выключи камеры в комнате 1.

Он засунул устройство обратно в карман и наконец-то закрыл за собой дверь.

— Я не даю никаких обещаний.

— Все, о чем я прошу, это несколько минут твоего времени.

Мое сердце заколотилось и забилось, когда он подошел ближе, а затем опустился в кресло. Я начала раскачиваться и двигаться в такт музыке. Вскоре я полностью погрузилась в него, дразня и соблазняя каждым движением своего тела.

— Ты профессионально занимаешься танцами?

Сдержанность ушла, пока его голос не стал почти неузнаваемым.

— Нет.

Я посмотрела через плечо, мой взгляд встретился с его взглядом.

— Я танцую только для своего мужа.

Его глаза вспыхнули. Это было моим единственным предупреждением, прежде чем он сделал выпад вперед и усадил меня к себе на колени, расставив мои ноги. Мой центр идеально прижался к его твердой длине. Если бы мы просидели так долго, я бы оставила мокрый след на его брюках, но я не могла заставить себя беспокоиться. Это было чертовски приятно.

— Скажи это еще раз, — грубо потребовал он.

Я подумала, не прикинуться ли мне дурочкой, но решила не делать этого. Это был первый раз, когда я использовала этот термин. Я не избегала его намеренно. Не совсем. Просто у меня не было повода его произносить.

Судя по всему, Кейр заметил, и он жаждал большего.

— Мой муж, — вздохнула я, мой рот был в нескольких дюймах от его рта.

Его ответный поцелуй был ничем иным, как диким владением. Он вытатуировал свое требование на моих губах, скрепив его клятвой навеки. И я дала ему клятву, отдав свое тело и душу.

Это не было большой жертвой.

Они принадлежали ему почти с момента нашей встречи, когда что-то глубоко внутри меня признало его безопасным и знакомым. Находясь рядом с Кейром, я чувствовала себя как дома, и мне никогда не захочется его покидать.

ЭПИЛОГ

Две недели спустя

— У тебя есть планы на завтра?

Я завершил несколько телефонных звонков в своем домашнем офисе и вышел, чтобы застать Роуэн за обеденным столом с ноутбуком. Это было не самое удобное место для работы, но она клялась, что вид оттуда был лучше, чем из любой точки квартиры.

— Я просто пытаюсь сделать как можно больше по этой курсовой работе сегодня и завтра. Сомневаюсь, что мне удастся многое сделать до конца каникул, а после Дня благодарения до выпускных экзаменов останется всего пара недель.

Ее волосы были собраны на голове в беспорядочный пучок, а на ней были треники, по крайней мере, на два размера больше. Она даже не старалась, но была такой чертовски милой.

— Если ты думаешь, что сможешь найти время, то завтра утром ко мне придет дизайнер.

— Дизайнер?

Я выдвинул стул и присоединился к ней за столом.

— Да, ее очень рекомендуют. Она согласилась помочь нам превратить одну из свободных спален в танцевальную студию.

Глаза Роуэн округлились.

— Правда? — Вздохнула она.

Я не мог больше сдерживать свою улыбку.

— Правда, если ты этого хочешь.

— Я ничего не говорила, но я много думала о том, что делать после окончания школы. В данный момент было бы глупо не получить диплом, но мы оба знаем, что политика мне не подходит.

Она нервно одернула рукава.

— Я думала о том, чтобы вернуться к танцам. Я знаю, что прошло много времени с тех пор, как я тренировалась, но я так люблю это. Я подумала, может быть... я могла бы даже преподавать.

— Если в этом мире и есть что-то, в чем я абсолютно уверен, так это твоя способность достичь всего, что ты задумала.

— Так ты не думаешь, что это глупая идея?

— Когда дело касается твоих танцев, глупость — последнее, о чем я думаю.

Мой член запульсировал, словно подтверждая мое мнение.

— Почему ты думаешь, что я хочу иметь студию здесь, в доме? Ты можешь считать это заботой, но я уверяю тебя, это на сто процентов эгоизм.

Ее нижняя губа проскочила между зубами, а улыбка стала шире.

— Меня это устраивает.

Она закрыла ноутбук и взволнованно посмотрела на меня.

— О какой комнате ты подумал?

— Для меня это не имеет особого значения.

— Тогда серая комната, — отмахнулась она. — Если тебе все равно, то окна в той комнате идеальны.

Я наклонил голову в знак согласия. — Серая комната. Может, посмотрим?

Она встала со стула, как ракета. Мы вернулись в серую спальню и обсудили изменения, которые потребуются. Самой значительной и интенсивной частью переделки будет напольное покрытие. Остальное было относительно косметическим, когда убрали мебель.

— А эта стена идеально подходит для зеркал и балетной стойки.

Роуэн осмотрела единственную стену в комнате без окна или двери.

— Обычные или матовые?

Она больше не морщилась при виде зеркала, но я не был уверен, готова ли она к тому, чтобы обзавестись целой стеной таких зеркал.

— Обычные.

Она улыбнулась, ее глаза смягчились, когда встретились с моими.

— До этого момента я не понимала, как мне не хватает студии. Я так взволнована, Кейр. Спасибо.

Я взял ее за пальцы и притянул к себе, долгие секунды любуясь всплесками зеленого и золотого пигмента, борющегося за доминирование в ее глазах.

— Поцелуй меня, — приказал я мягким голосом.

Она приподнялась на носочки и приблизила свои губы к моим. Благоговейно. Страстно. Совершенство.

Ее руки легли мне на плечи, прежде чем поцелуй ослаб, а ее глаза распахнулись и заглянули в мои.

— Я люблю тебя, Кейр Байрн.

Это был первый раз, когда она произнесла эти слова. В первый раз за все время. Я уже несколько недель знал, что безнадежно влюблен в нее, но не хотел говорить об этом. Тот факт, что я заставил ее вступить в отношения в самом начале, заставлял меня желать, чтобы она сделала следующий шаг сама, а не из какой-то потребности ответить взаимностью.

Когда она наконец произнесла эти три маленьких слова, мои ребра почувствовали себя неспособными сдержать стремительное расширение моего сердца. Оно давило на границы моей груди и заполняло мое горло, заглушая мой голос до густого, беспорядочного рычания.

— Покажи мне.

Роуэн развернула нас и одним движением толкнула меня обратно на кровать. Куда я, туда и она, расположившись на моем теле и прижавшись губами к моим. Я продвинул нас еще дальше на кровать, стягивая с ее головы мешковатую толстовку. Она была обнажена, и это сделало мой член невероятно твердым.

По одному предмету одежды за раз мы убрали барьеры между нами. Я подождал, пока головка моего члена дразняще коснется ее входа, прежде чем мои руки крепко сжали ее бедра, чтобы остановить ее движение. Ее взгляд встретился с моим.

— Моя любовь к тебе, маленькая овечка, безгранична. Я люблю тебя так сильно, что мне больно.

Я толкнулся вверх, удерживая ее на месте, и глубоко вогнал свой член в нее.

Роуэн откинула голову назад, ее длинные двухцветные волосы спускались до самой

попки, открывая мне вид на ее идеальные груди. Мои руки скользнули вверх по ее бокам, чтобы погладить округлые бугорки, а затем ущипнуть ее соски. Такие румяные и упругие, что я почти чувствовал их на своем языке.

Мое прикосновение вернуло ее взгляд к моему. Она положила руки мне на грудь и начала раскачиваться, двигая бедрами, чтобы скользить по моему члену.

— Так божественно, — снова вздохнул я.

Я позволил своей жене задавать темп столько, сколько мог. Когда мой ненасытный голод потребовал большего, я перевернул ее на спину и взял инициативу на себя. Я говорил себе, что не буду этого делать, но, когда дело касалось Роуэн, моя сдержанность никогда не была на высоте. Она была нужна мне так же сильно, как воздух в легких и кровь в венах. И если бы мне понадобилось, я бы защищал всех троих с одинаковой жестокостью.

Мою жену. Мою любовь. Мою жизнь.

— Сегодня ты ни разу не улизнул через заднюю дверь, — тихо заметила Нана, посигналив мне, чтобы я присоединилась к ней.

— Ну, мне показалось не очень честным бросать Роуэн на ее первом семейном ужине, да еще и в День благодарения.

Нана озорно усмехнулась, глядя на меня краем глаза.

— Я знаю, что это так, — согласилась она преувеличенным тоном, который явно говорил о том, что она не считает это единственной причиной. — Ты не можешь оставить девушку одну во всем этом хаосе. Это может быть слишком тяжело для бедняжки.

Мы оба посмотрели туда, где Роуэн сидела на полу и играла в удивительно увлекательную игру "Страна конфет" с Пиппой и Ноэми, у каждой из которых на коленях сидел корчащийся ребенок. Ей и близко не грозила опасность быть перегруженной.

Я бросил на Нану язвительный взгляд.

Она надула грудь и закивала от восторга.

— Я вас нисколько не виню. На самом деле, я рада, что вы так счастливы вместе. Я бы хотела, чтобы все мои внуки были в таком хорошем месте, как вы.

Ее губы сжались, когда она бросила быстрый взгляд на Орана, стоявшего у окна с бокалом виски в руке. Он пришел на ужин, но не произнес и десятка слов.

— Он переживет это, Нана. Это займет какое-то время.

— Конечно, только жаль, ведь он стареет, а от этого не легче.

Мне не очень хотелось обсуждать психическое здоровье Орана с бабушкой, поэтому я вздохнул с облегчением, когда группа "Конфетной страны" разразилась спонтанными возгласами. Игра была окончена. Пора проведать жену.

Я наклонился, чтобы поцеловать бабушку в щеку, и пробрался к группе. Три женщины сообщали детям тяжелую новость о том, что игра окончена. Они начали было спорить, но, взглянув на меня, разбежались.

— Ты бьешь их, когда никого нет рядом? — Поддразнила Пиппа, переводя взгляд с меня на дымовые следы, оставленные детьми.

— Один раз используешь ремень, и они думают, что ты монстр.

Ее голова повернулась обратно ко мне в стиле Экзорциста.

— Шучу, Пип.

Я поднял бровь.

Роуэн и Ноэми разразились смехом. Я уступил и позволил себе небольшую ухмылку, придвинув обеденный стул и сев рядом с ними.

— Время игры закончилось?

— Да, — ответила Роуэн. — Трех раундов было достаточно.

Она собирала карточки с разноцветными квадратиками, когда Пиппа взяла ее за руку, чтобы изучить татуировку Роуэн.

— У тебя и Ноэми крутые татуировки с мужьями. Почему это я вдруг почувствовала, что у меня должна быть такая же?

Ноэми усмехнулась.

— Мы обе сделали их, когда вышли замуж. Может быть, это будет хотя бы одна вещь, которую вы могли бы сохранить до свадьбы.

Ноэми была относительно тихой, по крайней мере, по сравнению с другими женщинами в семье, поэтому, когда она говорила такие колкости, это было еще более забавно.

Мне пришлось закашляться, чтобы скрыть свой смех.

Роуэн зажала рот рукой, а у Пиппы глаза чуть не выпали из глазниц. Я ожидала язвительного, но игривого ответа, но она удивила меня, ответив одним словом.

— Туше.

Все трое так сильно смеялись, что начали плакать, а Ноэми пришлось убежать в туалет, причитая, что она описалась. Это только заставило двух других смеяться еще сильнее.

Я не ожидал, что меня охватит гордость от того, что Роуэн так хорошо вписалась в мою семью. Да, я хотел, чтобы они понравились ей, и наоборот, но я не понимал, насколько это важно для меня, пока не увидел, как она влилась в семью, как естественная ее часть.

Я поймал взгляд жены и наклонился вперед.

— Я подумываю о том, чтобы закончить на ночь. Ты не хочешь остаться здесь еще ненадолго?

Мне нравилось видеть ее такой счастливой, но это не делало меня больше экстрасервом. Я просидел несколько часов и был готов бежать домой.

— Мы можем пойти. Я и сама уже вымоталась.

Слава Богу.

Я уже собирался встать, когда мой телефон завибрировал в кармане. Все в городе было закрыто, и все, кто был важен для меня, находились в этой комнате. Кто, черт возьми, звонил?

— Да?

— Мистер Байрн? Это Аарон из Precision Security. Мы обнаружили активность датчиков по адресу 126, 38-ая улица. Хотите, я пришлю полицию для расследования?

В Моху сработала сигнализация? Что за чертовщина?

— Нет. Я поеду туда и проверю. Я уверен, что ничего страшного.

Я не был так уверен, но меньше всего мне хотелось, чтобы копы рыскали в моем клубе. Если бы была проблема, мы бы сами с ней разобрались.

— Спасибо. Приятного вечера, — сказал монотонный голос, прежде чем линия отключилась.

— В чем дело? — Спросила Роуэн, когда к нам присоединился Торин. Он заметил, что я отвечаю на звонок.

— В клубе сработала сигнализация.

— Я пойду проверю, — быстро предложил Тор.

— Мы все равно собирались уходить, — сказал я ему. — Я загляну по дороге домой, на

всякий случай.

Он отрывисто кивнул, и Роуэн вскочила на ноги. Мы быстро попрощались со всеми и уже через несколько минут были в пути. Торин ехал на своем мотоцикле позади нас. Я любил хороший мотоцикл не меньше других, но никогда не понимал его отказа сесть за руль чего-либо другого. Упрямый засранец должен был замерзнуть. Между драками и его мотоциклом, иногда я задавался вопросом, не уронила ли его мать в младенчестве.

Через тридцать минут мы припарковались перед Моху. Все выглядело так, как и должно быть. Я предпочитал готовиться к худшему, но тревога могла быть случайностью.

— Я собираюсь проверить все с Тором. Я хочу, чтобы ты оставалась здесь, двери заперты. Понятно?

— Да, сэр.

Она отдала честь, приложив руку ко лбу.

— Умница.

Я ухмыльнулся.

— Запасной пистолет под сиденьем, на всякий случай.

— На случай чего?

Она замялась.

Я пожал плечами.

— Черт его знает.

Я вышел из машины, повернулся и подождал, пока за мной закроются двери, прежде чем присоединиться к Торину у входа в Моху.

— Заперто. Если кто-то и попал внутрь, то через черный ход.

— Я очень сомневаюсь, что там кто-то есть, — сказал я ему, вставляя ключ в замок. — Сейчас День благодарения. Даже албанцы сегодня не выходят. Если бы я мог предположить, я бы сказал, что это проклятые крысы, которые постоянно размножаются в переулке.

Я открыл дверь и шагнул внутрь, щелкнул выключателем, который включил только набор люминесцентных ламп на передней панели. Главный распределительный щит находился сзади.

С пистолетом в руке Торин начал пробираться через клуб. Я держал свой в кобуре и следовал за ним. Все выглядело хорошо, пока мы не добрались до женской раздевалки. Из-под двери блеснул свет.

Мы с Тором обменялись взглядами. Мы переместились по обе стороны двери, и я, наконец, достал свой пистолет, сняв его с предохранителя. Послушав минуту и ничего не услышав, он распахнул дверь и увидел то, что я меньше всего ожидал увидеть.

Сторми сидела у шкафчиков, прижав колени к груди, и дрожала как лист. И это было еще не все. Ее левый глаз опух, а губа кровоточила. Когда мы ворвались внутрь, она вздрогнула, потом обхватила себя руками и поморщилась.

— Сторм, какого черта! — Прорычал Торин.

— Полегче, — рявкнул я на него.

— Мне так жаль, ребята, — умоляла Сторм. Ее голос был хрупким, не похожим на голос нахальной южной красавицы, который мы привыкли слышать. — Я думала, что приход сюда может вызвать тревогу, но мне больше некуда было идти.

Мы с кузеном подошли к ней и присели на корточки, чтобы рассмотреть поближе.

— Что случилось, Сторми? — Спросил я.

Если у нее дома есть парень, который так поступил, то ему предстояло серьезно

влипнуть.

— Это была моя собственная чертова вина. У меня было чувство, что кто-то следит за мной по дороге домой, и я должна была прислушаться к своим инстинктам.

Ее глаза были устремлены на колени, пока она говорила, отказываясь смотреть на кого-либо из нас. Я не был уверен, смущается ли она или скрывает правду.

— Тебе нужно где-то остановиться? — Спросил я.

Она медленно кивнула, подняв взгляд на меня.

— Я не могу вернуться туда прямо сейчас.

Торин вскочил на ноги.

— Вот ключ от мотоцикла. Она поедет со мной.

Он протянул руку, предположительно для ключа от моей машины.

Я медленно встал, удивленный его настойчивостью.

— Ключи все еще в машине, и я не возьму Роуэн на этот чертов мотоцикл. Мы вызовем Uber.

Торин начал опускаться на землю, но я протянула руку, чтобы остановить его.

— Ты уверен, что справишься с этим? Она не готова к допросу.

Я не был уверен, что на него нашло. Он не был похож на опекуна, но я чувствовал, что окажусь между собакой и ее костью, если остановлю его.

— Я не полный засранец, Кейр, — выстрелил он мне в ответ.

Это было спорно.

Уголки мои губ опустились.

— Я хочу завтра узнать подробности.

Он отрывисто кивнул, затем опустился, чтобы осторожно поднять Сторм на руки.

Я не ожидал, что моя ночь закончится именно так, но, похоже, таков был мой мир. Месяц спокойствия, а потом разразился ад. У нас был свой месяц. Пришло время для хаоса.